

ГРЕЧЕСКІЕ РОМАНЫ ВЪ НОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЪ

ПОВѢСТЬ О ВАРЛААМЪ И ЮСАФЪ.

А. Кирпичникова.

Х А Р Ъ Е О В Ъ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

І 8 7 6.

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета.

Ректоръ *А. Пистра 2-й.*

Отдѣльные оттиски изъ «Записокъ Харьковскаго Университета». 1876.

Предлагаемое изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ, говоря о *вліяніи греческаго эротическаго романа на романъ новой Европы*, я имѣлъ дѣло съ матеріаломъ, всѣмъ извѣстнымъ, но въ послѣднее время несправедливо заброшеннымъ. Матеріаль этотъ, самъ по себѣ нелишенный занимательности, представляетъ ту выгоду, что теорія литературнаго заимствованія можетъ быть приложена къ нему во всей своей строго научной чистотѣ, безъ догадокъ и предположеній. Говоря о *вліяніи* греческаго романа, я не могъ обойти тѣхъ условій, при которыхъ онъ возникъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ возможности сослаться на сколько-нибудь полное изслѣдованіе этого предмета, составленное специалистомъ-классикомъ. Съ идеаломъ отживающаго язычества я счелъ не лишнимъ сопоставить идеаль христіанскаго аскетизма, представляемый повѣстью о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Съ помощію неизвѣстныхъ за границей славянскихъ редакцій, сохранившихся въ нашихъ библіотекахъ, я старался освѣтить хоть часть длинной литературной исторіи этой повѣсти, еще до сихъ поръ не забытой нашими старцами.

Въ -виду малой распространенности текстовъ и переводовъ тѣхъ памятниковъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, я счелъ нужнымъ приложить въ своему изслѣдованію извлеченія изъ эротическихкихъ романовъ и аскетической повѣсти.

Почти излишне говорить, что точкой отправленія для меня служили труды гг. Либрехта и Пыпина, безъ которыхъ не могла бы появиться и моя книга.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Г л а в а I.

Стран.

Язычество и христiанство; ихъ борьба и взаимодействiе. Два направленiя въ церкви; направленiю аскетическое и характеръ его литературы. Греческiй романъ въ Греци: обстоятельства, обусловившия его появленiе; зачатки греческаго романа: Антонiй Дiогенъ, Ямблихъ; Гелiодоръ; Ахиллъ Тацiй; Ксенофонтъ; Харитонъ; Евстаеiй; Лонгъ. Византийскiе стихотворные романы. 1

Г л а в а II.

Влiянiе греческаго романа на романъ новой Европы. 104

Г л а в а III.

Варлаамъ и Ioасафъ. Русскiя редакци. Западно-европейскiе переводы и передѣлки 169

Г л а в а IV.

Ioасафъ и Будда. Исторiя параболъ. Мѣсто, время и авторъ «Варлаама». 211

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I. Содержанію романа Геліодора	I
II. Содержанію романа Ахилла Тація — «Левкиппа и Клитофонъ»	29
III. Содержанію эфесскаго романа Ксенофонта	47
IV. Содержанію романа Харитона	53
V. Содержанію романа Эвстафія (или Эвматія) — «Лю- бовь Исмены и Исменія»	59
VI. Пастушескій романъ Лонга	65
VII. «Варлаамъ и Иоасафъ»	74

Г Л А В А I.

Язычество и христианство; ихъ борьба и взаимодействіе. Два направленія въ церкви; направление аскетическое и характеръ его литературы. Греческій романъ въ Греціи: обстоятельства, обусловившія его появленіе; зачатки греческаго романа. Антоній Діогенъ; Ямвлихъ; Геллудоръ; Ахиллъ Тацій; Ксенофонтъ; Харитонъ; Евстаѣій; Лонгъ. Византійскіе стихотворные романы.

Время появленія литературныхъ памятниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, можетъ быть опредѣлено только приблизительно: ни одинъ изъ эротическихъ греческихъ романовъ не могъ возникнуть раньше конца II вѣка по Р. Х. и окончательная редакція Варлаама и Іоасафа не можетъ быть отнесена далѣе VIII вѣка.

Впродолженіи этихъ пяти съ половиною столѣтій въ тѣхъ земляхъ, гдѣ говорили по-гречески, совершилась величайшая въ мірѣ умственная революція: язычество уступило свое мѣсто христианству; не только измѣнился культъ и одинъ предметъ поклоненія замѣнился другимъ, но измѣнился весь внутренній чело-вѣкъ. Между возрѣніями греческаго ритора II столѣтія и византійскаго церковнаго учителя, пожалуй, не больше сходства чѣмъ между жителемъ лондонскаго Сити и американскимъ диваремъ; а между-тѣмъ въ нервомъ случаѣ разница чисто квалитативная: что касается степени цивилизаціи, греческой риторъ стоялъ даже выше византійскаго учителя.

Во всякой революціи выступают на сцену два фактора — старый и новый порядокъ вещей. Старый порядокъ существуетъ и до революціи, но онъ не сознается, какъ *старый*, а признается единственно возможнымъ порядкомъ. Пока машина дѣйствуетъ удовлетворительно, революція невозможна. Какъ бы ни была блестяща идея новатора, она не будетъ имѣть успѣха: отъ добра добра не ищутъ. Но когда винты ломаются, невыносимый скрипъ рѣжетъ ухо, когда машина отказывается перерабатывать новый подкладываемый исторіею матеріаль, порядокъ вещей дѣлается *старымъ*. Со всѣхъ сторонъ на него слышны жалобы, критика рветъ его на части, срываетъ покровы съ самыхъ священныхъ предметовъ и съ злорадствомъ показываетъ публикѣ пыль и мусоръ, тамъ, гдѣ предполагались «бисеры многоцѣнные». Тогда лучшіе люди, не могущіе довольствоваться однимъ отрицаніемъ, стараются поправить дѣло, пытаются замѣнить поломавшіяся части машины новыми, подновить ее хоть сверху, прибавить для новыхъ потребностей новыя колеса; часто въ этихъ попыткахъ виденъ гений: предвидѣнію новаго порядка; но въ результатѣ всегда неудача, и лучшіе люди впадаютъ въ отчаяніе. Тогда выступаетъ на сцену новый порядокъ; оптимисты, его первые провозвѣстники, воображаютъ, что усталое отъ напрасныхъ усилій человѣчество такъ и кинется въ ихъ объятія; этого никогда не бываетъ.

Стремленіе къ сохраненію стараго такая-же общая, вѣчно присутствующая и естественная черта человѣка, какъ и стремленіе къ приобрѣтенію новаго; къ тому же новый порядокъ является въ такой идеальной, непрактичной и противной всякому преданію формѣ, что самые разумные (по своему) люди отворачиваются отъ него. Если сила не на его сторонѣ, онъ долженъ пробивать себѣ дорогу шагъ за шагомъ; но успѣхъ его — историческій законъ. Сперва незамѣтный и слабый, потолкавшись межъ людей, принявъ болѣе практическія формы, онъ дѣлается матеріальною си-

лой. Старый порядокъ, опирающійся на массу, всгупаетъ съ нимъ въ рѣшительную борьбу; напрягаетъ для нея всѣ силы, какъ будто обновляется въ ней, захвативъ въ руки оружіе противника; но ему измѣняетъ его главная точка опоры—масса; тогда наираспы всѣ старанія запоздалыхъ героевъ: собственною силою отжившій порядокъ держаться не въ состояннн.

Со времени походовъ Александра Македонскаго, эленизмъ пересталъ ограничиваться Элладой: боги Олимпа и философскія идеи, враждебныя имъ по существу, разсѣялись по всему известному міру; если побѣжденные не истребляются, но сливаются съ побѣдителями, ихъ цивилизація, какъ-бы ни была низка она, войдетъ, какъ новый элементъ, въ цивилизацію побѣдителей; въ данномъ случаѣ объ истребленнн не могло быть и рѣчи, и завоеватели—боги Олимпа должны были допустить въ ряды свои боговъ варварскихъ. Между-тѣмъ въ самой Элладѣ аеинская культура распространялась по всѣмъ городамъ и въ массѣ понижалась въ уровнѣ; между умственными аристократами и плебеями образовалась пропасть: въ то время, какъ философы доходили до отрицанн народной религнн, народъ впадалъ въ суевѣрнн; вновь допущенны на Олимпъ божества и варварскнн ритуалы были для него желаемыми гостями¹. Покоривъ міръ и покорившись греческой цивилизаціи, Рямъ своими военными дорогами и своею склонностью къ грубому суевѣрнн еще болѣе усилилъ это великое передвиженнн боговъ²; объединеннн міра подъ его властію способствовало объединеннн политеизма.

¹ Уже Менандръ постоянно издѣвается надъ суевѣрннми, пришедшими съ востока, особенно надъ жрецами Кибелы. См. *Benoit, Essai historique et litteraire sur la comédie de Méuandre. Paris. 1854.*

² Уже послѣ 2-й пунической войны тамъ распространяется поклоненнн Изидѣ и Серапису и уже тогда запрещается сенатомъ. *Ешевскій, Очерки язычества и хрнстіанства. Соч. I, 349.*

Во времени утверждѣнія имперіи, Римъ давалъ тонъ всему міру. Дѣло вѣры стояло тамъ въ такомъ положеніи: высшій классъ, пропитанный греческою философіей, ни во что не вѣрилъ искренно; народъ потерялъ свою государственную религію и готовъ былъ поклоняться всему, чему укажутъ, и всему, что по-дѣйствуетъ на фантазію. Августъ, въ молодости пародировавшій олимпійскія божества, сдѣлавшись верховнымъ жрецомъ начинаетъ приводить религію въ порядокъ: строить храмы, устанавливать праздники и пр.¹; при его наслѣдникахъ уничтожены ауспиціи передъ выборами чиновниковъ (такъ-какъ самые выборы потеряли значеніе); за-то начинаются апоэеозы императоровъ (а въ провинціяхъ даже проконсуловъ)²; еще Августъ позволилъ въ провинціяхъ строить себѣ храмы; Калигула возведенъ въ число боговъ при жизни и ему приносятъ *человѣческія* жертвы. На эти апоэеозы, на поклоненіе генію Рима, даже на старыхъ олимпійскихъ боговъ общество смотрѣло, какъ на нѣ-которую духовную повинность, отбѣтіе которой, примиряя чело-вѣка съ государствомъ, не примиряло его съ самимъ собою; собственной духовной потребности удовлетворялъ всякій, какъ умѣлъ. Наиболѣе сподручнымъ средствомъ была вѣра въ чудесное, поклоненіе шарлатанамъ-теургамъ, усиливавшееся со дня на день. Обратимся ли мы къ достовѣрнымъ фактамъ, обратимся ли къ тѣмъ литературнымъ памятникамъ, которые лучше другихъ выражаютъ настроеніе общества и отражаютъ его нравы, вездѣ найдемъ мы многочисленныя указанія. Въ романѣ Петронія одинъ изъ друзей Тримальхіона Ницеросъ рассказываетъ, какъ на его глазахъ одинъ его пріятель воинъ обратился по-

¹ *Villemain*, Tableau de l'éloquence chrétienne au IVe siècle. 1854. р. 16 и слѣд.

² Объ апоэеозѣ Димитрія въ Асинахъ см. Histoire des trois premiers siècles de l'église chrétienne par *De Pressensé*. I, 2 éd. Paris. 1868. 176 и 179.

собственной охотѣ въ волка; а чудеса, совершенныя Аполлономъ Тіасскимъ и описанныя съ полною вѣрою и съ попытками объясненія однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, демоны, ламіи, съ которыми онъ ведетъ непрестанную борьбу, его способность переноситься черезъ огромныя пространства, пониманіе языка животныхъ и прч., — все это не уступитъ чудесамъ Цезарія Гейстербаха. Положимъ, что Лукіанъ преувеличиваетъ всеобщее поклоненіе неискуснымъ шарлатанамъ въ родѣ Александра; но все-же его озлобленіе могли вызвать только факты, а не продуктъ его воображенія. Положимъ, что Апулей хочетъ посмѣшить читателей на-счетъ глупости толпы; но цѣль его могла быть достигнута только въ томъ случаѣ, если читатели ежедневно видѣли факты, возбудившіе его насмѣшки. Извѣстно, что въ это время цивилизованные антропоморфисты съ особеннымъ удовольствіемъ принимали въ свой Олимпъ деревянныхъ и каменныхъ боговъ своихъ варварскихъ подданныхъ¹. Рутілішъ Лукіана, «человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшій», высокопоставленный римскій чиновникъ, падавшій въ прахъ передъ всякимъ камнемъ, облитымъ масломъ или увѣзчаннымъ цвѣтами, — типъ, выхваченный изъ жизни. Подъ вліяніемъ этихъ прищипцевъ и этого настроенія, религія Олимпа, не только въ Римѣ, но и въ Греціи, утратила свою красоту и не возбуждала въ человѣкѣ наслажденія жизни; олимпійскіе боги отдали испорченныхъ потомковъ Ахиллеса во власть ламіямъ, злымъ сатирамъ и демонамъ.

Люди передовые, сохранившіе ясность головы, или дѣлались отчаянными скептиками, или увлекались вновь возникшими или

¹ Прежде чужеземные культы были запрещены вслѣдствіе *innumera bilia decreta pontificum, senatus consulta* и *haruspicum responsa*, и частные люди не имѣли права поклоняться тому, что не было признано достойнымъ поклоненія правительствомъ. *Ешевскій*, I. с. 290.

возстановленными философскими системами. Скептицизмъ не отказывался отъ всякаго идеала: «я представляю, говоритъ Лукіанъ¹, добродѣтель городомъ, граждане котораго пользуются совершеннымъ счастіемъ.... смѣлые безъ исключенія, справедливые, умѣренные, они — чуть не боги... въ этомъ городѣ нѣтъ ни золота, ни удовольствій, ни тщеславія, которыя могутъ возбуждать ссоры». Но этотъ идеаль слишкомъ высокъ; ни одна философская школа не доведетъ своего послѣдователя до такой степени совершенства; наука не знаетъ дороги къ этому городу, и потому «лучшая жизнь, наиболѣе мудрая жизнь — жизнь невѣждъ; выкинь изъ головы глупую идею разсуждать о небесныхъ явленіяхъ, изслѣдовать начало и конецъ вещей и, исполнившись презрѣнія къ силлогизмамъ философовъ, считай все это вздоромъ; хлопочи только объ одномъ — хорошенько наслаждаться жизнью»². Во всемъ сомнѣвающимся академики подготовили невѣріе, которое, какъ это часто случается, не исключало суевѣрія; Плиній, отвергавшій боговъ и безсмертіе души, вѣрилъ въ талисманы; Лукіанъ, отвергавшій вмѣшательство боговъ въ управленіе міромъ, признавалъ таинственную силу чаръ и заклинаній³; положительныя философскія ученія не имѣли силы противиться господствующему суевѣрію; Маркъ Аврелій — стойкъ; его стоицизмъ носитъ на себѣ особый иррелигіозный характеръ: стремленіе къ активной добродѣтели и смиренномудрію; но Маркъ Аврелій искренно вѣритъ снамъ и предзнаменованіямъ; о пнеаторейцахъ не чего и говорить: достаточно указать на Аполлонія Тіанскаго.

¹ Геронимъ или секты, гл. 22.

² Id. Мениппъ. Такой-же совѣтъ — срывать цвѣты удовольствія даетъ юношѣ у Альцифрона (I, письмо 34) гетера, доказывающая, что софисты ничѣмъ не лучше продажныхъ женщинъ.

³ *Ешевскій*, l. c. 361. «Partout sur les ruines des croyances régnait l'indifférence et la superstition». *Petit de Julleville, L'école d'Athènes au IV siècle. Paris. 1868. p. II.*

Извѣстно, что неоплатонизмъ своими эманациями вель въ тотъ-же лѣсъ суевѣрій и колдовства: знаменитый Либаній жалуется, что ему околдовали языкъ ¹; Юліанъ постоянно видѣлъ пророческіе сны, обучался, говорятъ, магіи, какъ наукѣ, и прч.; суевѣрію уступала даже римская національная гордость — когда-то святое и всепоглощающее чувство: Зосима усеи́хъ римскаго государства объясняетъ не доблестью гражданъ, но судьбою и перемѣнами звѣздныхъ движеній.

Первые христіане смотрѣли съ презрѣніемъ на эту соціальную ианію; на этомъ, между прочимъ, основано обвиненіе въ атеизмѣ, которое такъ часто пускали въ ходъ ихъ гонители. Правда, рядомъ съ этимъ ихъ обвиняли и въ колдовствѣ; но толпа, какъ извѣстно, всегда возводитъ эту клевету на людей, удаляющихся отъ нея, сврывающихъ свой культъ или свои собранія отъ непосвященныхъ глазъ. Люди, знавшіе христіанъ нѣсколько ближе, готовы были идти на сдѣлку, дать Іисусу мѣсто среди разнокалибернаго новаго Олимпа; извѣстна, напр., подобная попытка Александра Севера; но умственная аристократія — поэты, философы, политики, лучше понимавшіе сущность христіанства, не могли надѣяться на подобное примиренію и вели войну не на жизнь, а на смерть ². Они старались поднять язычество великолѣніемъ обрядовъ, старались возобновить отдаленную старину; даже не отступали передъ обрядами глубокаго варварства; приносили человѣческія жертвы и вкушали жертвенное мясо ³; старались воспрепятствовать распространенію невѣ-

¹ *Schoell*, Hist. de la litt. grecque. III, LXXV.

² *Евсевій Памфилъ*, Церковная исторія (русск. пер.), стр. 346. Діонисій Александрійскій, рассказывая о гоненіи, виновникомъ его считаетъ какого-то поэта.

³ Извѣстно, что Максенцій передъ рѣшительною битвою приносилъ такую жертву. *Воеводскій*, Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ. Спб. 1875, стр. 213.

рія строгою цензурою на чтеніе ¹ и пр. Борьба эта не могла окончиться въ пользу стараго порядка вещей: помимо скептицизма, мистицизма, нарушенія гармоніи между духомъ и тѣломъ, въ язычествѣ давно замѣчаются явленія, предвозвѣщающія новый порядокъ: гомеровскій аидъ, гдѣ тѣни ведутъ какую-то полужизнь, но сохраняютъ увяженіе къ великимъ царямъ земли, давно уступилъ мѣсто елисейскимъ полямъ и тартару; тамъ всѣ равны безъ изъятія; богатынъ приходится хуже, такъ-какъ они скорбятъ о потерянномъ счастьи, и Лукіановъ Гермесъ съ особеннымъ удовольствіемъ сажаетъ бѣднаго ремесленника на плечи тирану или богачу. Все чаще и чаще «боги» замѣняются «божествомъ», «провидѣніемъ», «божественными законами»; принципы стоицизма Марка Аврелія — основа христіанской морали; александрійско-еврейская школа давно уже подготавливала язычниковъ къ принятію евангелія; единый Богъ и отъ него рожденный *λόγος* платониковъ, такъ-же какъ и ихъ посты и продолжительная молитва говорятъ сами за себя. Гдѣ въ этихъ и имъ подобныхъ явленіяхъ по отношенію къ христіанству кончается единство мотивовъ и начинается заимствованію — другой вопросъ; но заимствуется только тотъ принципъ, который уже находится безсознательно въ душѣ ищущаго истины.

Со времени Константина христіанство дѣлается господствующею религіею; при этомъ, естественно, новая религія, выигрывая въ количествѣ, не могла не проиграть въ качествѣ послѣдователей; указы христіанскихъ императоровъ противъ волшебства и магіи повторяются чуть не каждый годъ ²; въ рядахъ христіанъ много людей индифферентныхъ къ религіи, много колеблю-

¹ Запрещено было чтеніе сочиненій въ родѣ Цицеронова «De divinatione». *Ешевскій*, 323.

² *Auer, Kaiser Julian der Abtrünnige. Wien. 1853. Стр. 94 и слѣд.*

щихся (извѣстна исторія Константина и философа Сопатера) и въ-особенности много двоевѣрныхъ людей¹.

Извѣстно, что продолжительная война сближаетъ воюющія стороны почти въ такой-же степени, какъ и продолжительныя мирныя сношенія; презрѣнiе и ненависть, глубокая антипатiя замѣняются взаимнымъ уваженiемъ; стороны ассимилируются и борьба принциповъ замѣняется борьбою личностей и частныхъ интересовъ. То-же случается и въ борьбѣ религiозной: ожесточенiе Юлиана и неоплатониковъ-софистовъ противъ христiанъ и, съ другой стороны, ожесточенiе Θεодосiя противъ изычества не должны насъ ослѣплять; въ той и другой партiи можно замѣтить слѣды взаимнаго уваженiя, терпимости и стремленiе позанимствоваться умомъ отъ противниковъ. По опредѣленiю платоника Саллюстiя, друга Юлиана, — «Богъ есть существо неизмѣняемое, безъ начала и конца, безтѣлесное, неограниченное пространствомъ»²; Юлианъ запрещаетъ аплодисменты въ храмѣ, отвергаетъ басни о любовныхъ похиженiяхъ и ссорахъ боговъ³, требуетъ отъ жрецовъ строгой нравственности, запрещаетъ имъ посѣщать зрѣлища, приказываетъ носить простое платье внѣ службы, великолѣпное во время ея, приказываетъ имъ заботиться о бѣдныхъ, стремится поставить церковь выше государства запрещая жрецамъ унижаться передъ военнымъ и гражданскимъ начальствомъ, требуетъ отъ всѣхъ троекратной ежедневной молитвы и прч.⁴. Трудно заподозрить его искренность, когда онъ говоритъ жрецу Θεодору, что «христiане — люди благочестивые, по крайней мѣрѣ отчасти, такъ-какъ они почитаютъ

¹ О синкретическихъ ересяхъ II и III вв. см. *Kurtz, Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte*. 2-te Ausg. § 62 и слѣд.

² См. заглавiе 2-й ч. *περὶ Θεῶν καὶ κόσμου*, *Schoell*. III, XCII.

³ Ихъ отвергали, впрочемъ, Сцевола (за 95 л. до Р. X.), Варронъ, и надъ ними издѣвался Сенека. *Ешевскiй*. 323 — 341.

⁴ *Auer*, 192 и слѣд. 200 и слѣд.

того, кто на самомъ дѣлѣ всемогущъ я управляетъ видимымъ міромъ; и мы, утверждаю я, почитаемъ его же, только подъ другими именами»¹; тѣмъ болѣе трудно, что вслѣдъ за тѣмъ онъ обвиняетъ христіанъ въ нетерпимости. Свою ненависть къ христіанству объясняетъ Юліанъ, между прочимъ, ненавистью къ роскоши, распутству двора Константина² и къ «безнравственности» всеочищающаго крещенія и покаянія³. Другіе неоплатоники не пренебрегали и христіанскими книгами: Амелій цитуетъ начало евангелія отъ Іоанна, понимая подъ λόγος — творящій духъ⁴; Эней изъ Газы въ своемъ Теофраствѣ смѣшиваетъ неоплатоническій λόγος съ Христомъ и мировую душу съ Св. Духомъ⁵. Въ 345 г. аеинскій популярнѣйшій риторъ Проврезій, христіанинъ по единогласному свидѣтельству современниковъ, восхваляетъ Цереру, живетъ въ дружбѣ съ язычникомъ префектомъ Иллиріи Анатоліемъ и даже съ жрецомъ Милезіемъ⁶. Извѣстно стремленіе александрійскихъ отцевъ соединить языческую мудрость съ христіанскою: христіанская школа, ограничивавшаяся въ-началѣ изученіемъ св. писанія, скоро допустила въ число учебныхъ предметовъ философію и даже миеологию Греціи⁷. Извѣстенъ цѣлый рядъ писателей, религію которыхъ нельзя опре-

¹ *Alb. de Broglie, L'église et l'empire romain au IV siècle. 4-me éd. II, Paris. 1868. 132.*

² Къ Роскоши, какъ къ своей богинѣ, прибѣгаетъ за покровительствомъ Константинъ, см. *Καίσαρες ἢ συμπόσιον*, нѣм. пер. *Osiander, Griechische Prosaiker. T. 260. 1856. стр. 71—72.*

³ *Ibid.* въ концѣ. Ср. разсказъ Зосимы (II, 29) о томъ, будто Константинъ припалъ христіанство, такъ-какъ жрецы не соглашались очистить его отъ двойнаго убійства.

⁴ *Auer, стр. 23.*

⁵ *Schoell, III, XCII.*

⁶ *Petit de Julleville l. c. 39 и слѣд.*

⁷ *Matter, Histoire de l'école d'Alexandrie. 2-de éd. I, 288.*

дѣлать съ достовѣрностью: Нонній, александрійскій поэтъ (IV и V вв.), излагаетъ мнѣн о Діонисіи и перелагаетъ въ стихи евангеліе отъ Іоанна; извѣстенъ епископъ - философъ Синезій Птолемаидскій, въ церковныхъ пѣсняхъ котораго находятъ удивительную смѣсь неоплатоническихъ философемъ и христіанскихъ догматовъ; даже въ VI в. не всегда можно съ увѣренностію судить о религіи писателя: сомнѣваются, къ какой религіи принадлежалъ Прокошій Цезарейскій, сопровождавшій въ 527 г. Велисарія въ его походахъ. По необходимости, но безъ всякаго страха за спасеніе души, христіаннѣйшіе отцы поручали воспитаніе своихъ дѣтей язычникамъ - софистамъ: Θεодосій приставилъ къ Аркадію христіанскаго священника и языческаго философа Темистія¹; этотъ Темистій былъ назначенъ сенаторомъ при Ковстанціи, состоялъ въ интимной перепискѣ съ Юліаномъ; при Θεодосіи былъ префектомъ Константинополя; у него учился св. Августинъ; Григорій Назіанзенъ былъ съ нимъ въ дружбѣ и называлъ его «царемъ краснорѣчія»²; его ученикъ Либацій основалъ школу въ Антіохіи и былъ учителемъ и другомъ Іоанна Златоуста, даже мечталъ въ даровитомъ юношѣ найти себѣ преемника³. Многіе язычники, строгіе къ своему ритуалу, не любившіе христіанства въ идеѣ, очень добродушно относятся къ христіанамъ: Амміанъ Марцеллинъ говоритъ о христіанствѣ точно умѣренный рационалистъ нашего времени; у знаменитаго защитника умирающаго язычества, Симмаха, нигдѣ не видно ненависти къ христіанству. На примѣрѣ того-же Симмаха (какъ и на примѣрѣ вышеупомянутаго Темистія) видно, что христіанскіе императоры вовсе не думали изгонять со службы

¹ *Am. Thierry, Nouveaux récits de l'histoire romaine. Paris. 1865 г. стр. 6.*

² *βασιλεὺς λόγων. Schoell, III, LXXV.*

³ *Thierry, l. c. p. 169.*

всѣхъ язычниковъ: Симмахъ былъ проконсуломъ Африки и префектомъ Рима; по его словамъ, большинство сенаторовъ были язычники; Зосима былъ *comes* и *exadvocatus fisci*; войска долго поелъ Θεодосія имѣли представителей различныхъ языческихъ культовъ; императоры долгое время допускали торжественное отпращиваніе религиозныхъ обрядовъ и языческихъ праздниковъ, такъ, въ 355 году въ Афинахъ празднуютъ панаеиней, а въ 397 году въ Римѣ *pidipedaia*¹; они рѣдко разрушали языческіе храмы, но чаще предоставляли имъ закрываться постепенно.

Правда, толпа, такъ недавно избивавшая христіанъ, теперь по-временамъ заявляла свою ненависть къ побѣжденному политеизму; въ главѣ этой толпы становились фанатическіе монахи или епископы, наблюдавшіе при этомъ собственную выгоду; правда, что и язычники, когда могли, какъ напр. при Юліанѣ, отплачивали тою-же монетою; но злоба — аффектъ непродолжительный; за короткими вспышками слѣдовало продолжительное спокойствіе и возбужденіе мятежъ фанатики рѣдко пользовались расположеніемъ.

Всѣ прочныя реформы совершаются медленно; христіанская реформа была одна изъ самыхъ медленныхъ; послѣ Θεодосія при христіанскихъ императорахъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются явленія, живо напоминающія старій порядокъ вещей; магія — не только достояніе невѣжественной толпы: ею занимаются даже образованныя духовныя лица: Геронтій, бывшій медикъ, и едѣлавшійся дьякономъ, продолжалъ узнавать ламій подъ разными формами, поймалъ одну, бродившую по свѣту въ-видѣ осла, и заставилъ ее молоть хлѣбъ на мельницѣ². Человѣкъ, попавшій на главную константинопольскую площадь въ то время, какъ около статуи Евдоксіи происходили игры и ликованіе, не узналъ

¹ *Thierry*, 1. с. 149.

² *Am. Thierry*, *Jean Chrysostome et l'imperatrice Eudoxie*, стр. 76.

бы христіанскаго города ¹; правда, не далеко отъ этой статуи раздавалось смѣлое обличеніе Златоуста, но самъ Златоустъ былъ обязанъ своею каеедрой тому, что дворъ плѣнился его риторскимъ талантомъ и мягкимъ еирійскимъ произношеніемъ. Въ этомъ христіаннѣйшемъ городѣ еще была масса язычниковъ: тотъ-же Златоустъ креститъ въ одинъ день около 3000 человекъ ²; большинство солдатъ и многіе генералы — язычники; съ особеннымъ удовольствіемъ неистовствовали они въ христіанскомъ храмѣ, куда послали ихъ враги архіепископа. И много лѣтъ поелѣ Аркадія въ Аѣинахъ профессорствуютъ передъ многочисленными слушателями открытые эленисты, и неоплатоникъ Прокль опровергаетъ христіанство. Въ долгое правленіе Юстиніана эта свобода исповѣданія стала уступать правительственному давленію: тайныхъ язычниковъ преслѣдуютъ какъ преступниковъ; при Тиберіи II одинъ чиновникъ, обличенный въ язычествѣ, былъ сожженъ живымъ; аѣнская школа закрыта. Но въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ центра, живутъ язычники до VII и даже до IX вѣка ³; отрывочныя воспоминанія изъ классической миеологій, цитаты изъ Гомера встрѣчаются и у Павла Діакона, а въ греческомъ народѣ отблески языческаго міросозерцанія живутъ и до сихъ поръ ⁴.

Побѣдивъ политеизмъ, христіанская церковь стала развиваться по двумъ то сближающимся и пересѣкающимся, то рѣзко расходящимся направленіямъ — государственному и аскетическому. Государственная свѣтская церковь до самаго конца иконобор-

¹ Ibid. 233. On croit que les fêtes de Cybèle avaient fourni autrefois le programme de ces divertissements.

² 263.

³ Kurtz 1. c. § 138.

⁴ См. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum. Leipz. 1871.

ства посвящала всё силы свои на выработку догмы. Грустные споры о богословскихъ тонкостяхъ, волновавшіе тогда столицу восточной имперіи и другіе города, доводившіе до страшнаго ожесточенія противниковъ, превращавшіе пастырскій церкви въ маленькихъ Калигулъ, поглощавшіе все вниманіе такихъ людей, которые не хотѣли или не могли имѣть ничего общаго съ основами христіанской религіи¹, не всегда любовь къ истинѣ, часто самыя невзкія личный побужденія руководили передовыми борцами; но эта выработка догмы требовалась исторіей, и «едва-ли, говоритъ Курцъ², христіанство выдержало бы напоръ переселенія народовъ и послѣдовавшаго за нимъ варварства, еслибъ оно не могло опереться на твердо опредѣленную догму и рѣзко обозначенное единство каоэдической церкви». Люди, посвящавшіе себя этой разработкѣ догмы, конечно, не могли обойтись безъ нѣкоторой подготовки, безъ школы, и на первое время подготовку можно было получить только въ школѣ язычника софиста; но въ этой школѣ не было внутренней связи между учителемъ и ученикомъ-христіаниномъ; ученикъ отнюдь не ста-

¹ Извѣстно, что ими интересовались самыя нечестивые придворные интриганы. На-сколько въ нихъ участвовалъ простой народъ, въ карикатурѣ изображаетъ Назіанзенъ: «городъ полонъ людьми, догматизирующими о непонятныхъ вещахъ; ими полны улицы, площади, лавки ветошниковъ, лавки мѣняль, трактиры. Ты спрашиваешь, сколько оболловъ стоитъ это? а купецъ толкуетъ о догматѣ рожденія и нерожденія. Спрашиваешь ты о цѣнѣ хлѣба; а тебѣ говорятъ: Отецъ больше, чѣмъ Сынъ, а Сынъ подчиненъ Отцу. Ты хочешь знать, готова ли баня, а тебѣ говорятъ: Сынъ сотворенъ изъ ничего». Теодоретъ рассказываетъ такой случай: въ Оамосатѣ нѣсколько мальчиковъ играли въ мячъ; въ это время мимо проѣзжалъ на ослѣ аріанскій епископъ Луцій; мячъ полетѣлъ въ его сторону и коснулся ногъ животнаго; мальчики закричали: «мячикъ оскверненъ!», развели огонь и очистили его. *Kurtz*, I. c. § 167.

² L. c. § 168.

рался поглотить всю мудрость своего учителя, не надѣялся долѣзть подъ его руководствомъ до города мудрости: дорогу туда онъ зналъ лучше учителя; онъ нуждался только въ внѣшней гимнастикѣ ума для преслѣдованія совѣтъ иныхъ цѣлей. Скоро тамія школы сдѣлались аномаліей и были замѣнены христіанскими, гдѣ языческая мудрость и поэзія занимали довольно невидное мѣсто. Уже въ IV вѣкѣ Василій Великій рекомендуетъ чтеніе языческихъ писателей только потому, что они представляютъ образцы добродѣтелей и что изъ этого чтенія можно увидѣть, какъ слабъ человѣческій умъ безъ откровенія: все хорошее оказывается заимствованнымъ изъ книгъ ветхаго завѣта¹.

Если свѣтская церковь допускала компромиссъ, доходившій иногда до возмутительной степени, другая церковь — аскетическая — во всемъ шла наперекоръ старому порядку вещей. Подготовленное общемою наклонностью востока къ аскетизму, подготовленное специально отвращеніемъ отъ міра, которое было слѣдствіемъ колебанія, гнѣнія стараго порядка вещей, монашество, начиная съ III вѣка, служитъ истиннымъ и полнымъ выраженіемъ побѣдоносной реформы. Съ самаго гоненія Деція начинается бѣгство въ пустыню; слава о подвигахъ Павла, Антонія быстро распространяется по всему образованному міру, и когда мученичество стало невозможно вслѣдствіе побѣды христіанства, эти добровольные мученики сдѣлались идеалами для всѣхъ истинныхъ христіанъ. Извѣстно, что монашество до V вѣка не было церковнымъ институтомъ, и долго послѣ того монахи не входили въ составъ духовенства²; но мнѣніе общества, задолго до ихъ юридическаго возведенія въ степень духовныхъ, ставило ихъ рядомъ, а иногда и отдавало имъ предпочтеніе передъ священниками и епископами.

¹ Тотъ-же взглядъ у Евсевія въ *Ἐυαγγελικῆς ἀποδείξεως προπαρασκευῆς*, см. *Schoell*. III, LX, XXIX.

² *Kurtz*, § 151.

Въ сентябрѣ 394 г. извѣстный Руфянъ задумалъ крестить-ся и для этого торжества собралъ въ свою великолѣпную виллу не только представителей высшаго духовенства, но вызвалъ изъ Оиваиды отшельниковъ. Исхудалые, босые, въ своихъ странныхъ одѣянiяхъ, явились они подъ предводительствомъ своихъ аббатовъ¹. Не смотря на то, что до VII вѣка монахи не имѣли права участвовать въ церковныхъ соборахъ, они имѣли огромное влiянiе на ходъ церковныхъ дѣлъ и на развитiю догмы. Часто знаменитый отшельникъ, не пройдя низшихъ степеней, приглашался на епископскую кафедру; народъ принималъ его съ восторгомъ, свѣтское духовенство никогда не изъясляло сомнѣнiй въ его правоспособности: вопросъ былъ только въ томъ— согласится ли самъ отшельникъ. «Длинные братья», игравшіе такую важную роль въ исторiи Златоуста, вполне искренно спасались отъ епископства въ пустыню. Если же аскетъ не считалъ себя вправѣ отказаться отъ тяжелой и отвѣтственной должности, если обстоятельства принуждали его взойти на кафедру, онъ не былъ епископомъ-чиновникомъ, но безстрашно вступалъ, когда это казалось нужнымъ, въ борьбу со всякою внѣшнею силой.

Иоаннъ Златоустъ вынесъ изъ пустыни полное презрѣнiе къ удобствамъ жизни, къ общественному мнѣнiю, искреннее убѣжденiе въ томъ, что всякая земная власть должна склониться передъ истиною; не шель на мировую сдѣлку ни съ какимъ зломъ, какъ бы ни казалось оно неизбежно. Среди рабствующей Византiи онъ сопротивляется полновластному министру; палъ этотъ министръ, объявленъ онъ врагомъ правительства, измѣнникомъ, озлобленный народъ готовъ разорвать его на части,—Златоустъ одинъ защищаетъ его противъ правительства и противъ народа. Онъ вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ единовластною импе-

¹ *Am. Thierry, Nouveaux récits. 22 и слѣд.*

ратрицей и ея дворомъ, онъ не боится поносить ее въ церкви, называть ее Изавелью, Иродіадой; въ соборномъ храмѣ передъ разряженными аристократками, передъ дворомъ онъ ратуетъ противъ роскоши, прославляетъ прелесть бѣдности, которая даетъ свободу человѣку, и проклинаетъ богатство, дѣлающее человѣка рабомъ обстоятельствъ. Онъ одинъ не побоялся вступить въ борьбу со всею свѣтскою церковью, и если онъ палъ въ этой борьбѣ, то потомство, осудившее его противниковъ, забывшее всѣ его недостатки и поставившее его въ рядъ мучениковъ, доказало, что будущее принадлежитъ не свѣтской церкви, а пустыннымъ Онваиды.

Въ аскетической церкви рано появилась своя литература, но ея памятники, кромѣ языка, не имѣютъ ничего общаго съ литературой классической; даже ея источники (мало разработанные) принадлежать сирійцамъ, коптамъ. Одинъ изъ первыхъ по времени и въ то-же время одинъ изъ самыхъ характерныхъ ея литературныхъ памятниковъ — «Лавсаикъ» Палладія¹. Прежде всего въ немъ поражаетъ полное презрѣніе къ формѣ; онъ состоитъ изъ отрывочныхъ, коротенькихъ рассказовъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка; въ содержаніи полная противоположность идеаламъ свѣтской жизни: одинъ отшельникъ прославляется за то, что никогда не ходилъ въ баню и былъ покрытъ насѣкомыми, которыя до костей разъѣдали его тѣло; другой рѣжетъ себѣ ухо, чтобы не быть епископомъ; третій носитъ безъ всякой цѣли по пустынѣ корзину съ пескомъ; четвертый идетъ нѣсколько лишнихъ верстъ, чтобъ напиться горькой и грязной воды вмѣсто свѣжей. Одинъ прямо выражаетъ вражду къ собственному тѣлу: «оно убиваетъ меня, говоритъ онъ, а я стараюсь убить его». Пѣвцы, музыканты, актеры, на взглядъ автора, самые гнусные люди. Мученица дѣвушка боится не смерти, не истязаній, а того, что палачи ее раздѣнутъ.

¹ Русскій перев. Саб. 1850.

Вступая въ монастырь, человѣкъ теряетъ собственное имя: монахи различаются именами буквъ; даже общепринятая правила честности не считались тамъ обязательными: Св. Макарій, желая излѣчить одну дѣвственницу отъ недуга любостыжанія, взялъ у нея обманомъ 500 золотыхъ и отдалъ ихъ бѣднымъ.

Церковь свѣтская естественно стояла въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ правительству, которому она была обязана своимъ господствомъ и богатствомъ. Церковь аскетическая не признавала надъ собою начальства; пустыня выходила за предѣлы государства и, когда принципы ея сдѣлались господствующими, когда потомство осудило враговъ Златоуста, церковь стала въ независимое отношеніе къ государству; тѣ императоры, которые хотѣли быть полновластными господами совѣсти подданныхъ, видѣли въ монахахъ главныхъ враговъ своихъ: Копронимъ одинаково невидѣлъ и иконы и монаховъ. Расширяя свое вліяніе, покоряя себѣ міръ, аскетическая церковь теряла часть своей чистоты. Уже въ началѣ VII вѣка ея писатели жалуются на пороки современныхъ монаховъ: «отцы наши, говоритъ авва Аонасій¹, до самой смерти воздержаніе и бѣдность сохранили, а мы чрево и карманы расширяемъ». Въ это время монашество, утративъ чистоту первыхъ временъ, утратило и грубость ихъ; снова совершился компромиссъ между побѣжденными и побѣдителями; всего яснѣе это видно на аскетической литературѣ. Люди недовольные современнымъ инопашествомъ, желая противопоставить ему отцевъ, съ особеннымъ рвеніемъ описывали ихъ подвиги; описанія эти по обширности, по литературной обработкѣ далеко ушли впередъ отъ краткихъ замѣтокъ Палладія. Въ нихъ вносится элементъ поэтическаго вымысла; ихъ разнообразятъ и украшаютъ всѣмъ, что можетъ привлечь читателей: притчами, поучительными трактатами.

¹ «Дугъ Духовный» *Іоанна Моска*, русск. пер. стр. 130.

Между-тѣмъ къ VII вѣку свѣтская греческая литература находилась въ состояніи полного паденія: центры образованности, какъ Эдесса, Беритъ, Антиохія, Александрія—въ рукахъ арабовъ; школы Византіи закрыты во время иконоборства; рукописи классиковъ встрѣчаются все рѣже и рѣже; и къ тому времени, когда, по окончаніи переселенія народовъ, славяненія земли и западъ вступили въ литературныя сношенія съ Византіей, эта аскетическая литература и была ближе къ рукамъ, и больше соотвѣтствовала потребностямъ варваровъ.

«Греческій романъ есть литературное явленіе, замѣчательное не величіемъ и не красотой, но оригинальностью и особенными сопровождавшими его обстоятельствами», говоритъ Манзо¹.

Судьба шести дошедшихъ до насъ романовъ составляетъ одну изъ запутаннѣйшихъ проблемъ исторической критики; надо долго присматриваться къ нимъ, чтобы примириться съ фактомъ ихъ существованія. На первый взглядъ они противорѣчатъ и по формѣ и по содержанію общему понятію о характерѣ классической литературы: форма древней повѣствовательной поэзіи—стихъ, здѣсь—проза; тамъ—сжатость и сила, здѣсь—многословіе; мѣсто дѣйствія тамъ небо или площадь, здѣсь—семья; тамъ герои выше смертныхъ, здѣсь—выхвачены изъ толпы; тамъ любовь играетъ послѣднюю роль, здѣсь—первую; тамъ женщина—рабыня, здѣсь центръ дѣйствія. Не смотря на труды Гюэ, Дунлопа, Вильмена и Шассана, все же эротическій романъ представляется появившимся внезапно, точно Минерва, во всеоружіи выскочившая изъ головы Юпитера. Милезійскіе рассказы затеряны, о Клеархѣ спорить бесполезно; миеологическіе и героическіе рассказы Паренія и проч., живыя описанія путешествій, вымыслы логографовъ, тенденціозныя или фантастическія біографіи великихъ людей, вымышлен-

¹ *Manso, Vermischte Schriften, v. 2. 1801. стр. 201.*

ныя досужими грамматиками героическія псевдопреданія, жизнеописанія философовъ, повѣствовательно-прозаическія сатиры Пестровія, Луніана, Апулея, — все это свидѣтельствуеть о бойкой работѣ фантазіи, которая могла создать романъ, но между этимъ разнороднымъ хламомъ и стройными, до пошлости выработаннымъ типомъ любовнаго романа — цѣлая пропасть. Появившись такъ странно на свѣтъ, этотъ небывалый родъ не возбуждаетъ однако вниманія современниковъ: они точно стоворились молчать и о произведеніяхъ и объ авторахъ; замѣчательно слабо подчинившись вліянію современности, также внезапно и таинственно, не оказавъ замѣтнаго вліянія на вкусъ публики, на другіе роды поэзіи, исчезаетъ греческій романъ въ пыли библіотекъ на цѣлую 1000 лѣтъ. Появившись снова въ числѣ классическихъ памятниковъ, онъ мало остаивливаетъ на себѣ вниманіе ученыхъ, сравнительно мало читается въ подлинникѣ, за-то въ переводахъ, передѣлкахъ, подражаніяхъ онъ распространяется съ поразительною быстротою и служитъ однимъ изъ главныхъ ингредиентов романа новой Европы. Искусственная повѣствовательная поэзія и театръ занимаютъ одинаково большую массу публики, всегда идутъ рука-объ-руку, и потому бѣглый взглядъ на исторію позднѣйшаго греческаго театра всего легче можетъ помирить насъ съ фактомъ появленія греческаго романа.

За высокою трагедіей Эсхила и Софокла слѣдуетъ политическая комедія Аристофана и трагедія Еврипида. Сравнительно съ своими предшественниками Еврипидъ — первый реальный поэтъ Греціи. Поддаваясь господствующему направленію публики, онъ тонко анализируетъ страсти обыкновенныхъ людей, выхваченныхъ изъ толпы; онъ вводитъ реторику и софистику и центромъ драмы дѣлаетъ любовь. Послѣ паденія независимости Греціи, аеинянину не чего было дѣлать на площади, «семейство выигрывало то, что теряло отечество»¹. Новая комедія имѣетъ такъ-

¹ *Benoit, Ménandre. 198.*

же мало общаго съ Аристофаномъ, какъ греческій романъ съ тенденціозною Киропедіей или Лукіаномъ. Въ комедіи появилась правильная завязка; она стала дѣйствительнымъ выраженіемъ обывденной жизни и не обязана была смѣшить въ каждой сценѣ. Роль судьбы въ ней игралъ случай, соотвѣтствующій Еврипидову богу *ex machina*. Содержание новой комедіи крайне однообразно: не завязкой, но ловко веденой интригой, а впоследствии изображеніемъ характеровъ старается она заинтересовать публику. Тема ея всегда одна и та-же — любовь, но всегда любовь къ дѣвушкѣ. Молодой человекъ, по большей части легкомысленный и расточительный, но честный въ душѣ, влюбляется или въ куртизанку или въ бѣдную дѣвушку; чтобы достигнуть своей цѣли, онъ долженъ удалить соперника, уговорить строгаго отца согласиться на неровный бракъ, добыть денегъ и т. д. Развязка всегда счастливая: куртизанка оказывается честною дѣвушкой и дочерью знатныхъ родителей; бѣдная внезапно богатѣетъ, лишенная невинности находитъ виновника въ своемъ теперешнемъ женихѣ и проч. Эта общая завязка вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности: и любовь къ куртизанкѣ, и дочь благородныхъ родителей въ публичномъ домѣ и насилуваніе дѣвушекъ во время празднествъ — явленія обычные въ жизни Аеипъ. Чувство любовниковъ у Менандра изображается безукоризненно вѣрно дѣйствительности: «это — крикъ сердца» по словамъ критика¹. Главное, что сближаетъ новую комедію съ романомъ, это — видная роль, предоставленная женщинѣ. Послѣ того какъ іоническое племя пересилило дорическое, не безъ вліянія востока, греческая женщина стала рабой²; менѣе цивилизованные римляне держали женщину гораздо свободнѣе, «мы не стыдимся,

¹ Ibid. стр. 134.

² См. *Des femmes grecques. Ph. Chasles, Études sur l'antiquité.* Paris. 1847. Тамъ-же: *Des hétaires grecques.*

говорить Корнелій Непоть, вводитъ женщину на пиры; наши матроны видятъ свѣтъ. Въ Греціи, напротивъ, женщина заперта въ комнатѣ, она видитъ только ближайшихъ родственниковъ»¹. Дѣйствительно, въ эпоху свободы Греціи аеинянка исключительно ограничивалась геникеемъ. Подруга образованнаго свободнаго аеинянина не знала грамотѣ, не знала ничего, что дѣлается за стѣнами ея дома; а когда въ тяжелую пору пелопоннесской войны аеинянки попытались выступить на улицу, Аристофанъ поспѣшилъ загнать ихъ бичемъ своей страшной сатиры. Только во время празднествъ являлась дѣвушка въ общественномъ мѣстѣ и, судя по комедіямъ Менандра, не пользовалась тамъ уваженіемъ. Не будучи въ состояніи довольствоваться обществомъ глупой жены, но чувствуя инстинктивную потребность женскаго вліянія, аеинянинъ уходилъ къ гетерѣ. Гетера — противовѣсъ аеинской затворницѣ: она умна, образованна и безнравственна; она восполняла недостатки семейной женщины, но за-то имѣла свои собственные. Понятно, что пока въ обществѣ существуютъ только затворницы и гетеры, пока браки заключаются по расчету и волѣ родителей и пока любовь свободной женщины покупается деньгами, любовный романъ невозможенъ; для него необходимо, чтобы изъ гетеры и затворницы образовалось нѣчто среднее, имѣющее достоинства обѣихъ крайностей. Уже при Менандрѣ стала возможною вышеупомянутая любовная интрига, а подъ вліяніемъ римскихъ нравовъ греческая женщина пріобрѣтала все больше и больше нравъ; гетеры падали: гетеры Лукіана мало напоминаютъ Аспазію; онѣ необразованны и безусловно продажны; онѣ не отдѣляются уже отъ камелій низшаго класса.

За-то матроны Лукіана берутъ уроки у философовъ, вмѣшиваются въ дѣла своихъ мужей, и въ исторіи этого времени при

¹ Извѣстенъ законъ, по которому женщина, осмѣлившаяся явиться на олимпійскія игры, подвергалась смертной казни. *Chasles*, стр. 321.

Баракаллъ, Гетъ, Александръ Северъ и проч. женщины играютъ не послѣднюю роль; и въ III и IV вв., подъ вліяніемъ носившихся въ воздухѣ хрстіанскихъ идей, женщина, конечно, выиграла еще больше.

Реализмъ греческой поэзіи послѣднихъ вѣковъ проявлялся не въ одной новой комедіи; идилія — его продуктъ; онъ даетъ себя чувствовать даже въ жалкихъ подражательныхъ эпопеяхъ¹. Стремленіе къ обыденному, къ изображенію подробностей, мелочей, пониженіе тона, смѣшеніе поэтическихъ родовъ, потеря уваженія къ чтенію вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа грамотныхъ людей² естественно способствовало развитію прозы и постепенному паденію поэтической формы. Риторскія школы, гдѣ, по словамъ Петронія (гл. I), ученики развивали способность инвенціи, описывая *piratas sine catenis in littore stantes* и рѣшенія оракуловъ, *ut virgines tres aut plures immolentur* — подготавливала романистовъ.

По - видимому, на греческихъ романахъ чрезвычайно слабо отражается среда, изъ которой они вышли; такъ, возникнувъ во время ожесточенной борьбы и сдѣловъ политеизма съ хрстіанствомъ, ни одинъ изъ нихъ ни однимъ словомъ не поминаетъ хрстіанъ; хотя на каждой страницѣ встрѣчаются имена классическихъ божествъ, авторовъ нельзя заподозрить ни въ ожесточенномъ эллинизмѣ, ни въ неоплатонизмѣ; не видно никакихъ слѣдовъ міровой скорби, которая гнала людей тысячами на костры мучениковъ илр въ пустыню; не упоминается ни Римъ, ни Константинополь, центры тогдашней жизни. Очевидно, рома-

¹ Трифідоръ (предположительно V в.) въ своей поэмѣ *Ἰλιον ἄλωσις* подробно описываетъ уврашенія троянскаго коня: золото, серебро, слоновую кость, пурпуръ и драгоценные камни. Воины, влѣзая въ него, запасаются провизіей и т. д. *Schoell.* III, 73.

² Луніанъ въ началѣ правдивой исторіи рекомендуетъ занимающимся людямъ чтеніе для отдыха, улаждающее фантазію.

нисты старались скрыться отъ непріятной дѣйствительности, и въ этой сказалась общественная болѣзнь того времени; легко подмѣтить и другіе болѣе ясныя признаки: вакханалія чувственности одной половины романовъ, христіански-строгая нравственность другой, чуждыя божества на греческомъ Олимпѣ, теургія и проч.

Остается разяснить одинъ вопросъ: почему романисты такъ рѣдко упоминаются современниками и ихъ произведенія остаются почти безъ вліянія на ближайшихъ потомковъ? Удобнѣй всего объяснить это такимъ образомъ: извѣстно, что въ обществѣ, гдѣ грамотность перестала быть рѣдкостью, кромѣ литературы высшаго слоя, отражающей такъ или иначе интересы дня, есть своя *забавная* литература, служащая только для препровожденія времени; ея публика — нелитературные люди, для которыхъ имя автора не имѣетъ значенія. По большей части эта литература состоитъ изъ передѣлокъ, переизданій произведеній устарѣвшихъ, когда-то интересовавшихъ и высшіе классы; но если ея читатели сравнительно развиты и требовательны, въ ней возможны и оригинальныя произведенія. Надо думать, что греческіе романы принадлежали именно къ этому отдѣлу. Что же касается слабости вліянія на ближайшихъ потомковъ, она достаточно объясняется побѣдою аскетическаго направленія церкви и паденіемъ греческой цивилизаціи.

Первымъ извѣстнымъ по имени романистомъ или нувеллистомъ считаютъ обыкновенно Аристиды Милетскаго¹; онъ жилъ не раньше начала I в. до Р. X. и писалъ какіе-то «милезійскіе рассказы»; грамматикъ Аризій приводитъ незначительныя и нехарактерныя отрывки изъ его *тринадцатой* книги; Арріанъ, Плутархъ, Луціанъ, Апулей и Овидій (двукратно) свидѣтель-

¹ См. *Manso*, 267 и слѣд. *Dunlop-Liebrecht*, 4. *Schoell*. II, LVII.

ствуютъ единоголаспо о неприличномъ содержаніи его разсказовъ; Овидій говоритъ о ихъ латинскомъ переводчикѣ Сизеннѣ; всѣ эти свидѣтельства указываютъ на ихъ обширную извѣстность; Арріанъ употребляетъ имя Аристида въ томъ-же про-вербiальномъ смыслѣ, въ какомъ теперь назвали бы Русelle или Декамеронъ.

Ни внутреннія, ни внѣшнія данныя не позволяютъ согласиться съ Манзо, который полагаетъ, на основаніи аналогіи съ именами сохранившихся *Ἐφεσίων* и пр., что это былъ связанный эротическій романъ, дѣйствіе котораго происходило въ Милетѣ: во-первыхъ, для эротическаго романа тогда еще не наступило времени; во-вторыхъ, будемъ ли мы читать въ извѣстномъ мѣстѣ Овидія ¹ *carmina* или *crimina*, слово *junxit* указываетъ на сборникъ многихъ отдѣльныхъ разсказовъ; въ-третьихъ, при частныхъ указаніяхъ на произведеніе, имѣющее цѣльность и единство, мы непременно должны были бы встрѣтить и указаніе на содержаніе; въ-четвертыхъ, Лукіанъ въ *Asopos* сравниваетъ съ сборникомъ Аристида разсказы Теомнеста о своихъ любовныхъ приключеніяхъ (естественныхъ и противуестественныхъ), которые, очевидно, не могли представлять ничего цѣльнаго.

Правда, вторая цитата Овидія ² единственнымъ числомъ *historiae* какъ-бы подтверждаетъ мнѣніе Манзо; не слѣдуетъ ли предположить, что Аристидъ поддѣлывался подъ тонъ логографовъ, провинціальныхъ анекдотическихъ историковъ, которые также давали своимъ сочиненіямъ подобныя названія? ³.

¹ Junxit Aristides Milesia carmina (crimina) secum
Pulsus Aristides nec tamen urbe sua est.

² Vertit Aristidem Sisenna nec obfuit illi
Historiae turpes iuseruisse jocos.

³ Antonius Liberalis въ числѣ источниковъ упоминаетъ Атанасиса, автора «Амбразійскихъ исторій», и Менекрата, автора «Ликійскихъ исторій» см. Griech. Prosaiker. 1867, стр. 74.

Надо полагать, что «милезійскіе рассказы» Аристиды былъ сборникъ по большей части непримичныхъ анекдотовъ и новеллъ изъ жизни горожанъ; была ли у этихъ рассказовъ общая канва или нѣтъ, вопросъ этотъ не имѣетъ особой важности. Если-бы этотъ сборникъ дошелъ до насъ, онъ представилъ бы любопытнѣйшія данныя для изслѣдованія ранняго вліянія востока.

Вслѣдствіе распространенности Аристидова сборника, его названіе получило смыслъ родового имени для другихъ подобныхъ; но оно не было единственнымъ именемъ: рассказы такого рода назывались также «сипаритскими» и «пуническими меторіями»; неизвѣстно, обуславливалось ли различіемъ въ имени и различіе въ содержаніи сборниковъ; во всякомъ случаѣ строгихъ границъ не было, такъ-что Апулей писалъ, по собственнымъ словамъ, *sermone milesiо*, а императоръ Северъ называетъ его повѣсть «милезійскою» и «пуническою»; несомнѣнно, что повѣсти эти писались прозою и имѣли почти всегда смѣхотворный, сатирический характеръ. Слова Плинія: «дай мнѣ ассъ и слушай золотую сказку», Северозо выраженіе: *paeniaz aniles* и удивленіе Макробія, какъ Апулей могъ заниматься подобнымъ вздоромъ¹, служатъ указаніемъ на народность этихъ рассказовъ; весьма вѣроятно, что между ними видное мѣсто занимали чисто народные анекдоты и комическія сказки.

Пареній Никейскій въ своихъ *περὶ ἐρωτικῶν καὶ θυμάτων*²,

¹ D—L гл. 2-ая и прим.

² Написаны около 20 л. до Р. X., посвящены римскому поэту Галлу и составлены, по словамъ автора, съ цѣлію доставить Галлу матеріалъ для его элегій и другихъ стихотвореній. Первое изданіе 1531 г.: *Partheii Nicænsis de amatoriiis affectionibus liber Jano Cornario Zuicaviensi interprete in off. Frobeniana*. Издатель и переводчикъ *Janus Cornarius medicus* въ письмѣ, служащемъ вмѣсто предисловія, любопытно объясняетъ мотивъ своего труда: это мотивъ *лѣкарственный*: «*Mihi sane ejusmodi narrationes ac ἑυδύρια utiliter adhiberi posse videntur quum in aliis mentium per-*

Плутархъ съ своими пятью любовными разсказами и Конопъ¹ не имѣють вичего общаго ни съ милезійскими разсказами, ни съ любовнымъ романомъ; всѣ трое излагали съ большею или меньшею подробностью любовныя мины и героическія саги; кромѣ того, всѣ 36 разсказовъ, или лучше сказать, конспектовъ Парееид, такъ-же какъ и разсказы Плутарха, носятъ на себѣ трагическій характеръ. Отъ эротическаго романа они разнятся и по формѣ, и по содержанію и по источникамъ; въ его исторіи имъ такъ-же мало мѣста, какъ и діалогамъ Лукіана, письмамъ Альцифрона, чудесамъ Флегона и Дамасція и превращеніямъ Антонія, Луція и Лукіана. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ разнородныхъ произведеній можно найти интересныя факты для сравненія съ частностями нашихъ романовъ, по-скольку эти письма, діалоги и сатирическіе разсказы служатъ выраженіемъ современной имъ жизни; немало и общихъ литературныхъ приемовъ; въ Луніановомъ Луціи нападеніе разбойниковъ служитъ наиболѣе употребительнымъ средствомъ завязывать узелъ приключеній; разбойники похищаютъ невѣсту и готовятся убить ее; женихъ и солдаты въ этотъ самый моментъ нападаютъ на ихъ пещеру. Въ письмахъ Альцифрона чувственная любовь и вліяніе женской красоты изображаются тѣми-же красками, что и въ романахъ (см. напр. I, 13 и III); также слабо различіе между пиратами и мирными жителями (см. I, 8). «Золотой осель», далекій отъ общаго типа любовнаго романа, но явившійся въ то время, когда *Prosadichtung* успѣло тверже стать на ноги, представляетъ въ своихъ аннотаціяхъ еще больше пунктовъ со-

turbationibus, tum praecipue in morbo, quem *τοῦ ἔρωτος* medici vocant, qui tam graviter quibusdam iucumbit, ut in maniam aut phthisin et febrem *ἐκτικῆν* perducantur. Quae caussa fuit, cur ego medicinam professus haec edere non erubuerim.

¹ Жилъ во время Цезаря и Августа; его *διηγήσεις* изложены у Фотія, Cod. 186.

привосновенія. Тамъ есть и мачиха, влюбленная въ насыпка (ср. исторію Кнемона у Геліодора), ядъ, попавшій не по назначенію (ср. исторію Арсаке), и сонный порошокъ, данный вмѣсто яду, столь любимый романистами, и неоднократное судоговореніе.

Всѣ вышесказанныя произведенія приучали публику къ вымыслу въ прозѣ, всѣ способствовали усиленію реализма въ литературѣ, разбивали рамки старой нитики и разчищали такимъ образомъ дорогу для романа; но по своимъ специальнымъ цѣлямъ, по отсутствію обуславливающей единство любовной интриги даже Луцій и Апулеевъ «Осель» еще далеки отъ любовнаго романа.

Если-бы до насъ не дошли *chansons de geste*, а мы были бы принуждены рѣшать вопросъ о происхожденіи любовныхъ романовъ XV и XVI вѣковъ, относящихся къ циклу Карла Великаго, мы а priori могли бы сказать, что основою такого романа послужили сказанія о военныхъ подвигахъ королей и бароновъ старой Франціи; такъ-какъ во всѣхъ романахъ къ исторіи любви приплетаются описанія войнъ и сраженій. Въ пяти эротическихъ романахъ («Дафнисъ и Хлоя» составляетъ особую группу, начало которой надо искать въ буколической повѣз) герой и героиня странствуютъ по Греціи и по прилежащимъ къ ней землямъ; въ раннихъ романахъ эти земли и встрѣчающіяся въ нихъ диковинки описываются съ большою подробностію; въ позднѣйшемъ романѣ Евстафія остались тѣ-же традиціонныя приключенія на сушѣ и на морѣ, но интересъ къ описаніямъ ослабъ до такой степени, что вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ мѣстностей мы бродимъ по городамъ, имена которыхъ не встрѣчаются ни на какой картѣ. Изъ этого можно заключить, что начало греческихъ романовъ слѣдуетъ искать въ вымышленныхъ описаніяхъ путешествій, съ которыми соединилась любовная интрига новой комедіи.

Такое а priori положеніе подтверждается фактами: рассказъ Ямбула, изложенный у Діодора Сицилійскаго¹, правдивая исто-

¹ II, гл. 55 до конца книги. Ямбуль посѣтилъ островъ, лежа-

рія Лукіана указує на страсть грецескихъ читателейъ къ описаніямъ путешествій, въ которыхъ свободно дѣйствовала фантазія¹. Первый любовный романъ, содержаніе котораго дошло до насъ, есть романъ географическій; я разумѣю Антонія Діогена. На основаніи словъ патриарха Флтія, въ изложеніи котораго извѣстенъ намъ этотъ романъ, Дунлопъ и Струве относили его ко временамъ первыхъ наслѣдниковъ Александра Македонскаго², но Мейнерсъ³, Манзо и Пасеовъ⁴ доказали несомнѣнно,

щій на югъ отъ Азіи (предположительно Цейлонъ) и описалъ видѣнныхъ тамъ необыкновенныхъ счастливыхъ и прекрасныхъ людей, чудесныхъ животныхъ и растенія. Государственное устройство острова нѣсколько напоминаетъ Утонію.

¹ Manso (l. p. стр. 232) совершенно справедливо полагаетъ, что страсть къ описанію отдаленнаго и чудеснаго распространилась послѣ походовъ Александра Македонскаго (какъ въ Европѣ послѣ вѣстовыхъ походовъ), считаетъ появленіе Робинзонадъ явленіемъ аналогичнымъ и думаетъ, что отъ описаній объективныхъ, для возбужденія большаго интереса, постепенно переходили къ путешествіямъ двухъ вѣрныхъ любовниковъ.

² «Man setzt ihn gewöhnlich bald nach Alexander dem Grossen und viel später kann er auch nicht gelebt haben, wie aus seinen geographischen Kenntnissen hervorgeht, denn ihm ist noch Spanien, Gallien, selbst Italien, so wie die Erde nördlich vom Schwarzen Meere ein unbekanntes Land der Wunder», см. Abhandlungen und Reden meist philologischen und pädagogischen Inhalts v. D-r K. L. Struve, Director des Stadtgymnasiums zu Königsberg. 1822, стр. 269. Насколько слабо подобное основаніе, доказываетъ примѣръ самого Струве: незная прекрасной статьи Манзо, вышедшей за 20 л. передъ тѣмъ въ *Vermischte Schriften*, онъ сочиняетъ рѣчь «Ueber die Romane der Griechen»; въ ней на каждомъ шагу дѣлаетъ промахи или съ важнымъ видомъ дѣлаетъ открытія, давно уже сдѣланныя.

³ *Geschichte der Künste und Wissenschaften in Griecheland und Rom*. I, 276.

⁴ *Ersch u. Gruber, Antouius Diogenes*.

что авторъ жилъ не раньше конца II или начала III в. по Р. Х. и что его претензіи на авторство *древней* (sic!) комедіи, если только онъ имѣлъ таковыя, и Фотій какъ слѣдуетъ понялъ его фразу¹, совершенно неосновательны. Антоній Діогенъ упоминаетъ о своемъ предшественникѣ Антифааѣ, авторѣ подобныхъ же невѣроятныхъ приключеній, который извѣстенъ изъ ссылокъ Полибіа, Страбона и Эратосоена; самъ Антоній упоминается у Порфирія и у Сервія, извѣстнаго комментатора Виргилія (Georg. I, 30), и о немъ же, по-видимому, говоритъ Геллій въ *Noct. Att.* IX, 4.

Вотъ содержаніе τῶν ὑπερ Θεούλην ἀπίστων, по обыкновенію безсвязно и неискусно изложенное Фотіемъ. Диній и сынъ его Демохаресъ покинули свое отечество Аркадію, влекомые любопытствомъ; они преѣхали по Понту, Каспійскому и Гирканскому морямъ, видѣли Рифейскія горы, устья Танаиса, Скиою и вмѣстѣ съ тремя спутниками — Карманесомъ, Манискомъ и Азулисомъ пріѣхали на островъ Туле. На этомъ островѣ Диній сходится съ Деркиллою², которая бѣжала сюда изъ Тира съ братомъ Мантипіемъ, спасаясь отъ преслѣдованій египетскаго жреца Пааписа. Этотъ Пааписъ, по опустошеніи Египта (?), бѣжалъ въ Тиръ, былъ ласково принятъ родителями Деркиллы, а потомъ погубилъ все ея семейство. Деркилла рассказываетъ Динію свои прежнія приключенія: она вмѣстѣ съ братомъ была на Родосѣ, на Критѣ, у тирропцевъ и у киммерійцевъ, гдѣ спускалась въ адъ; потомъ отдѣлилась отъ брата и вмѣстѣ съ Кирилломъ и Астреемъ (послѣдній рассказываетъ ей о Писагорѣ и Мнесархѣ)³

¹ XI. λέγει δὲ ἑαυτὸν, ὅτι ποιητὴς ἐστὶ κωμῳδίας παλαιάς.

² *Hershig*, 507: κατ' ἔρωτος νόμον.

³ Порфирій въ жизни Писагора (D—L 5) приводитъ этотъ рассказъ, несохранный у Фотія, ссылаясь на τὰ ὑπερ Θεούλην ἀπίστα; только Астрей названъ у него Аристеемъ.

посѣщаетъ гробъ сирены, приходитъ въ землю иберійцевъ, которые видятъ ночью и спѣнутъ днемъ, потомъ къ жестокимъ кельтамъ, отъ которыхъ путешественники на-силу спаслись на коняхъ, мѣняющихъ свой цвѣтъ, оттуда къ аквитапамъ; Аетрей, глаза котораго имѣли чудное свойство расширяться и сжиматься, научилъ ихъ узнавать лунные мѣсяцы и примирилъ ихъ двухъ царей, указавъ имъ царствовать попеременно (по мѣсяцу). Потомъ путешественники пришли къ артабрамъ, у которыхъ жены ведутъ войну, а мужья занимаются хозяйствомъ, оттуда къ астурамъ, гдѣ погибъ Кириллъ, въ отщепеніе за старое преступленіе, и наконецъ въ Сицилію. Въ Эрисѣ Дераилла, приведенная къ тирану Энесидему, встрѣтила Пааписа и Мантиніа; послѣдній разсказалъ ей много удивительнаго о людяхъ, животныхъ, растеніяхъ, солнцѣ и лунѣ. Въѣствѣ съ братомъ, захвативъ книги и травы Пааписа, Деркилла бѣжала въ Регіумъ и Метапонтъ; Аетрей извѣщаетъ бѣглецовъ, что за ними гонится Пааписъ; вмѣствѣ съ Астреемъ, они бѣгутъ къ оракійцамъ, оттуда къ массагетамъ; у гетовъ Аетрей встрѣтилъ своего друга Замолксиса; тамъ оракулъ приказалъ Деркиллѣ и Мантинію отправляться на Туле, обвѣщаль, что они впоследствии увидятъ отечество, а прежнія ихъ бѣдствія объяснилъ наказаніемъ за непочтеніе къ родителямъ, которыхъ они похлнули. На островъ Туле вслѣдъ за бѣглецами является Пааписъ и силою магіи устраиваетъ такъ, что Деркилла и Мантиній живутъ только ночью, а днемъ бываютъ мертвы. Туземецъ Трусканъ изъ любви къ Деркиллѣ убилъ Пааписа и, не будучи въ состояніи оживить Деркиллу, лишилъ себя жизни. Все это Дниій разсказываетъ Кимбѣ, который пріѣхалъ отъ имени общины аркадійско: звать его назадъ, въ то время, какъ онъ былъ уже очень старъ. Это конецъ 23-й книги о чудесахъ о Туле; Фотій замѣчаетъ, что о самомъ островѣ до сихъ поръ говорилось очень мало.

Въ 24-й книгѣ разсказывается, что Азулисъ, узнавъ изъ ящи-

ва Пааписа, какъ онъ умерщвлялъ и оживлялъ Деркиллу и Мантинія, освободилъ ихъ отъ этой болѣзни; отсюда же узналъ онъ, какъ Деркилла и Мантиній могутъ вылѣчить отъ подобнаго смертнаго сна своихъ родителей, что они и исполнили, возвратившись въ Тиръ. Между-тѣмъ Диній съ товарищами путешествуетъ за Туле къ полюсу, находятъ тамъ жителей, видятъ долгія ночи (не болѣе одного года) и дни, имъ равные по величинѣ, всходитъ на луну (составъ ея тотъ-же, что и у земли, только несравненно чище); получаетъ даръ пророчества и даръ исполненія желаній; онъ пожелалъ быть перенесеннымъ въ Тиръ, въ храмъ Геркулеса. Во время его сна желаніе его было исполнено; въ храмѣ находятъ онъ Деркиллу и Мантинія и ихъ оживленныхъ родителей.

Закончивъ этотъ рассказъ и познакомивъ съ Деркиллою Кимбу и его спутника, онъ приказалъ послѣднему изложить все сказанное въ двухъ экземплярахъ: одинъ долженъ сохраняться у писца, а другой Деркилла должна положить ему въ гробъ. Фотій сообщаетъ, что при рассказѣ приложены: письмо къ Фаустину, гдѣ авторъ называетъ себя по имени, въ доказательство правдивости своей ссылается на свидѣтельства древнихъ, и посвящаетъ свой трудъ сестрѣ Исидорѣ. Въ этомъ посвященіи онъ приводитъ письмо Балагра, который писалъ къ женѣ своей Филѣ, дочери Антипатра, что при взятія Александромъ Тира нашли кипарисовыя доски съ изложеніемъ вышесказаннаго и гробы дѣйствующихъ лицъ съ надписями.

«Онъ раньше авторовъ подобныхъ произведеній, напримѣръ Лукіана, Луція, Ямблиха, Ахилла Тація, Геліодора и Дамаскія», ибо его рассказъ вѣдетъ Фотію источникомъ правдивой исторіи Лукіана, превращеній Луція и образцемъ Симонида и Родопы, Леввипы и Клятофона, Хариклеи и Теагена.

Хотя главный интересъ рассказа сосредоточивается около описываемыхъ чудесъ, произведеніе Діогена мы въ полномъ правѣ

назвать романомъ: здѣсь то-же бѣгство отъ родителей тѣ-жв оракулы, та-же кажущаяся смерть героини, та-же увѣнчанная счастьемъ любовь. Но очевидно, типъ роиана еще не успѣлъ выработаться: героиня бѣжитъ не съ героемъ; герой, имѣвшій уже взрослого сына, не могъ возбуждать любви во всѣхъ женщинахъ; второстепенныя лица не участвуютъ въ интригѣ, и въ дѣйствіи нѣтъ и намека на единство. Любопытны слѣдующія черты: въ дѣйствіи не принимаетъ участія ни одно изъ греческихъ божествъ; въ изложеніи Фотія даже не упоминается ни одно изъ нихъ; а въ то-же время магія играетъ болѣе видную роль, нежели въ другихъ романахъ. Очевидно, авторъ отнюдь не былъ эленистомъ; ему не приходило на мысль противопоставить полную систему стараго политеизма еще тогда мало извѣстному и слабому христіанству, и теургія была еще сравнительно новинкой, не упавшей въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Слабость къ магіи раздѣляетъ съ Діогенонъ и Ямблихъ, несравненно ближе подошедшій къ общему типу любовнаго романа въ своихъ «Вавилонскихъ исторіяхъ»¹. Ямблихъ дошелъ до насъ только въ изложеніи Фотія, хотя въ XVII вѣкѣ существовали еще 2 рпн.: одна сгорѣла въ аскуріальской библіотекѣ въ 1671, другая же, принадлежавшая Юнгерману, пропала неизвѣстно куда². Кромѣ тѣхъ извѣстій, вторыя Ямблихъ сообщаетъ самъ о себѣ³, извѣстна старая схолія, сохранившаяся на поляхъ Фотія. По ней, Ямблихъ происходилъ отъ сирійскихъ туземцевъ и

¹ См. D—L. стр. 6; *Manso* 209 и слѣд. *Mémoires de l'académie royale des inscriptions et belles lettres*. T. XXXIV, 1770 г., статья *Lebreu*, Sur un roman grec intitulé les *Babyloniens*. Текстъ: *Hirsch*. 515—522.

² Впрочемъ отрывокъ, напечатанный по первой рп. Аллаціемъ въ *Excerpta graecorum rhetorum, Romae*. 1641, можетъ быть, взятъ и не изъ романа.

³ *Hirsch*. 518.

въ дѣтствѣ говорилъ и жилъ по-сирійски; одинъ вавилоянинъ взялъ его къ себѣ и научилъ языку, нравамъ и краснорѣчію своей страны. Послѣ того какъ Траянъ завоевалъ Вавилояъ, его воспитатель былъ проданъ одному сирійцу, который въ своемъ отечествѣ былъ придворнымъ секретаремъ и былъ силенъ въ восточной мудрости. Ямблихъ хвалился, говорить эта схолия, что онъ не только владѣлъ языками сирійскимъ и вавилонскимъ, но внослѣдствіи усвоилъ и греческій и въ качествѣ ритора пріобрѣлъ большую славу. Свидя называетъ его вольпо-отпущеннымъ¹. Походъ Траяна, какъ извѣстно, относится къ 114 году, а низложеніе Вологеза къ 166 году; и такъ, сочиненіе этого романа надо отнести къ 3-й четверти II вѣка, если вѣрить всѣмъ этимъ извѣстіямъ. Но вѣрить ли имъ? — вотъ вопросъ. Консулъ Соэма, сынъ Ахеменидовъ, о которомъ говоритъ Ямблихъ, лице — никому неизвѣстное. Можетъ быть, предполагаетъ Манзо, романъ этотъ не раньше IV вѣка, и его неизвѣстный авторъ присвоилъ себѣ знаменитое имя платоника и теурга сирійца Ямблиха. Сравнительная многочисленность свидѣтельствъ говоритъ противъ этого предположенія; противъ него и та пунктуальность, съ которою авторъ, выбравши себѣ мѣсто за два вѣка, ориентуруется въ прошедшемъ. Извѣстны случаи, когда авторъ присвоиваетъ себѣ чужое знаменитое имя, но онъ въ этомъ случаѣ присвоиваетъ себѣ и личность его владѣльца; не могъ же онъ не знать, что Ямблихъ жилъ не во II, а въ III—IV вѣкѣ. Съ другой стороны, вымышленный консулъ и нѣкоторыя подробности свидѣтельствъ очень подозрительны.

Обратимся къ содержанію романа.

Романъ Ямблиха Фотій называетъ *драматическимъ произведеніемъ, изображающимъ любовь*², и находитъ, что оно бо-

¹ Οὗτος ὡς φασι ἀπὸ δούλων ἦν. ἔγραψε δὲ τὰ καλούμενα Βαβυλωνικά ἔστι δὲ Ρ καὶ Σ. ἔρωσ ἐν βιβλίοις λθ' (Cod. vat. λε').

² Δραματικὸν, ἔρωτας ὑποκρινόμενον. Hirschl. 515.

лѣе прилично, чѣмъ разсказъ Ахилла Тація, но несравненно ниже въ этомъ отношеніи романа финикійца Геліодора. Въ отношеніи языка онъ находитъ Ямблиха способнымъ писать о болѣе серьезныхъ предметахъ. Герои романа—Родапесъ и его жена Синонисъ. Гармъ, царь Вавилона, потерявъ супругу, желаетъ жениться на Синонисъ; она отказывается ему, и за это ее заключаютъ въ золотыя оковы, а царскимъ евнухамъ Дамасу и Сакасу поручено распять Родапеса на крестѣ; но жена спасаетъ его отъ казни; они оба убѣгаютъ; евнухамъ отрѣзаны носы и уши, а за супругами послана погоня. Дамасъ едва не захватилъ героевъ на одномъ лугу, но они уже убѣжали оттуда, такъ-какъ привидѣніе въ образѣ возла¹ воспыдало страстію къ Синонисъ. Бѣглецы спрятались около хижины одной старухи въ глубокую пещеру. Дамасъ увидалъ ихъ лошадей и приказалъ подкапывать пещеру; супруги убѣжали другимъ выходомъ. Въ это время на солдатъ Дамаса напали пчелы, напившіяся змѣинымъ ядомъ, и умертвили многихъ; меду этихъ пчелъ полизали бѣглецы и упали, какъ мертвые; преслѣдующіе воины, увидавъ ихъ въ такомъ положеніи, по обычаю, набросали на нихъ одежды и другихъ даровъ и прошли мимо; супруги, очнувшись, нашли двухъ ословъ и продолжали путь. За-тѣмъ они попадаютъ въ другую бѣду: одинъ братъ отравилъ другаго, и ихъ обвинили въ этомъ преступленіи; освободившись, благодаря самоубійству убійцы, они попадаютъ въ домъ разбойника; солдаты Дамаса окружили этотъ домъ и зажгли; супруги, на-силу спасшись изъ пламени, захвачены солдатами, но объявляютъ, что они привидѣнія убитыхъ разбойниками; такъ-какъ они были блѣдны и истомлены, то солдаты повѣрили имъ и выпустили ихъ изъ рукъ. Супруги попадаютъ на похороны къ какой-то дѣвицѣ; старикъ халдей запретилъ ее хоронить, такъ-какъ она была жива; въ ея могилу, на-

¹ τράγου τὴ Φάσμα.

полненную драгоценностями, пищею и виномъ, зашли герои и провели тамъ ночь; за ними пришли туда солдаты Дамаса, но, сочтя ихъ за мертвыхъ, прошли далѣе. Супруги доходятъ до рѣки, откуда берутъ воду для царя вавилонскаго; тамъ Сионисъ задумала продать платье, взятое ею изъ гробницы; платье узнали, и ее представили на судъ, какъ воровку; судья — Сорайхъ Справедливый рѣшилъ отослать ее царю Гарму. Предпочитая смерть безчестію, супруги рѣшились отравиться, но Сорайхъ подмѣнилъ ядъ соннымъ порошкомъ; узнавъ, послѣ ихъ пробужденія, ихъ исторію, онъ отпускаетъ ихъ на волю и указываетъ на храмъ Афродиты, гдѣ Сионисъ можетъ вылѣчить рану, полученную случайно во время сна. Потомъ авторъ дѣдаетъ отступленіе и описываетъ островъ съ священною рощей, образуемый Эвфратомъ и Тигромъ. У жреца Афродиты было трое дѣтей: сыновья Эвфратъ и Тигръ и дочь Месопотамія; послѣдняя родилась безобразною, но Афродита превратила ее въ такую красавицу, что трое претендентовъ на ея руку явились къ мудрому судѣ Бохору; одинъ основывалъ свое право на томъ, что красавица подала ему кубокъ, изъ котораго пила сама, другому надѣла на голову вѣнокъ, снятый съ собственной головы, третьяго поцѣловала; судья присудилъ невѣсту послѣднему; но два другіе не удовлетворились судомъ, и всѣ трое перебили другъ друга. А сынъ жреца Тигръ погибъ, съѣвши розу, такъ-какъ между ея листочками сидѣла шпанская муха; мать его была увѣрена, что своими заклинаніями устроила ему мѣсто въ ряду героевъ. Тутъ же Ямблихъ излагаетъ другіе мѣстные мненія и говоритъ о магическомъ искусствѣ¹; здѣсь-же сообщаетъ онъ, что происходитъ изъ Вавилона, учился магіи и занимался греческою наукою, жилъ во времена Соэма, сына Ахемениса и внука Арсака, который былъ царемъ по рожденію, римскимъ сенаторомъ и кон-

¹ *μυστήρια* онъ производитъ ἀπό τῆς μάγικης.

суломъ, царемъ Великой Арменіи; что римлянами повелѣваетъ Антонинъ, который послалъ своего брата Вера противъ пареяскаго царя Вологеза; а онъ, авторъ, предсказалъ и эту войну и ея конецъ: Вологезъ бѣжалъ за Эвфратъ, а Парейл подчинилась римлянамъ.

Когда Роданесъ и Сионисъ приходитъ на вышеупомянутый островъ, мать Тигра приняла Роданеса за своего сына (они были очень похожи яицеиъ), возвращающагося изъ аида въ сопровожденіи Персефоны; Роданесъ оставилъ ее въ этомъ заблужденіи. Между-тѣмъ Дамасъ узналъ о пребываніи героевъ у Сорайха, и ихъ благодѣтель былъ схваченъ и отправленъ къ Гарну, а доносчикъ медикъ отправился къ жрецу съ письмомъ Дамаса, гдѣ заключалось повелѣніе выдать бѣглецовъ; медикъ утонулъ, а письмо Дамаса попало въ руки героямъ. Они убѣжали отъ острова, встрѣтили плѣвниаго Сорайха и освободили его, подкупивъ стражу. На семейство жреца, укрывавшаго героевъ, обрушился гнѣвъ евнуховъ: жрецъ осужденъ сдѣлаться палачемъ; его сынъ Эвфратъ (похожій на своего брата, а слѣдовательно и на Роданеса) взятъ вмѣсто героя, а сестра его Месопотамія бѣжала.

Герои и Сорайхъ пришли въ хижину одного земледѣльца; его красавица дочь получила отъ Сионисъ порученіе продать золотую цѣпь, которою когда-то была скована по повелѣнію Гарма; золотыхъ дѣлъ мастеръ узналъ свою работу, и царю донесли, что напали на слѣдъ Сионисъ; между-тѣмъ героиня приревновала своего мужа къ дочери хозяина, убила ночью одного богача, который преслѣдовалъ ее своею любовью, и устреилась наказать предполагаемую любовницу своего мужа; но ее захватили рабы убитаго и повезли на судъ къ царю. Сорайхъ рассказалъ объ этомъ Роданесу, и тотъ едва не лишилъ себя жизни. Въ это время Гармъ, получивъ отъ золотыхъ дѣлъ мастера увѣдомленіе о захватѣ Сионисъ (т. е. дочери земледѣльца), сталъ

готовиться къ сватбѣ и въ радости велѣлъ выустить въ свободу всѣхъ узниковъ; въ томъ числѣ была выпущена и подлинная Сионисъ. За-тѣмъ слѣдуетъ отступленіе о Береникѣ, дочери египетскаго царя, и о ея постыдной любви къ Месопотаміи, которая потомъ была отведена къ Гарму вмѣстѣ съ своимъ братомъ Эвфратомъ. Гармъ получивъ извѣстіе о бѣгствѣ мнимой Сионисъ, — она ушла къ отцу — приказалъ казнить золотыхъ дѣлъ мастера и приставленныхъ къ ней стражей. Собака Роданеса, убѣжавъ отъ хозяина, пожирала трупы погибшей молодой дѣвушки и одного раба (герои эпизода, упомянутого выше); за этимъ засталъ ее отецъ Сионисъ; онъ принялъ остатки трупа за принадлежаніе его дочери — такъ-какъ онъ узналъ собаку зятя, — похоронилъ ихъ, поставилъ памятникъ съ надписью имени героини и самъ повѣсился. Къ этому мѣсту пришли Сорайхъ и Роданесъ; первый всунулъ голову въ петлю, а второй, нанесъ себѣ рану и надписавъ своею кровью свое имя, готовился пронзить себя мечемъ; но прибѣжала дочь земледѣльца, объявила, что Сионисъ не погребена здѣсь, и спасла обоихъ. Сионисъ въ это время, освободившись отъ своихъ оковъ, съ мечемъ бѣжитъ наказать свою мнимую соперницу; увидѣвъ раненаго Роданеса, а около него дѣвушку — Сорайхъ ушелъ за лѣкаремъ, — она бросилась на нее съ мечемъ; собравъ послѣднія силы, Роданесъ отнялъ у нея мечъ; мнимоскорбленная героиня закричала: «приглашаю тебя сегодня на сватбу къ Гарму» и скрылась. Между-тѣмъ Месопотамію подыменемъ Сионисъ (она была съ братомъ, котораго считали Роданесомъ) привели къ Гарму; узнавъ ошибку, онъ приказалъ ее казнить; но Зобаръ, *вытисши изъ любовнаго источника*¹, освободилъ ее и отправилъ къ Береникѣ, которая и выдала ее замужъ; вслѣдствіе этого между Вавилономъ и Египтомъ грозитъ

¹ ἀπὸ πηγῆς ἐρωτικῆς πηλῶν. стр. 521.

начаться война. Эвфратъ преданъ на казнь палачу — своему отцу, спасенъ имъ, и ему передана отцовская должность.

Фотій съ этого мѣста спѣшитъ къ концу, и изложеніе его дѣлается еще запутаннѣй: Сорайха хотятъ распять на крестѣ, но въ это время появляется войско алановъ — имъ долго не платили дани — освобождаетъ его, и онъ дѣлается у нихъ впоследствии царемъ. Роданесъ попался въ руки къ Гарму, тотъ приказываетъ распять его и веселится около его креста; въ это время ему подають письмо съ извѣщеніемъ, что Сионисъ выходитъ замужъ за молодого сирійскаго царя; Гармъ приказываетъ снять Роданеса со креста и поручаетъ ему свое войско; герой побѣждаетъ сирійцевъ и дѣлается царемъ вавилонскимъ.

Изложеніе Фотія составлено крайне неискусно: изложены незначительные эпизоды и пропущена навѣрно гдѣ-нибудь изложенная предыдущая исторія сунруговъ¹; надо предположить, что они, подобно большей части героевъ другихъ романовъ, сошлись безъ согласія родителей и бѣжали отъ нихъ; иначе непонятно, почему отецъ Сионисъ, нашедъ предполагаемые трупы дочери и зятя, на памятникѣ не поставилъ имени Роданеса. Допустивъ это предположеніе, мы въ-правѣ сказать, что канва «вавилонскихъ исторій» и другихъ романовъ одинакова: герой и героиня, оба молодые и прекрасные, подвергаются преслѣдованіямъ судьбы и бѣгаютъ изъ одной страны въ другую, пока провидѣніе не рѣшится забыть ихъ нечтеніе къ родителямъ и наградить ихъ постѣянство; больше всего горя имъ причиняетъ непрощенная любовь разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и ихъ собственные ошибки (любимый эпизодъ — герой считаетъ героиню мертвою).

¹ На основаніи разнорѣчія Фотія и Свиды, въ числѣ книгъ (Фотій считаетъ ихъ 16, Свида 39, по ватиканскому списку 35), можно, пожалуй, предположить, что Фотіи имѣлъ въ рукахъ неполный экземпляръ, безъ начала; но приводимое Свидой число книгъ болѣе чѣмъ подозрительно.

Это также романъ интриги, не имѣющій ни малѣйшей претензіи на обрисовку характеровъ. Отличается онъ отъ другихъ романовъ, во 1-хъ, большею наклонностью къ наги — черта, средняя Діогену; во 2-хъ, преслѣдованіи со стороны непрощенныхъ любовниковъ здѣсь концентрировано въ лицѣ одного Гарма, тогда какъ въ другихъ романахъ его роль постоянно переходитъ отъ одного лица къ другому: въ героиню влюбляется всякій, кто ее увидитъ; о дамахъ же, влюбленныхъ въ героя, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Эта сравнительная простота сюжета заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что романъ этотъ отнюдь не отличается краткостью; напротивъ, онъ по числу книгъ длиннѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ; 3-я отличительная черта — сцена этого романа псевдоисторическая, государственная: самъ герой — будущій царь, его соперникъ — царь настоящій; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть царица египетская и царь сирійскій, тогда какъ въ сохранившихся прозаическихъ романахъ замѣтно стремленіе къ изображенію буржуазной жизни: только у Геліодора герой вмѣстѣ съ рукою любимой дѣвушки получаетъ и царство эеіопское; у Харитона герой съ радостію покидаетъ, несмотря на небывалый успѣхъ, общественную арену и, соединившись съ другой жизни, спѣшитъ на родину, чтобы жить только буржуазнымъ, семейнымъ счастіемъ; у Эвматія эта тенденція достигаетъ высшаго развитія; Лонгу даже городъ кажется слишкомъ широкою ареной, и онъ ведетъ насъ въ деревню. Общія соображенія о гніеніи государственнаго строя имперіи и слѣдствіяхъ этого гніенія, такъ-же какъ и аналогія съ новоевропейскимъ романомъ, который до конца XVIII в. прошелъ, спускаясь, всѣ ступени общественной лѣстницы, доказываютъ сравнительную древность Ямблиха. Правда, въ византійскихъ стихотворныхъ романахъ X—XII вѣковъ на сценѣ снова цари, но я надѣюсь указать ниже, что въ этихъ романахъ выступаетъ народная сказка, что между ними и эротическими романами — цѣлая пропасть.

И такъ, свидѣтельству Ямблиха о себѣ по-видимому слѣдуетъ вѣрить; но извѣстно, что подобныя апріорныя данныя, ивѣющія или долженствукнція имѣть, рѣшающую силу для произведеаіи органически-развивающейся народной поэзіи, могутъ легко ввести въ ошибку, если мы имѣемъ дѣло съ капризной фантазіей личности, особенно въ томъ періодѣ, большая часть произведеній котораго погибла для насъ. Изъ эпизодовъ «вавилонскихъ исторій» обращаетъ на себя вниманіе рассказъ о Месопотамш и ея трехъ женихахъ; три соискателя, изъ которыхъ каждый имѣетъ по-видимому, законныя права на руку красавицы, вводитъ этотъ ввязодъ въ обширную семью сказокъ и новелъ, обрабатывающихъ тотъ-же мотивъ трудно рѣшаемаго спора; члены этой семьи раскиданы по всеѣмъ литературамъ, а взаимное отношеніе ихъ разобрано профессоромъ Веселовскимъ¹. Рассказъ Ямблиха представляетъ ту любопытную особенность, что права соискателей основываются не на ихъ достоинствахъ, не на ихъ заслугахъ относительно невѣсты, а на знакахъ любви, полученныхъ ими отъ дѣвушки; такая постановка дѣла вполне соотвѣтствуетъ искусственному греческому роману, далекому отъ народной сказки. Нашъ рассказъ принадлежитъ къ тому типу изложеній этого мотива, гдѣ дѣвушка не достается никому изъ соискателей², хотя вначалѣ дѣло и рѣшено въ пользу третьяго соискателя. Если-бы эпизодъ дошелъ до насъ не въ видѣ конспекта, онъ послужилъ бы однимъ изъ доказательствъ того, что центръ тяжести всей семьи рассказовъ лежитъ не въ подвигахъ и исключительныхъ способностяхъ соискателей, а въ трудности разрѣшенія вопроса, прц:

¹ См. Вилла Альберти. Москва. 1870, стр. 270—283. Ср. *Oesterley*, *Baitál Pachtsí oder die fünf und zwanzig Erzählungen eines Dämon*. Leipz. 1873, рассказъ 5-й и примѣчанія къ нему.

² Въ другихъ изложеніяхъ того-же типа она достается отцу (Вилла Альберти. 280) или разрывается на части (276); чаще всего споръ остается нерѣшеннымъ.

чень, конечно, возможно и соединеніе двухъ первоначальныхъ мотивовъ. Новелла о *началѣ города Црато*, по поводу которой профессоръ Веселовскій разбираетъ всю семью сходныхъ рассказовъ, свободна отъ всякой литературной связи съ нашимъ эпизодомъ; между ними, кромѣ мотива, только та общая черта, что и соискатели новеллы не отличаются никакими особыми дарованіями.

Между дошедшими до насъ греческими романами первое мѣсто по силѣ вліянія на ново-европейскій романъ принадлежитъ безспорно «Эеіопикамъ» Геліодора; этотъ-же романъ считаютъ и первымъ по времени.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ авторѣ мы получаемъ изъ самаго романа; во всѣхъ полныхъ рукописяхъ онъ оканчивается словами: «такъ кончаются Эеіопики о Теагенѣ и Хариклеѣ; сочинилъ ихъ мужъ финикіецъ изъ Эмесы, ведущій свой родъ отъ Геліуса, Геліодоръ, сынъ Θεοδοσία. Историкъ церкви Сократъ (около $\frac{1}{2}$ V в.) отождествляетъ потомка Солаца съ епископомъ оессалійскаго города Трикки¹. Никифоръ Каллистъ (XIV в.) сообщаетъ, будто триккскому епископу предложили или отказаться отъ романа, или отъ епископской кафедрѣ, и онъ предпочелъ послѣднее. Это извѣстіе — явный вымыселъ, литературная легенда, выражающая уваженіе къ роману: онъ-де такъ хорошъ, что за него не жаль и епископской кафедрѣ. Сократово: *νέος ὄν* отзывается искусственной попыткой примирить язычество романа съ епископскою кафедрой автора. Кромѣ того геліодоровъ романъ поименовываютъ романистъ — ямбикъ Никетасъ (VI, 386), византіецъ Илья Критскій (неизвѣстнаго времени) и Михаилъ Пселлъ (XI в.)². Фотій называетъ Геліодора жите-

¹ V, 22. Ἀλλὰ τοῦ μὲν ἐν Θεσσαλίᾳ ἔθους ἀρχηγὸς Ἠλιόδωρος Τρίκκης τῆς ἐκεῖ γενόμενος ἐπίσκοπος, οὗ λέγεται ποιήματα ἐρωτικὰ βιβλία ἃ νέος ὄν συνέταξε καὶ διδωτικὰ προσηγόρευσε.

² См. Fabr. VI, 785.

лешъ какого-то никому неизвѣстнаго города Аминды. На-сколько основательно приписываютъ тому-же Геліодору, епискону и романисту, алхимическій трактатъ «о скрытомъ искусствѣ фило-софовъ»¹, сказать трудно.

Отождествленіе Геліодора епископа съ Геліодоромъ романи-стомъ представляетъ значительныя затрудненія: не легко повѣ-рять, чтобы самый поверхностный христіанинъ могъ быть авто-ромъ произведенія, гдѣ язычество представляется въ такой строгой системѣ, съ такою искреннею вѣрой, а епископъ Эес-салии, въ которой раньше другихъ округовъ было установлено безбрачіе духовенства², едва-ли могъ быть поверхностнымъ христіаниномъ. Указаніе на молодость автора, какъ было ска-зано выше, отзывается вымысломъ, и кромѣ того ему противо-рѣчить обширная, хотя и не глубокая, начитанность автора, его знаніе жизни, отсутствіе сильныхъ страстей и болтливость. Строгая (сравнительно съ другими романами) нравственность, еессалийское происхожденіе героя—доказательства обоюдоострыя: если на основаніи ихъ можно объединить романиста съ еписко-помъ, то еще удобнѣе объяснить ими, почему именно еессалий-скому епископу, а не другому Геліодору вздумалъ Сократъ при-писать романъ: Геліодоръ Триккскій не пользовался такою об-ширною извѣстностью, чтобы 20—30 лѣтъ поели его смерти ему нельзя было приписать чужаго сочиненія, по всей вѣроят-ности, болѣе ранняго. Наконецъ, если мы отнесемъ Эоіопики къ концу IV в., другіе романы слѣдуетъ отнести еще дальше, не столько потому, что у Тація, Харитона и пр. можно найти заимствованія изъ Геліодора, сколько по внутреннимъ основа-ніямъ: Эоіопики ближе къ типамъ географическаго и псевдо-историческаго романа и дальше отъ романа мѣщанскаго; поли-

¹ *Περὶ τῆς τῶν Φιλοσόφων μυστικῆς τέχνης*, Fabr. VI, 790—797.

² *Kurtz*, I, 2, 62. Мауро, стр. 298, сомнѣвается даже въ томъ, назывался ли епископъ Трикки Геліодоромъ.

теизмъ ихъ еще неуспѣлъ обратиться въ обрядность, чувствуется потребность поддержать его и очистить отъ суевѣрія толпы; видно довольно близкое знакомство съ театромъ, особенно съ новою комедіей. Помимо того, что мы имѣемъ право сомнѣваться въ имени каждаго романиста, подозрѣніе относительно Геліодора усиливается нѣсколько страннымъ совпадениемъ его имени съ его предкомъ Солнцемъ и съ мѣстомъ рожденія Эмесой, гдѣ въ III и IV в. особенно процвѣталъ культъ Солнца.

Впрочемъ имя Геліодора было очень распространено въ то время: Фабрицій (VI, 797 — 9) насчитываетъ болѣе 30 Геліодоровъ приблизительно въ ту-же эпоху; нѣкоторымъ изъ нихъ вполне удобно приписать Эіопики, напр. Геліодору Сирійскому, ритору и начальнику Египта, Геліодору астрологу, о которомъ говоритъ Амміанъ Марцеллинъ, или софисту Геліодору Аравійскому, жившему при Каракаллѣ¹, и пр.; но *opus probandi* слишкомъ тяжелъ въ данномъ случаѣ.

На основаніи самаго произведенія, можно предполагать, что авторъ былъ грекъ по происхожденію, и сказать съ увѣренностью, что онъ получилъ греческое образованіе и греческій языкъ былъ его природнымъ языкомъ: этотъ языкъ, по его словамъ, въ большомъ почетѣ у гимнософистовъ и у эіадискихъ царей²; устами царя Гидаспа онъ воздаетъ похвалы греческому народу. Онъ не только самъ хорошо знаетъ Аионы, но и въ читателяхъ предполагаетъ такое-же знаніе³. Но онъ не аионянинъ: въ аионянинѣ Кнемонѣ представилъ онъ тинъ, который не можетъ возбудить большой симпатіи въ читателяхъ; онъ постоянно ост-

¹ Въ немъ уже подозрѣвали автора «Эіопикъ».

² *Σπουδάζεται γὰρ ἢδ' ἡ γλῶττα καὶ παρὰ τοῖς Γυμνοσοφισταῖς αἰ βασιλεῦσιν Αἰθιοπίων. IX, 25.*

³ См. I, 17 описаніе смерти мачихи Кнемона: *ἐπεὶ δὲ κατὰ τὸν βόθρον ἐγένετο τὸν ἐν Ἀκαδημίᾳ (πάντως γιγνώσκεις ἐνθα τοῖς ἥρωσιν οἱ πολέμαρχοι τὸ πάτριον ἐναγίζουσιν).*

рять то надъ его трусостью, то надъ страстью его къ зрѣлищамъ, объясняя эти слабости племенными особенностями. Геліодоръ хорошо знаетъ Египетъ, даже мѣстоположеніе отдаленнаго Мероу; уваженіе, оказываемое царемъ египетскимъ гимнософистамъ — ихъ извѣщаетъ онъ о побѣдѣ прежде, чѣмъ царицу — вполне соответствуетъ высокому положенію жреческаго сословія въ Мероу; но Геліодоръ, конечно, не египтянинъ: египтяне для него — варвары¹. При всемъ желаніи перенести читателей въ отдаленную эпоху персидскаго владычества, онъ дѣлаетъ ошибки, смѣшивая персидскіе законы и обычай съ греческими. Такъ въ Мемфисѣ народное собраніе рѣшаетъ вопросъ о битвѣ; Арсаке, жена сатрапа, рѣшается употребить силу противъ Теагена тогда только, когда узнаетъ, что онъ былъ военнопленнымъ.

Геліодоръ — язычникъ и по нравственнымъ и по религіознымъ убѣжденіямъ: по его мнѣнію, пріятно даже погибнуть, если можно при этомъ увлечь враговъ въ гибель². Для него боги не только предметъ вѣры, но и предметъ изученія (*Диалогія*); его библія — Гомеръ, но онъ толкуетъ его довольно свободно. Въ III кн. 12 гл. устами Калазириса онъ развиваетъ теорію о явленіи боговъ: они являются людямъ рѣдко въ образѣ животныхъ, чаще въ образѣ людей; ихъ признаки при этомъ — неподвижный взоръ и движеніе безъ перестановки ногъ; по этому египтяне и изображаютъ ихъ съ соединенными ногами; строгаго разграниченія религій нѣтъ и въ-поминѣ: мемфисскому жрецу Калазирису являются олимпійскіе боги; во снѣ ему является Одиссей, уже обоготворенный вмѣстѣ съ Пенелопею (V, 22). Геліодоръ не любитъ магіи: устами Калазириса, который преимущественно выражаетъ его воззрѣнія, онъ смѣется надъ ней

¹ Напр. I, 30: *βάρβαρον ἦθος*.

² VIII, 15. *Οὕτως ἄρα ἡδύ τι καὶ τὸ ἀπόλλυσθαι, ὅταν συμβαίῃ τοῖς ἐχθροῖς ἐκακόλλυσθαι.*

и осуждаетъ ее; но время брало свое: онъ вѣритъ, что извѣстными чарами можно оживить на-время мертвеца и заставить его предсказывать будущее; только за этия нечестивымъ дѣломъ можетъ послѣдовать страшное наказаніе. Наравнѣ съ благодѣтельными олимпійскими богами дѣйствуютъ и демоны: Калазирисъ думаетъ, что красавица Родописъ, въ которую онъ влюбился на старости лѣтъ, не женщина, во демонъ, принявшій ея образъ¹. Демоны любятъ зло шутить надъ людьми: Теагенъ, услышавъ голосъ Хариклеи, думаетъ, что надъ нимъ шутить какой-нибудь демонъ²; Кнемонъ пришелъ въ отчаяніе, подслушавъ жалобы Хариклеи, которую онъ принялъ за Тизбе; эту ошибку Геліодоръ объясняетъ шуткой божества, «которое вообще обращаетъ въ шутки и вздоръ дѣйствія людей»³. Онъ не только вѣритъ въ дурной глазъ⁴, но и защищаетъ эту вѣру цѣлою ученою теоріей о злыхъ элементахъ, которые исходятъ иногда черезъ глаза, носятся въ воздухѣ и проникаютъ внутрь тѣла другого человѣка черезъ различные органы⁵.

¹ II, 25. Ὁ δαίμων... προσοπτειον αὐτὴν ὑπέληθε.

² II, 6. Εἰ μὴ τις ἡμᾶς καίξει καὶ νοῦν δαίμων.

³ Ἐπαιξε δ' ἄρα τι τὸν Κνήμονα δαιμόνιον, ὃ καὶ χλεύην ἄς δρίπαν τὰ ἀνθρώπεια καὶ παιδιὰν πεποιεται. V, 4.

⁴ III, 7. Ὁφθαλμὸν τινα βάσκανον.

⁵ Можно сдѣлать куріёзное сопоставленіе теоріи Калазириса съ спиритическою теоріей новаго времени. См. Отеч. Зап. 1841 г. № 1. «Саламандра», повѣсть К. В. О. (кн. Одоевскаго): «ты дунаешь, дитя, что та сила, которая въ 1000 кратъ сильнѣе тѣлеснаго дыханія и матеріальной дѣлимости, сила преступной мысли, преступнаго чувства, преступнаго слова или дѣла, не производитъ вокругъ себя болѣзненной, тлетворной атмосферы? Скажи, неужели ты незамѣчалъ надъ собой, что ты легче дышешь въ присутствіи добраго человѣка? Нервы твои успокаиваются; какъ бы благовонный елей проливается на нихъ; голова свѣтлѣе; сердце бьется ровно и весело; и напротивъ: неволью духъ занимается въ при-

Въ доказательство теоріи глаза Калазирисъ приводитъ «нѣ-
которое слово по физикѣ животныхъ, взятое изъ священныхъ
книгъ»¹; это — рассказы о зуйкѣ, который своимъ взглядомъ из-
лѣчиваетъ желтуху, притягивая болѣзнь на себя², и о васи-
лискѣ, который убиваетъ людей тѣмъ-же способомъ. И зукъ
и василискъ пользуются большою популярностью въ средневѣ-
ковыхъ физиологахъ³; зукъ не только излѣчиваетъ желтуху, но
уже по греческому физиологу, переработанному изъ античныхъ
источниковъ въ первые вѣка христіанства, принимаетъ на себя
всякую болѣзнь, вкладывая свой клювъ въ ротъ больному, ко-
торому не суждено умереть безотлагательно (въ этомъ случаѣ
онъ отворачивается).

Въ Эеіоникахъ, такъ-же какъ и въ другихъ греческихъ ро-
манахъ, много любопытныхъ данныхъ такого рода; вездѣ оче-
видно стремленіе къ описанію малоизвѣстныхъ и даже небыва-
лыхъ животныхъ или небывалыхъ свойствъ ихъ; но весьма рѣд-
ко можно замѣтить стремленіе воспользоваться этими сказаніями
для символики.

существомъ злаго; что-то тяготитъ тебя, давить; мысли сжаты; сердце
бьется тоскливо; ты боишься устремить свои глаза противъ глазъ
такого человѣка, какъ будто стыдишься за него, или боишься,
чтобы онъ своимъ взоромъ не зажегъ твоей внутренности? Ин-
стинктъ тебя не обманываетъ! Вѣрь, молодой человѣкъ, что во-
кругъ каждой мысли, наждаго слова и дѣла образуется очарован-
ный кругъ, которому невольно подчиняются попавшія въ него
менѣе мощныя мысли, чувства и дѣла; эта истина современна
міру; грубая эмблема ея сохранилась въ тѣхъ очарованныхъ вру-
гахъ, которыми очерчиваютъ себя сказочные волхвы».

¹ λόγον τινα φυσιαώτερον παραθέσθαι, βίβλοις δ'εραϊς ταῖς περὶ
ζῴων ἀναγραφτοῦ. III, 8.

² ὁ χαλανδριδῆς—Kalender, Haubenlerche.

³ Die sagenhafte u. symbolische Thiergeschichte des M. A. v.
Eduard Koloff. Hist. Taschenb. за 1867 годъ.

Царица Персина вмѣстѣ съ другими животными готовитъ въ жертву и грифовъ (X, 4); царю Гидаспу троглодиты¹ приводятъ въ подарокъ ярмо грифовъ (X, 26). Важную роль въ разсказѣ играетъ кольцо съ камнемъ пантарбонъ, который снасаетъ Хариклею отъ огня², и т. д.

Раздѣляя суелѣрія своего вѣка, Геліодоръ не прочь отъ попытокъ новаторства, но отнюдь не въ юліановскоиъ, а скорѣй въ христіанскоиъ духѣ; онъ, очевидно, искренно сочувствуетъ гимнософисту³ Сизимитру, который возстаетъ не только противъ челоѳическихъ, но и противъ животныхъ жертвъ (X, 9); благоуханіе и молитва — вотъ что, по его мнѣнію, пріятно богамъ.

Литературное образованіе Геліодора прочно связываетъ его съ до-христіанскимъ, античнымъ міромъ; основа его поэтическаго образованія, конечно, Гомеръ; онъ цитируетъ его при всякомъ удобномъ случаѣ⁴. Петозирисъ, два раза обѣгающій городскія стѣны, когда за нимъ гонится вооруженный Тіамисъ, несомнѣнно, подражаніе битвѣ Ахиллеса съ Гекторомъ. На-счетъ происхожденія Гомера Геліодоръ сообщаетъ любопытное и, по его-же собственнымъ словамъ, мало распространенное преданіе (III, 1+): Гомеръ былъ египтянинъ, родомъ изъ стовратыхъ Фивъ; отцемъ его считался одинъ жрецъ; но на самомъ дѣлѣ онъ произошелъ отъ незаконной связи жены жреца съ Гермесомъ, когда она по-

¹ По Льву Діакону (III, 1), троглодиты — старое названіе кашпадоніянъ; но не ихъ здѣсь разумѣетъ авторъ.

² Вѣра въ чудесную силу камней принадлежитъ еще ранней эпохѣ; такъ напр. аметистъ въ Греціи всегда считался предохранительнымъ средствомъ отъ опьяненія. См. *Вейсъ*, *Вѣднѣйшій бытъ народовъ*, пер. *Часва*. I, 2, 162.

³ О гимнософистахъ у древнихъ см. *Chassang*, *Hist. du roman* 1862. стр. 142, 290 и др., и его-же примѣчанія къ Аполлонію Тіанскому.

⁴ Напр. II, 22; III, 4 и пр.

чевала въ храмѣ; съ санаго рожденія Гомеръ носилъ знакъ своего незаконнаго происхожденія: длинные волосы на одной голени; бродя между греками и распѣвая поэмы, онъ получилъ отъ того свое имя¹; о себѣ же онъ ничего не рассказывалъ или потому, что стыдился постигшаго его изгнанія, или потому, что желалъ вездѣ быть какъ дома. Это, очевидно, одно изъ позднѣйшихъ преданій о Гомерѣ, сложившееся въ александрийскій періодъ² и при Геліодорѣ еще мало распространенное; но Евдоксія Младшая (XI в.) уже знаетъ имена отца и матери Гомера³. Послѣ Гомера (Гезіода онъ цитуетъ очень рѣдко) Геліодору всего ближе преданія Феиаскаго театра, особенно новой комедіи. Когда Калазирисъ неожиданно встрѣчается съ Хариклеей, Навзиклъ замѣчаетъ, что это похоже на театральную неожиданную встрѣчу⁴; когда, вслѣдствіе появленія Калазириса, прекратилось единоборство его сыновей, авторъ замѣчаетъ, что трагическое окончаніе неожиданно замѣнилось комическимъ⁵, а встрѣчей Теагена и Хариклеи счастливо окончилась и любовная часть пьесы⁶. Такимъ образомъ Геліодоръ самъ указываетъ на генетическую связь новой комедіи и романа, въ которомъ также обязательны любовная часть и счастливая развязка, устраиваемая съ поощрѣніемъ многими неожиданными встрѣчами (*ἀναγνωρισμοῖς*); дѣйствіе въ романѣ также начинается *ex nihilo rebus*. Геліодоръ хорошо знакомъ и съ трагическою сценой: приводимое имъ преданіе о смерти Неоптолема отъ руки

¹ Далѣе неясно: *ταῦν δ' ἐυνοκόντων τὸ περὶ τὸ σῶμα κάθος εἰς ὄνομα κατὰ οὐρανίωνων*. Вариантъ: *κρητταίωνων*.

² См. *Preller, Myth.* II, 495—8 стр. (2-te Aufl.).

³ *Villoison, Anecdota graeca.* I, 320: *ὁ Ὀμήρου υἱὸς Αἰγυπτίων Διασαγόρου καὶ Αἴθρας*.

⁴ V, 11: *τις ὁ καὶθάπερ ἐπὶ σκηνῆς ἀναγνωρισμὸς διαγορῶν*.

⁵ VII, 8: *εἰς αἰωνίον ἐκ τραγικοῦ τὸ τέλος κατέστρεψε*.

⁶ *Ibid.* τὸ ἐρωτικὸν μέρος τοῦ δράματος.

Ореета принадлежит, по замѣчанію Преллера (II, 469), аеиаской сценѣ; Теагенъ издѣвается надъ Кнемономъ, который, узнавъ Тизбе, бросился отъ нея точно отъ демоновъ, выведенныхъ на сцену¹. Но исторію Кнекона, близкую къ извѣстному сказанію объ Ипполитѣ и Федрѣ, нѣтъ необходимости считать заимствованіемъ: любовь мачихи къ пасынку, остающаяся безъ отвѣта, и несправедливое обвиненіе послѣдняго въ намѣреніи изнасиловать мачиху — тема слишкомъ обыденная, особенно въ эпоху распада семьи².

Геліодоръ — романистъ неумѣлый, неопытный; уже первая излагаемая имъ сцена указываетъ на молодость этого рода поэзіи: разбойники на большомъ разстояніи усматриваютъ поле, покрытое трупами, и замѣчаютъ, что многіе трупы еще трепещутъ; Теагенъ очнулся именно въ тотъ моментъ, когда они проходятъ мимо него. По первымъ строкамъ читатель думаетъ, что авторъ намѣренъ поставить его на точку зрѣнія разбойниковъ, но разбойники не понижаютъ по-гречески, а авторъ приводитъ рѣчи героевъ. Главный недостатокъ Эеіоникъ — ихъ однообразіе: приключенія героевъ, очень сходныя между собою, непременно должны окончиться счастливо, а ихъ длинныя рѣчи, уснащенные топиками, напоминаютъ ученическія упражненія въ риторикѣ. Самыя безцвѣтныя лица романа, — конечно, герой и героиня — образцы красоты и добродѣтели; мало чести искусству и общественной нравственности той эпохи, идеалы которой не

¹ II, 17... *ὡσπερ ἐπὶ σκηπῆς δαίμονας ἀπεδδρασκες.*

² Укажу на два разнородныхъ примѣра: при Констанціи Клемандій, правитель Палестины, отказался удовольствоваться преступною любовью мачихи, былъ обвиненъ ею въ покушеніи на ея честь и погибъ вслѣдствіе подкупности императрицы. *Legenda Auea* рассказываетъ про апостола Андрея, что его предстательствомъ была убита громомъ мачиха, влюбившаяся въ своего пасынка и обвинявшая его въ покушеніи на ея честь.

похожи на живыхъ людей; но Геліодоръ еще могъ отличить нравственное отъ безнравственнаго: его Теагенъ не только красавецъ, но и вѣрный любовникъ, и храбрый воинъ: даже и въ рабствѣ онъ умѣетъ поддержать свое достоинство; въ его любви не одна чувственная страсть (хотя Хариклея и должна нѣсколько разъ напоминать ему о его клятвѣ), но и уваженіе къ предмету любви; уже получая отъ Хариклеи награду, онъ, какъ рыцарь, цѣлуетъ ея руку (IV, 4). Сравнительно съ героинями другихъ романовъ, Хариклея — сильный характеръ, достойный высокаго происхожденія и счастья; она храбра и находчива и смерть предпочтетъ безчестию; но прежде чѣмъ умереть, старается оттянуть время и пустить въ ходъ хитрость, даже обманъ. Калазирисъ — также идеальный характеръ по своей добротѣ, благочестию и преданности, хотя и онъ, во исполненіе воли боговъ, не брезгуетъ хитростью и обманомъ. Въ характерѣ Хариклея замѣчается двойственность: съ одной стороны, онъ дублетъ Калазириса; съ другой — исполняетъ роль староскряги и эгоиста новой комедіи: онъ нѣжно любитъ Хариклею и сперва желаетъ выдать ее за племянника для ея же счастья; а потомъ Калазирисъ считаетъ нужнымъ, чтобы Хариклея обманывала своего опекуна, изъясняя притворное согласіе и хитростью выманывая отъ него свои сокровища. Гидаспъ — идеаль царя и правителя, истиннаго отца своихъ подданныхъ; онъ ведетъ войну, но только по необходимости и для защиты своихъ владѣній; онъ старается не столько о побѣдѣ, сколько о возможно меншемъ кровопролитіи; наказавъ нарушителей своихъ правъ и возвративъ свою собственность, онъ отдаетъ назадъ побѣжденнымъ все завоеванное. Для блага народа, въ знакъ уваженія къ закону онъ готовъ пожертвовать своимъ единственнымъ ребенкомъ. Авторъ остановился на немъ съ любовью, очевидно, имѣя въ виду высокопоставленныхъ читателей, которые могли бы руководствоваться примѣромъ Гидаспа.

Добродѣтельнымъ людямъ противопоставляются злодѣя: Арсаке, Кибела и ея сынъ Ахеменесь. Арсаке не злодѣйка по существу своей природы: она умная, энергичная женщина, могущая управлять въ отсутствіе мужа цѣлою областью; но она — необузданно страстная азіатская натура; когда ея страсть не удовлетворяется, она выходитъ изъ всякихъ предѣловъ благопристойности и нравственности; она не можетъ пережить своихъ обманутыхъ надеждъ. Кибела — типъ низкой сводни безъ всякаго понятія о чести; во время Геліодора женщины этого ремесла и рода встрѣчались часто; Геліодоръ, удовлетворяя своему нравственному чувству, спѣшитъ наказать ея злодѣйства. Кибела имѣетъ свой недоразвитой дублетъ въ старухѣ, заклинающей мертвеца; болѣе экономный романистъ соединилъ бы ихъ въ одно. Ахеменесь — грубая, низкая натура; онъ любитъ Хариклею, но охотно готовъ предоставить ее Ороондату: онъ надеется удовлетворить свои желанія, когда сатрапъ ее броситъ; кромѣ того онъ трусливый и вѣроломный солдатъ; и съ нимъ также живо расправляется авторъ, какъ и съ его матерью. Тіамисъ и Петозирисъ, родные братья — Карлъ и Францъ Мороръ, слабо и поверхностно очерченны; разница въ томъ, что Тіамисъ, принужденный несправедливостью идти въ разбойники, не испытываетъ при этомъ никакой душевной борьбы, такъ-какъ этимъ поступкомъ онъ отнюдь не исключалъ себя изъ общества: изъ атамана онъ живо обратился въ мемфисскаго первосвященника. Кромѣ этихъ идеальныхъ и нѣсколькихъ безхарактерныхъ лицъ въ романѣ есть 2 живые челоѣка — настоящіе типы буржуазнаго романа: трусливый, любопытный, хитрецъ безъ нужды, но въ сущности порядочный малый, асианинъ Кнемонъ и эгоистичный, вѣчно стремящійся къ ѣживѣ, но при этомъ старающійся показать себѣ безкорыстнымъ, только по принужденію принимающимъ деньги, Навзикль; авторъ инстинктивно понималъ, что этимъ людямъ нечего дѣлать въ героическомъ

романъ, и поспѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ, связавъ ихъ узами родства и доставивъ Кнемену мѣщанское счастье — выгодную женитьбу.

Геліодоръ пытался создать романъ историческій; онъ переноситъ читателей лѣтъ за 500 до своего времени; попытка его, какъ было сказано выше, не увѣнчалась успѣхомъ; романъ его — довольно вѣрное изображеніе его времени и не только въ отношеніи вѣрованій и убѣжденій, но и въ отношеніи общественныхъ неустройствъ, многочисленныхъ разбоевъ. Геліодора, какъ и другихъ романистовъ, фабулъ которыхъ разбойники оказываютъ такую услугу, по-видимому, нельзя упрекнуть въ преувеличеніи. Въ правленіе евнуха Евтропія, при Аркадіи, Требегильдъ, начальникъ незначительнаго готскаго племени въ малой Азіи возсталъ противъ римлянъ¹, и, по слабости правительства, скоро вся страна была въ его рукахъ. Онъ заставилъ назначить ево военачальникомъ ринскихъ войскъ, но и въ этомъ званіи продолжалъ грабить страну. Особенно разбой развиты были въ Египтѣ: Сіагрій, задумавъ освободить своего отца изъ египетскаго оазиса, куда тотъ былъ сосланъ, нанялъ для этого шайку бродячихъ разбойниковъ. Въ кодексахъ Оеодосія, такъ-же какъ и у романистовъ, разбойники отождествляются съ пастухами².

Ахиллъ Тацій въ большей части рукописей называется александрійцемъ; кромѣ этого романъ не сообщаетъ объ немъ никакихъ свѣдѣній: Свидя называетъ его *Στάτιος* и говоритъ, что онъ написалъ исторію любви Левкиппы и Клитофона и *другихъ* въ 8 книгахъ; по словамъ того-же Свиды, Ахиллъ принялъ потомъ христіанство и былъ епископомъ; «также писалъ онъ о сферахъ и этимологіи и сочинилъ смѣшанную исторію, гдѣ вспо-

¹ *Am. Thierry, Nouveaux récits. 217.*

² IX, 31. Si quis (sc. filios) nutriendos pastoribus dederit, societatem latronium videbitur confiteri (409 г.). См. изд. Jacobi Gothofredi и его комментарій.

меняетъ о многихъ великихъ и удивительныхъ мужахъ; стиль его таковъ-же, какъ и въ описаніи любви»¹. Никто другой не подтверждаетъ извѣстій о его епископствѣ; не только невозможно повѣрить, что Ахиллъ Таціѣ былъ епископомъ, но трудно согласить направление его романа и съ извѣстіемъ о томъ, что онъ былъ христіяниномъ; съ другой стороны, мы не имѣемъ никакихъ основаній, чтобы заподозрить извѣстіе Сиды о другихъ произведеніяхъ Ахилла Тація; романъ указываетъ на разносторонность его образованія и стремленій; сочиненіе Ахилла о сферахъ упоминаетъ уже Фирмикъ, жившій въ половинѣ IV вѣка²; и такъ, половина IV вѣка служитъ какъ *terminus ad quem* для опредѣленія времени его жизни; съ этимъ нельзя согласить маѣнія о томъ, что Ахиллъ подражалъ Музею, жившему, по словамъ Шолля, между 430 и 480 гг. Подражаніе это нельзя считать фактомъ доказаннымъ, такъ-какъ во 2-ой изъ двухъ цитатъ, на которыя ссылаются Боденъ и др., мы не видимъ никакого сходства кромѣ вполне естественнаго сравненія красоты дѣвушки съ цвѣтами³, встрѣчающагося въ сотняхъ поэтическихъ произведеній, совершенно самостоятельныхъ; что же касается перваго,

¹ Ἀχιλλεύς Στατίος Ἀλεξανδρεὺς ὁ γραψας τὰ κατὰ Λ. καὶ Κ. καὶ ἄλλα ἐρωτικὰ ἐν βιβλίοις ἢ γέγονεν ἔσχατον Χριστιανὸς καὶ Ἐπίσκοπος. ἔγραψε δὲ περὶ σφαίρας καὶ ἐτυμολογίας, καὶ ἱστορίαν οὐμμικτον πολλῶν καὶ μεγάλων καὶ θαυμασίων ἀνδρῶν μνημονεύονσαν. ὁ δὲ λόγος αὐτοῦ κατὰ πάντα ὅμοιος τοῖς ἐρωτικοῖς.

² Schoell, III, LXXVIII.

³ L. 19: ναρκίστου μὲν τὸ πρόσωπον ἔστιλβα χροιάν, ῥόδον δ' ἀνέτελλεν ἐκ τῆς παρειᾶς. Ἴον δ' ἢ τῶν ὀφθαλμῶν ἐμάρμαιρεν αὐγῇ, αἱ δὲ κόμαι βοστρυχούμεναι μᾶλλον εἰλίσσοντο κιττοῦ. Ср. Mus. 56—61. Μαρμαρνήην χαρίεντος ἀπαττράπτουσα προσάπον Οἶα τε λευκοπάρῃος ἐκάντελλονσα σελήνη Ἀκρὰ δὲ χιονέων Φοινίσσето κύκλα παρειῶν "Ως ῥόδον ἐκ καλύκων διδυμόχροον ἢ τάχα Φαίης Ἴηροῦς ἐν μελέσαι ῥόδων λειμῶνα Φανήηαι Χροίην γὰρ μελέων ἐρυθαίνετο.

наиболѣе вѣсскаго сопоставленія¹, дѣло болѣе походить на правду: и у романиста и у поэта красота женщины признается оружіемъ, наносящимъ тяжелую рану, а глазъ есть тотъ путь, по которому направляется ударъ; но, во I-хъ, и это сравненіе не особенно замысловато и могло явиться независимо; а во 2-хъ, изъ сличенія оказывается, что Музей передаетъ его пространнѣе и съ большими украшеніями, а Тацію не было никакой необходимости сокращать поэта; не естественнѣе ли предположить, если уже необходимо допустить литературную связь, что и поэтъ и романистъ пользовались однимъ неизвѣстнымъ намъ источникомъ? Наконецъ Музея неудобно принимать въ расчетъ при опредѣленіи времени жизни Тація и потому, что въ ихъ хронологіи оказывается логическій кругъ: время жизни Тація опредѣляютъ Музейемъ, а Музея — Таціемъ.

Terminus a quo составляетъ половина II столѣтія, такъ-какъ къ сохранившемуся отрывкѣ о сферахъ упоминается математикъ Гипсиклъ², жившій въ царствованіе Марка Аврелія ок. 160 г. по Р. Х. И такъ, вамъ предоставлены цѣлыхъ два столѣтія, да и то только въ томъ случаѣ, если Свида не соединилъ подъ одною рубрикой двухъ различныхъ писателей.

Романъ Тація также излагается Фотиенъ, который строго осуждаетъ его за нѣприличіе. Тому-же Фотию приписывается, конечно безъ основанія, эпиграмма на этотъ романъ³: «эта книга

¹ I, 4. Κάλλος γὰρ ὀξύτερον τιτράσκει βέλους καὶ διὰ τῶν ὀφθαλμῶν εἰς τὴν ψυχὴν καταρρεῖ. Ὁφθαλμὸς γὰρ ὁδὸς ἐρωτικῶ τραύματι. Mus. 92—98. Κάλλος γὰρ περίπυστον ἀμωμήταιο γυναικὸς Ὁξύτερον μερόπεσσι πέλει πτερόεντος ὀϊκτοῦ; Ὁφθαλμὸς δ' ὁδὸς ἐστὶν ἀπ' ὀφθαλμοῖο βολαίον "Ἐλκος ὀλισθαίνει καὶ ἐπὶ φρένης ἀνδρὸς ὀδεύει Εἴτ' ἔδ' ἐμιν τότε θάμβις ἀναιδεῖη τρόμος αἰδῶς "Ἐγρεμε μὲν κραδίς, αἰδῶη δ' ἐμιν εἶχε ἄλωναι.

² Manso, стр. 300.

³ См. Boden. XV; другіе съ большимъ основаніемъ приписываютъ ее Леонтію, тестю Θεοδοσία II; по Дунлопу, ея авторъ— императоръ Левъ Философъ.

разказываетъ о жестокой любви, но честной жизни Клитофона; еще болѣе достойная жизнь Левкиппы всѣхъ приводитъ въ удивленіе; подвергаемая ударамъ, лишенная волосъ, изувѣченная и, что еще важнѣй, трижды смертью угрожаемая, она оставалась твердою (*ἔκαρτερεῖ*). Если и ты, другъ, желаешь жить честно, разсмотри это изображеніе повнимательнѣй» Кронтъ того о романѣ Тація упоминаютъ съ похвалою Михаилъ Пселлъ и Іоаннъ Фока¹ (XII вѣка).

Не смотря на свое александрійское происхожденіе, засвидѣтельствованное не только недостовернымъ Свидой, но и рукописями, Ахиллъ Тацій сравниваетъ описываемыя имъ страны съ Греціей (VI, II); его герой, хотя и самъ не греческаго, а финикійскаго происхожденія, попавъ къ египетскимъ разбойникамъ, плачется на то, что они варвары и не понимаютъ по-гречески². Античная миеологія — для автора дѣло сомнительное: «если справедливъ мною о Европѣ . . .» говоритъ онъ (II, I5). Если вѣрить знатокамъ религіозныхъ древностей, знакомство Тація съ культурою весьма поверхностно: Терсандръ упрекаетъ жреца Артемиды въ интимныхъ сношеніяхъ съ Левкиппой, тогда какъ извѣстно, что жрецы Артемиды были евнухами³. Но христіанство не упоминается ни однимъ словомъ, и общество представляется въ полной вакханаліи послѣднихъ вѣковъ политеизма: вѣщіе сны, предзнаменованія, человѣческія жертвы, великолѣпныя празднества — встрѣчаются въ каждой книгѣ; религія Олимпа является смѣшанной съ египетскою (V, 2) и финикійскою (II, 2), чувственная любовь практикуется не только между лицами разныхъ половъ, но и между молодыми людьми, и авторъ въ любви послѣдняго рода не находитъ ничего постыднаго; онъ излагаетъ

¹ Fabr. VI, 812.

² III, 10. *Λυστήν γὰρ Ἑλληνα καὶ Φωνὴν κατέκλασε.*

³ *Bod.* 673. Ср. Dr. *Adrian*, Die Priesterinnen der Griechen, стр. 101.

взгляды добродѣтельнаго педераста и диспутъ о томъ, какой любви слѣдуетъ отдать предпочтеніе¹. Вся развязка занята судебнымъ разбирательствомъ относительно права убѣжища храмовъ², и жрецъ Артемиды, защищающій героевъ и свой храмъ, очень далекъ отъ того типа, который стремился выработать Юліавъ: это веселый, остроумный человѣкъ «не плохой ораторъ», отличный знатокъ Аристофана, не отступавшій передъ грязными выраженіями и картинами³.

Судебныя пренія, наполняющія послѣднюю книгу романа, вовсе не доказываютъ, что авторъ былъ юристомъ по специальности. Еще Эврипидъ сталъ тѣшить судолюбивыхъ афинянъ диспутами въ трагедіяхъ; Аристофанъ и преслѣдуетъ эту страсть и угождаетъ ей; въ новой комедіи любовная интрига не забила интригу судебную: напротивъ, часто на сценѣ происходитъ формальное судоговореніе⁴. Уже въ романѣ Геліодора Хариклея вызываетъ на третейскій судъ своего отца, и выбранный въ судьи Сизимитръ помогаетъ ей придать процессу формальную правильность; въ другихъ романахъ судебный процессъ—одно изъ любимыхъ общихъ мѣстъ. Иначе это и быть не могло: сочинять

¹ Та-же тема обработана, какъ извѣстно, въ *Amores* Лукіана. Въ *Zeitschr. f. deutsch. Alterthum* за 1874 г. 1 кн. стр. 124, напечатана латинская поэма не позднѣе начала XIII в., содержаниемъ которой служитъ споръ между Ганимедомъ и Еленой. Къ чести среднихъ вѣковъ женщина осталась побѣдительницей.

² Римскій сенатъ при Тиберіи рязснѣтривалъ эти права (*Villemain*, 1. с. 39); многіе малоазійскіе храмы до послѣдняго времени язычества сохраняли ихъ, и рабы могли находить тамъ убѣжище отъ господъ. *Ant. Thierry*, *Nouv. réc.* 135.

³ *καρῆλαθῶν δ' ὁ ἱερεὺς (ἦν δ' εἰπεῖν οὐα ἀδύνατος μάλιστα δὲ τῆν Ἀριστοφάνου ἐζηλωκῶς κομωδίαν) ἤρξατο αὐτὸς λέγειν πάνυ ἀπειλῶς καὶ κομωδικῶς, εἰς κορυφαίαν αὐτοῦ καθαρτόμενος.* VIII, 9.

⁴ Напр. въ Менандровыхъ комедіяхъ *Θησαυρὸς*, *Παραπαιδείκη* *Ἐπίκληρος*, см. *Venot*, 1. с. 75 и слѣд.

прозой учились въ классахъ риторовъ, а упражненія въ этихъ школахъ состояли главнымъ образомъ изъ судебныхъ рѣчей.

Сравнительно съ Геліодоромъ, Ахиллъ Тацій — человекъ съ свѣтлою головою, не поддавшійся модному въ то время увлеченію магіей, теургіей и тавматургіей: у него нѣтъ заклинателей, нѣтъ воскресенія мертвыхъ, нѣтъ злыхъ шутокъ демоновъ; самыя невѣроятныя эпизоды, въ родѣ двукратнаго оживанія Левкиппы, объясняются фокусами; одно въ дѣйствующихъ лицъ обращается, правда, къ ессалійской ворожеѣ, но безъ всякой пользы¹. Приворотное зелье, данное Левкиппѣ, только разстраиваетъ ея здоровье.

Съ другой стороны, Тацій сравнительно съ серьезнымъ, вдумчивымъ Геліодоромъ — легкомысленный комикъ, не умѣющій изображать возвышеннымъ натуре и благородныя стремленія и съ удовольствіемъ останавливающійся на гротескѣ въ родѣ комическаго диспута двухъ рабовъ.

Это пониженіе тона, стремленіе къ реализму въ изображеніи, къ несчастію, непривлекательной дѣйствительности всего замѣтнѣе въ различіи характеровъ гароевъ: мѣсто царской дочери занимаетъ чувственная горожанка Левкиппа, охотно допускающая въ свою спальню жениха другой; застигнутая матерью (которая такъ плохо довѣряетъ скромности своей дочери, что по ночамъ сторожитъ ее, какъ пѣвницу), она оправдывается наглѣйшею ложью и высказываетъ готовность подвергнуться освидѣтельствованію; авторъ какъ бы умышленно ставитъ ее въ самыя грязныя положенія; нѣкоторое достоинство и нравственную силу она проявляетъ только въ платьѣ рабы, оберегая свое дѣвство. Также мало достоинства и въ характерѣ героя: онъ не защищается, когда его бьютъ, опасаясь возбудить гнѣвъ противника; если же надѣется найти себѣ заступниковъ, то пока-

¹ О ессалійскихъ ворожеяхъ см. у Апулея; *Θεττάλη* — главное дѣйствующее лице въ одной комедіи Менандра.

зываетъ всѣмъ свое окровавленное лицо; онъ даже не вѣренъ своей невѣстѣ и тщательно скрываетъ отъ всѣхъ свои отноше- ния къ эфесской вдовѣ. А герой и героиня—наиболѣе идеаль- ные лица въ цѣломъ романѣ...

При этомъ существенной различіи въ тонѣ романы Гелію- дора и Тація представляютъ давно уже замѣченное разитель- ное сходство въ планѣ: въ обоихъ романахъ герой и героиня мгновенно влюбляются другъ въ друга¹; не надѣясь получить со- гласіе родственниковъ, бѣгутъ вспомоществуемые третьимъ ли- цемъ, попадають въ руки разбойниковъ; судьба разлучаетъ ихъ; герой нѣсколько разъ онлакиваетъ героиню, считая ее мертвою; оба они страдаютъ отъ непрониженной любви, возбуждаемой ихъ необыкновенною красотой; Ахеменесу соотвѣтствуетъ Состенъ; Арсаке — эфеекая вдова; подобно Ороондату, Терсандръ рев- нуетъ героя къ женѣ и иреелѣдуетъ своею любовью героиню; послѣ всѣхъ приключеній, герой и героиня соединяются въ хра- мѣ; героиня находитъ своихъ родителей, которые соглашаются на ея сватъбу съ героемъ. Обыкновенно это сходство объясня- ютъ заимствованіемъ; совпаденіе, дѣйствительно, разительно; но надо имѣть въ виду, что многіе его пункты объясняются един- ствомъ времени и истическихъ условій: такъ, при замкнутости женщины возможна только любовь съ перваго взгляда; при ео- гласіи родственниковъ не было бы и романа; безъ бѣгства не было бы приключеній; спутникъ необходимъ, какъ наперсникъ въ трагедіи; разбойники лучший мотивъ для приключеній; со- перники и соперницы — необходимое условіе всякаго романиче- скаго сюжета; мужъ, влюбившійся въ героиню, и жена, влюбив- шаяся въ героя, удобно соединяють въ одномъ семействѣ двѣ интриги; при развязкѣ всегда требуется болѣе торжественная обстановка, и храмъ — для нея наиболѣе удобное мѣсто.

¹ 'Ως δ' εἶδον, εὐθὺς ἀπαλώλει (I, 4), рассказываетъ про себя Клитофонъ.

Допустивъ, что Геліодоръ влізъ на Тація, мы должны или рѣшительно поковчить съ епископствомъ Геліодора кля съ сферами Тація; по внутреннимъ ссованіямъ удобнѣе обратное заимствованіе, такъ-какъ общая рамка удобнѣй прилажена у Тація: бѣгство у Геліодора мотивировано очель плохо; идеальный царь имѣетъ видъ позднѣйшей вставки. Можно бы подумать, что Геліодоръ, прочтя романъ Тація, увлекся этою рамкой, но остался недоволенъ выполненіемъ и пжелалъ облагородить сюжетъ; но Геліодоръ вовсе не показываетъ такого бесслии фантазію, чтобы сознательно брать на прокатъ столь обиденную общую рамку. Удобнѣе предположить, что она выработалась еще около времени Ямблиха, а въ III—IV в. породила два разныя направленія.

Тацій отнесся къ своему труду небрежнѣе, нежели Геліодоръ: онъ вводитъ (I, i6) напр. Сатира (Мольеровскій *valet fripon*, заимствованный изъ Менандра), не объясняя кто онъ¹; того-же Сатира онъ забываетъ во время битвы пиратовъ съ египетскими войсками; Клинія читатель теряетъ изъ виду отъ самаго пріѣзда въ Эфесъ до того времени, какъ Клитфона посадили въ тюрьму. Къ концу авторъ спѣшитъ и старается возможно большее число происшествій сжать въ меньшее число страниць. Клиній, такъ убивавшійся о смерти своего возлюбленнаго, потомъ ни разу не вспоминаетъ; да и весь этотъ эпизодъ плохо связанъ съ главною фавулой.

И Тацій, подобно Геліодору, время дѣйствія романа относитъ къ эпохѣ, предшествовавшей римскому владычеству; но и онъ выдаетъ свое время на каждомъ шагу; выдаетъ и свое риторское образованіе въ миниатюрности описаній, въ учености, которая вводится даже въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ (напр. II, i4). Разсужденія, вложенныя въ ихъ уста, хорошо отдѣ-

¹ Такъ-что французскій переводчавъ 1733 г. предположилъ здѣсь пропускъ, съ чѣмъ однако не соглашаются позднѣйшіе издатели.

ланы: здѣсь риторъ — въ своей сферѣ; рѣчи страстныя неестественно умны и спокойны; даже собираясь лишить себя жизни (напр. III, 16), герой не забываетъ школьныхъ уроковъ¹.

Два эпизода романа заслуживаютъ вниманія. Въ IV кн. 13 гл. пастухи — разбойники, сражаясь съ египетскими войсками, употребляютъ военную хитрость, напоминающую Вирнамскій лѣсъ шекспировскаго Макбета: старики вышли на-встрѣчу войскамъ съ большими вѣтвями, какъ-бы въ знакъ мирныхъ намѣреній; а подъ прикрытіемъ этихъ вѣтвей двигались воины, вооруженные для битвы². Невозможно, разумѣется, искать генетической связи между этимъ эпизодомъ Тація и Макбетомъ; но любопытно опредѣлить мѣсто, занимаемое эпизодомъ греческаго романа въ ряду многочисленныхъ сказаній о двигающихся лѣсахъ. Змирокъ³ совершенно вѣрно различаетъ два случая: когда въ основѣ подобнаго сказанія скрытъ мифъ, какъ въ Макбетѣ и королѣ Грюневальдѣ, и когда срубленные вѣтви служатъ просто военной хитростью; но въ основѣ этой военной хитрости, по его словамъ, всегда лежитъ *der ursprünglich gottesdienstliche Gebrauch*, конечно, майскаго праздника, о которомъ онъ говоритъ выше. Тацій подъ это опредѣленіе не подходитъ: поводъ къ хитрости даетъ не богослужебный обычай, но юридическій символъ: пальмовая вѣтвь, какъ знакъ подчиненія и поленія о милости; въ основѣ символа можетъ лежать богослужебный обычай, только никакъ не радостнаго весенняго праздника.

Второй пунктъ, заслуживающій вниманія — испытаніе невинности; оно встрѣчалось уже у Геліодора (X, 8) въ такомъ видѣ: передъ тѣмъ, какъ приносить въ жертву нѣбвивиковъ въ

¹ О стилѣ и описаніяхъ Тація см. статью Пассова въ *Encycl. v. Ersch u. Gruber* и *D—L.* 17—18 и примѣч.

² Ἐμελλον δ'οὐ μὲν γέροντες, ἀνίσχοντες τὰς ἰκετηρίας, πετάλων κόμας καλύψειν τοὺς ὀπισθεν.

³ Die Quellen des Shakspeare. 2-te Aufl. II Th. 1870, стр. 256—9.

Меров, храмовые служители выносят жаровню, покрытую золотой рѣшеткой; испытуемые становятся на нее ногами; чистые тѣломъ и невинные при отомъ не чувствуютъ боли въ подошвахъ. У Тація разсказывается о двухъ испытаніяхъ: дѣвство Левкиппы испытываютъ въ пещерѣ Артемиды, гдѣ виситъ сирингъ Пана (VIII, 6); справедливость клятвы Мелитты — что въ отсутствіе мужа она сохранила ему вѣрность въ стигійскомъ источникѣ; она сходитъ въ него, имѣя на шеѣ дощечку съ написанною на ней клятвой; вода не волнуется и надпись остается нестертою.

Романисты могли фантазировать на-счетъ формы подобныхъ ордалій¹, но не могли выдумать фактъ существованіи ихъ. Известна клятва у Софокла: «я готовъ сгорѣть: или взять въ руку раскаленный металлъ»... Шюманъ² говоритъ, что въ Сициліи у Палике были два сѣрныхъ источника, посвященные мѣстнымъ божествамъ: клянущійся входилъ въ источникъ и произносилъ клятву. «По одному свидѣтельству, клятву писали на табличкѣ и кидали въ воду; если приносящій клятву говорилъ правду, дощечка плавала на водѣ; въ противномъ случаѣ она тонула, и клятвopреступникъ сгоралъ на огнѣ». Шюманъ полагаетъ, что это туземное сицилійское вѣрованіе, впоследствии аленизированное. О Таціи онъ выражается такъ: «Was bei Ach. Tat. VIII, 12 von dem mit einer Art von Wasserprobe verbundenen Keuschhoitseide der Jungfrauen zu Ephesus erzählt wird, kommt mir sehr apokryphisch vor, weswegen ich es hier nicht näher besprochen habe». Онъ, очевидно, смѣшалъ испытаніе Левкиппы, гдѣ вода не играетъ никакой роли, съ испытаніемъ Мелитты; слово: *apokryphisch* не разъясняетъ, въ

¹ Тацій явно выдумываетъ стигійскій источникъ около Эфоса.

² Griechisch. Alterth. II, 242—3.

кавонъ отношеніи стоялъ выннселъ Тація къ дѣйствительности¹.

Испытаніе аеіонскихъ плѣнниковъ и Левкины подходитъ подъ описаніе испытаніе цѣдомудрія въ другихъ романахъ; извѣстно общее народное убѣжденіе, что дѣвственность узнается многими чудесными средствами безъ медицинскаго свидѣтельства: еще Эліазъ (X, 18) рассказываетъ, что въ давнискій роцѣ былъ драконъ, принимаемій кисель только отъ дѣвы; извѣстно общераспространенное преданіе о единорогѣ, который покорялся однимъ дѣвственницамъ, и пр.².

Мелитта обманула божественное правосудіе; до пріѣзда мужа ей, дѣйствительно, не удалось жить съ Клитофономъ; во она сошла съ нимъ въ день возвращенія Терсаядра; такимъ образомъ атотъ эпизодъ подходитъ подъ одинъ разрядъ съ преданіями о горѣ Судомѣ, съ испытаніемъ Изольды и пр.

По справедливому замѣчанію Дунлопа, Таціи стремится выказать въ своемъ романѣ всѣ свои равностороннія свѣдѣнія, между прочимъ не оставляетъ въ сторонѣ и зоологію. Конечно, онъ стоитъ не на почвѣ изслѣдованія и любитъ чудесное, но относительно существующихъ на свѣтѣ животныхъ не высказываетъ грубаго невѣжества; такъ, онъ придаетъ гиппопотаму короткій хвостъ³. Аристотель и Плиніи характеризуютъ его точ-

¹ Филостратъ говоритъ, что въ роцѣ Артемиды, которая находилась близъ ея эфесскаго храма, допускались только дѣвы. Dr. *Adrian*, l. c. 104.

² Характерно для вѣка, что французскій переводчикъ Тація 1733 г. пытается объяснить тайну Артемидовой пещеры такимъ образомъ: жрецъ забирался въ пещеру заранѣе, курилъ тамъ одуряющими веществами, вслѣдствіе чего испытываемая падала въ обморокъ, во время котораго и подвергалась изслѣдованію.

³ Cp. *Li livres dou tresor Brunetto Latini* I, V, 137: *Urotame est uns peissons qui est apelez cheval flaviel. parceque il naist el flan de Nile; et ses dos et ses crins et sa voiz est aussi comme de cheval* и т. д.

нѣе, называя его *свиньимъ*), тогда какъ Геродотъ и Діодоръ Сицилійскій говорятъ, что у него хвостъ лошадиный. Но о слонѣ онъ рассказываетъ много вздору, впрочемъ отчасти согласна съ Плиніемъ¹. Въ I кн. 18 гл. онъ рассказываетъ, какъ випера сходится съ муреною: она приходитъ къ берегу и свистомъ вызываетъ мурену, та выходитъ изъ воды и ждетъ, пока змѣя выброситъ свой ядъ².

Любопытнѣй другихъ его сказанію о фениксѣ, игравшемъ такую видную роль въ средневѣковыхъ фізіологахъ. Его фениксъ (III, 25) величиной съ павлина; на него же походитъ онъ и цвѣтомъ; перья его раскрашены золотомъ и серебромъ; на головѣ у него вѣнчикъ, представляющій солнце, почему онъ и считается птицею Солнца; живетъ онъ въ Эіопіи; когда онъ умираетъ, послѣ очень продолжительней жизни, сынъ устраиваетъ ему гробъ изъ благовонной мирры; помѣстивъ его трупъ туда, онъ несетъ его къ Нилу въ сопровожденіи огромнаго количества птицъ, которыя провожаютъ его, будто своего царя, и долетаетъ до Геліополиса; ему на-встрѣчу выходятъ жрецы; одинъ изъ нихъ по книгѣ провѣряетъ примѣты умершаго феникса; потомъ дѣти жрецовъ предають его погребенію. Во 1-хъ, любопытно то обстоятельство, что въ описаніи наружности феникса Тацій расходится съ другими классическими писателями; такъ, ростъ его обыкновенно опредѣляютъ сравненіемъ съ орломъ³; перья на головѣ его расположены въ видѣ конуса (только на родесской монетѣ онъ изображенъ съ нимбомъ); его называютъ птицею индійскою, специальнѣй гангскою, аравійскою, ассирійскою; только Тацій заставляетъ его жить въ Эіопіи.

¹ Pl. VIII, 10: ... decem annis gestare in utero vulgus existimat. По Арист., мать носить его 2 года.

² Ср. *Ael.* I, 5 и IX, 66. То-же у *Латини.* I, V, 131.

³ См. *Adolphus Martini, Lactantii carmen de Phoenice.* Luneburgi. 1825. Предисловіе 38 и слѣд.

Далѣ: Овидій, Тацитъ, Помпоній Мела, Плиніи; Лукіанъ я пр. обращаютъ главное вниманіе на способъ его рожденія; согласно съ ними, онъ рождается безъ матери или въ разлагающагося или сожженнаго трупа стараго феникса или въ видѣ червя (по Лактанцію — бѣлаго цвѣта), или зародыша, или маленькаго феникса; Тацій же обращаетъ главное вниманіе на способъ его похоронъ, и хотя ничего не говоритъ о томъ, какъ онъ рождается на свѣтъ, но можно догадаться, что онъ существенно расходится съ другими писателями: такъ-какъ жрецъ осматриваетъ трупъ стараго феникса, то трупъ его долженъ остаться невредимымъ, и невозможна на кучѣ благовоній, ни самовозгараніе. Впрочемъ и другіе говорятъ о погребеніи стараго феникса молодымъ; по Помпонію, онъ относитъ кости отца въ Египеть; по Плинію, прежде всего хоронитъ *остатки* стараго; по Тациту и Овидію, уноситъ его остатки виѣствъ съ гвоздомъ, сдѣланнымъ¹ изъ мирры; и яр.

Позволяю себѣ высказать предположеніе, котораго не могу подтвердить фактами: въ первоначальномъ символическомъ мифѣ — о погребеніи феникса нѣтъ ни слова; погребеніе египтянами набальзамированныхъ труповъ животныхъ произвело на свѣтъ *литературное* преданіе, которое плохо визалось съ мифологіей. Тацій, одинъ изъ позднѣйшихъ литераторовъ, съ удовольствіемъ описывающій еврейскія чудеса, но мало склонный къ вѣрѣ въ

¹ *Brunetto Latini* (I, V, 164): Fénix est uns oisiaus en Artabie dont il n'a plus que un sol en trestout le monde; великою онъ съ орла, живетъ 560 лѣтъ (по другимъ — тысячу); предчувствуя конецъ, слагаетъ кучу (moncel) изъ благовонныхъ травъ; оттуда выползаетъ червячекъ (une vermine) и въростаетъ въ 3 дня, et li auquant dient, que ce est fait par le provoire d'une cité, qui a nom *Eliopolix*, où li feux renaist. Ср. послѣдній отзвукъ литературнаго преданія: «Антеноровы путешествія», русск. пер. I, 276.

невозможное, избѣгъ киноа и сдѣлалъ изъ символическаго феникса удивительно благочестивую и умную птицу.

Ксенофонтъ. Свидя говоритъ о трехъ романистахъ этого имени: только романъ Ксенофонта Эфесскаго дошелъ до насъ; но и тутъ противорѣчіе: единственная рукопись (изъ монте-кассинскаго монастыря, cod. Florentinus), а слѣдовательно и всѣ изданія заключаютъ въ себѣ только 5 книгъ, въ которыхъ романъ заканчивается вполне, а Свидя говоритъ, что романъ этотъ состоитъ изъ 10 книгъ. Какъ примирить это противорѣчіе? Шардонъ-ла-Рошеттъ³ и др. предлагаютъ измѣнить чтеніе у Свиды и / замѣнить é; но измѣненія противъ авторитета всѣхъ рукописей — очень рискованное дѣло. Перлгампъ² предлагаетъ иную мѣру: Свидя говоритъ, что Ксенофонтъ написалъ 10 книгъ о любви Аброкома и Антии и о городѣ Эфесѣ; а такъ-какъ въ находящемся передъ нами романѣ о городѣ Эфесѣ ничего не говорится, то надо полагать, что онъ написалъ другія 5 книгъ Ephesiaca, гдѣ дѣло идетъ о городѣ. Если средство, предлагаемое Шардономъ, слишкомъ грубо, предположеніе нѣмецкаго издателя внушаетъ подозрѣніе своимъ остроуміемъ. Какой авторъ писалъ два сочиненія подъ однимъ заглавіемъ? Каково могло быть содержаніе пяти книгъ, написанныхъ объ одномъ городѣ Эфесѣ? Какой критикъ или библиографъ, будь онъ хоть сама бездарность, считалъ вмѣстѣ книги двухъ различныхъ — и, надо полагать, разнородныхъ сочиненій одного автора?

Не меньше сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о времени жизни Ксенофонта, или лучше сказать о его хронологическомъ отно-

¹ D.—L. прим. 64, стр. 461. Къ сожалѣнію, *Mélanges de critique et de philologie* par Chardon la Rochette остались мнѣ недоступными; ихъ не имѣетъ даже с.-петербургская публичная бібліотека.

² Также оставшіяся мнѣ недоступнымъ.

неніи къ Геліодору. Лоцелла (1796 г.) относитъ его ко времени Антониневъ; но и болѣе осторожныя изслѣдователи сильно расходятся: болшую частью относятъ его къ IV, даже V вѣку и считаютъ его подражателемъ Геліодора и Ахилла Тація; а Пеэрлкампъ считаетъ его древнѣйшимъ изъ греческихъ романистовъ и доказываетъ, что всѣ другіе подражали ему. И то и другое мнѣніе имѣетъ свои внутреннія основанія: съ одной стороны, романъ носитъ на себѣ слѣды еще гордо царствующаго въ мірѣ политеизма; по плану онъ напоминаетъ Ямблиха; съ другой — ежатость и какая-то вялость разсказа, нелѣпости заставляютъ относить его ко времени паденія этого рода поэзіи.

Наконецъ, третье противорѣчівъ — относительно стиля. Анджело Полиціано, человекъ какъ извѣстно далеко не лишенный вкуса, называетъ его не менѣе сладостнымъ, чѣмъ Ксенофонтъ Аонскій¹: Коразъ и Пассовъ лишенную украшеній простоту его етиля и мыслей приписываютъ умственному безсилію автора.

Эти противорѣчія, или по-вѣрнѣй-мѣрѣ первыя два, можно примирить, я полагаю, такимъ предположеніемъ: эфесскій романъ одинъ изъ древнѣйшихъ романовъ, но мы имѣемъ его не въ томъ видѣ; въ какомъ онъ былъ написанъ, а въ видѣ сокращенномъ. Я не рѣшился бы высказать такого предположенія, еслибъ меня привело къ нему только одно желаніе примирить противорѣчія; я читалъ романъ, совершенно забывъ о примѣчаніи Либрехта къ соотвѣтствующему мѣсту Дунлопа, и тогда же пришелъ къ этому убѣжденію; да и трудно не придти къ нему.

Во 1-хъ, съ чисто внѣшней стороны поражаетъ безпримѣрное для греческаго романиста неравенство книгъ; напр. 4-я книга занимаетъ всего 3½ страницы, а 5-я — 11 страницъ. Отъ оригинала легче ожидать обратнаго отношенія: авторъ устааетъ къ концу и сокращаетъ послѣднія книги.

¹ D.—L. 26.

Планъ романа задуманъ недурно: милыя дѣти, до сихъ поръ окруженныя роскошью и всеобщей любовью, волею судьбы оторваны отъ родины и родныхъ, попадаютъ въ рабство, терпятъ физическія и нравственныя страданія; избалованная Антія продается съ публичнаго торгу; изнѣженный Аброкомъ долженъ сдѣлаться каменотесцемъ, чтобы добывать себѣ хлѣбъ; за-тѣмъ конецъ бѣдамъ, та-же роскошь и счастье, но уже вполне сознаваемое, болѣе заслуженное и болѣе сладкое; хороши и отдѣльные эпизоды; не напрасно Либрехтъ хвалитъ рассказъ рыбака.

Рядомъ съ этими достоинствами — непонятная небрежность въ отдѣлкѣ: весь знаменитый эпизодъ о рыбацѣ занимаетъ полстраницы, и прелесть его только сквозитъ подъ рукой меумѣлаго аббревиатора; въ III, 12, на 1/2-страницѣ собрана масса происшествій, которыхъ хватило бы на цѣлую книгу, и въ числѣ ихъ: безобразная Кино, жена владѣльца Аброкома, предлагаетъ герою убить ея мужа, который показывалъ большую любовь Аброкому и усыновилъ его; Аброкомъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, приходитъ въ ужасъ, наконецъ, но настоявiю Кино, соглашается¹. Теперь придти въ ужасъ долженъ читатель; но когда убійство совершено, герой объявляетъ себя невиннымъ, и боги двукратнымъ спасеніемъ подтверждаютъ его увѣренія. Въ 5 вв. VIII г. Антія видитъ во снѣ, будто какая-то красивая женщина похитила у нея Аброкома; что значитъ этотъ сонъ, Ксенофонтъ не объясняетъ ни здѣсь, ни послѣ. Вслѣдствіе этого сна Антія раздумываетъ не о томъ, жить ли ей на свѣтѣ или умереть, а о томъ, какому роду смерти отдать предпочтеніе, а въ слѣдующей же главѣ она спокойно (на-сколько возможно въ ея положеніи) стоитъ на невольничьемъ рынкѣ передъ Гинпотомъ. Дѣйствія героевъ иногда положительно безумны: почему, напр., Аброкомъ отправился въ Италію, авторъ не разъясняетъ ни однимъ сло-

¹ Τέλος δέ εὐκλειμένης τῆς Κυνοῦς, συγκατατίθεται.

вошь. Когда герои разлучены, авторъ чрезвычайно быстро переноситъ насъ отъ одного къ другому, чтобы черезъ полетранницы возвратиться назадъ. Иногда новое дѣйствующее лицо появляется только на-мгнуту; ему авторъ даетъ имя, хотя греческіе романисты вовсе не щедры въ этомъ отношеніи. Сквозь незлѣпость передѣлки иногда еквозитъ оригиналъ: Антія (IV, 3) назвала себя египтянкой, именемъ *Мемфитис*¹; что за имя *МемФітіс* для египтянки? то-же, что парижанка для французенки. Ясно, что въ подлинникѣ Антія назвала себя египтянкой изъ Меафиса, а невѣжественный аббревіаторъ принлъ мѣторожденіе за собственное имя. И такъ, есть вѣсскія основанія, чтобы считать романъ Кеанофонта (имя, можетъ быть, подложное) сокращеніемъ, бездарнымъ, неаккуратнымъ, иричемъ однако рѣчи героевъ пострадали очень мало².

Аббревіаторъ такъ неискусенъ, что его нельзя заподозрить въ какихъ бы то ни было прибавленіяхъ, и все, что намъ осталось отъ романа, мы въ-правѣ приписать автору и его времени. Въ разбираемомъ романѣ есть признака времени, но они малъ неубѣдительны или не могутъ указать съ точностью столѣтія. Такъ, Византія является еще малеаькимъ городомъ, но таковымъ могъ ее представить и писатель половины IV вѣка³. Нравственный уровень общества, судя по этому роману, очень инвокъ; любовь

¹ *Тойвопа МемФітіс*.

² Если-бы опытный элленистъ взялся наследовать стиль рѣчей и разсказа и нацель между тѣмъ и другимъ разницу, мое предположеніе обратилось бы въ фактъ.

³ *Manso*, 301. Indess tritt hier und bei alien Romanen, deren Zeitalter durch historische Gründe ausgemittelt werden soll, die Frage ein, ob der Dichter seine Geschichte nicht absichtlich in ein früheres verlegte. Небольшую доказательную силу, чѣмъ Византія, можетъ имѣть и распятіе на крестѣ, казнь, какъ извѣстно, запрещенная Константаномъ.

къ мальчишкамъ не признается дѣломъ безчестнымъ, и любовникъ такого рода — Гиппотой, впоследствии солидно занявшійся разбоями, а потомъ продавшій свою любовь старухѣ — лучшей другъ героя, награжденный въ концѣ романа богатствомъ и счастьемъ.

Героиня, прилично воспитанная дѣвушка, отнюдь не отличается сѣромностію: она кокетничаетъ съ Аброкономъ самымъ грубымъ образомъ, открывая, на-сколько возможно, свое тѣло ¹.

О римскомъ владычествѣ и о христіанахъ, по обыкновенію, не упоминается ни однимъ словомъ; религіозные взгляды именно таковы, какъ имъ быть надлежитъ въ малодумающей массѣ отъ исхода II вѣка до упраздненія политеизма: религіи Олимпа и Египта являются смѣшанными. Изида спасаетъ Антию въ Египтѣ; ея храмъ стоитъ въ Родосѣ (V, 13); главное божество, которому служатъ и въ Египтѣ, и въ Греціи — солнце; къ нему обращаются постоянно съ молитвой герои. Вѣра въ демонскія силы въ полномъ ходу: Антиа рассказываетъ (V, 7), что, будучи дѣвочкой, она пришла къ могилѣ недавно умершаго челоуѣка; вдругъ кто-то выскочилъ изъ могилы и погнался за нею: когда разсвѣло, преслѣдующій сталъ отставать отъ героини, но успѣлъ ее ударить въ грудь; оттого на всю жизнь получила она падучую болѣзнь.

Сравнительная талантливость автора не помѣшала ему надѣлать бездну промаховъ и впасть въ преувеличенія, которыхъ нельзя приписать аббревиатору: зачѣмъ онъ заставилъ Аброкома любить военныя упражненія, если онъ, не пытаясь защищаться, падаетъ къ ногамъ начальника пиратовъ? Отчего Аброкомъ не оправдывался передъ Абсиртомъ, если онъ въ письмѣ Манто имѣлъ документальное доказательство своей невинности? (II, 10). Преувеличенія касаются главнымъ образомъ красоты героевъ: финикійцы (II, 2) и родоецы (I, 13) принимаютъ ихъ за боговъ.

¹ I, 3: *μέρη τοῦ σώματος ἐγύμνωσεν ἅν τα δούκται.*

О характерахъ, разужьется, не чего и спрашивать: въ греческихъ романахъ, при выработанныхъ маскахъ, они обрисовываются мелкими чертами, которыя должны были исчезнуть при сокращеніи.

Также должны были исчезнуть и цитаты, указывающія на литературныя вліянія. Λεπο, являющійся въ V книгѣ, — несомнѣнно, одна изъ масокъ новой комедіи; эпизодъ о рыбацкѣ могъ возникнуть только подъ вліяніемъ идилліи; онъ сближаетъ героическо-любовный романъ съ буколическою поэзіей и подготавливаетъ такимъ образомъ *pastoralia* Лонга.

Харитонъ Афродизійскій въ началѣ романа называетъ себя секретаремъ ритора Атенагора¹. Удивительное сочетанію Харить и Афродиты въ его имени, сиракузянинъ Атенагоръ, врагъ Гермократа, заставляютъ подозрѣвать, что все сказанное авторомъ о себѣ, — чистѣйшая ложь; впрочемъ извѣстенъ городъ Афродизіасъ, существовавшій въ Каріи; предположенію же о томъ, что авторъ, назвавшись секретаремъ Атенагора, желалъ выдать себя за современника событіямъ, невѣроятно: имя Атенагора очень распространено, а прозвище ритора ясно указываетъ, что Харитонъ не желалъ напоминать своимъ читателямъ политическаго дѣятеля Сиракузъ. Цѣлесообразнѣе было бы ему назваться секретаремъ Гермократа, Аристана или другаго кого изъ дѣйствующихъ въ романѣ лицъ. Повѣривъ свидѣтельству Харитона о себѣ, мы приобретаемъ драгоценное указанію для опредѣленія общественнаго положенія романистовъ; дѣйствительно, всего скорѣе могли писать романы секретари риторовъ: они — люди неизвѣстные, безъ философскаго образованія; по развитію близки къ малограмотной публикѣ, а въ то-же время достаточно на-практикованы въ прозѣ.

¹ *Χαρίτων Ἀφροδισιεύς Ἀθηναγόρου τῆς ῥήτορας ὑπογραφεύς. Hirsch.*
415.

Романъ Харитона — первый по времени историческій романъ: авторъ не только переноситъ читателя во времена даваопроед-
щія, но и вводитъ въ разсказъ историческія лица. Наиболье
извѣстный изъ нихъ — Гермократь сиракузскій; въ романѣ часто
вспоминается его побѣда надъ афинянами¹. Онъ, дѣйствительно,
оказалъ въ этой войнѣ такія услуги сиракузянамъ и всей Си-
циліи, что имѣетъ право въ этотъ зптитеть; но кроивъ атого
факта Харитонъ не знаетъ объ немъ ничего или, по-крайней-
мѣрѣ, не разсчитываетъ на знающихъ дѣло читателей: онъ я
не намекаетъ на изгнаніе, которому подвергся впоследствии Гер-
мократь, и не сообщаетъ никакихъ подробностей о его положе-
ніи въ городѣ, кромѣ развѣ того, что у него были враги и со-
перники; такимъ соперникомъ его онъ считаетъ Аристонъ. Ари-
стонъ — лице историческое; Фукидидъ (VII, 39) говоритъ объ
Аристонѣ Коринскомъ, сынѣ Пирриха, лучшемъ лоцманѣ си-
ракузскомъ, который далъ своимъ сограждавамъ очень полез-
ный совѣтъ. Второй мужъ Каллиррой Діонисій, можетъ быть,
есть смутное воспоминаніе о Діонисіи Старшемъ, который, го-
ворять, былъ женатъ на неизвѣстной намъ по имени дочери Гер-
мократа; впрочемъ предположеніе это имѣетъ многое противъ
себя: зная Гермократа и Аристонъ, Харитонъ не могъ не знать
Діонисія Старшаго, не могъ смѣшать его съ какииъ-то іоній-
скимъ сатрапомъ. Имя героя не принадлежитъ исторіи; у Фу-
кидида (VIII, 74), правда, дѣйствуетъ въ качествѣ началь-
ника самосскаго отряда Херея, сынъ Архестрата, но съ на-
шимъ Хереемъ и его геройскими подвигами онъ ничего общаго
не имѣетъ; подвиги нашего Херея принадлежатъ фантази ро-
маниста. Персидская красавица Родогюна по - видимому, лич-
ность извѣстная въ то время, такъ-какъ персидская царица
этого имени упоминается въ сочиненіи Флегона Лидійскаго,
отпущенника Адриана, «О женщинахъ, прославившихся муже-

¹ См. о немъ Фук. IV, 59; VI, 33; VI, 72; VII, 21, 43, 73 и пр.

етвомъ на войнѣ»¹. Несомнѣнно историческое дѣло персидскій царь Артаксерксъ, но на немъ - то и виднѣе всего, какъ легкомысленно относился авторъ къ исторіи. Прежде всего является вопросъ: какого Артаксеркса разумѣть авторъ? Въ древней исторіи извѣстны три Артаксерса: Артаксерксъ I Длищорукий царствовалъ отъ 465 до 425 года; при немъ было возстаніе въ Египтѣ, укрощенное сатрапомъ Мегабезомъ; Артаксерксъ II, вступившій на престолъ послѣ Дарія II (425—405), царствовалъ отъ 405—361 года; онъ извѣстенъ по борьбѣ съ братомъ Киромъ и съ спартанцами; Артаксерксъ III Охъ, сынъ его, царствовалъ отъ 361—338 года, смирялъ египетское возстаніе и былъ отравленъ Багоаомъ. Между-тѣмъ событія, описанныя въ романѣ, должны были происходить между 413 годомъ, когда афиняне были разбиты сциллийцами, и 408, когда Гермократь погибъ въ уличной схваткѣ, а въ это-то именно время на престолѣ персидскомъ не было никакого Артаксеркса. Допустимъ, что Харитонъ, по праву ноата, подкрашивающаго дѣйствительность, игнорируетъ смерть Гермократа; тогда его Артаксерксъ можетъ быть II - мь; но при немъ не было возстанія въ Египтѣ.

Другой крупный анахронизмъ: Діонисій, въ качествѣ іонійца, считается подданнымъ персидскаго царя (VI, 9), тогда какъ извѣстно, что отъ конца персидскихъ войнъ и до анталкидова мира іонійцы пользовались автономіей.

О воспроизведеніи духа изображаемой эпохи, конечно, не можетъ быть и рѣчи: бурныя Сиракузы, съ борьбой аристократовъ и демократовъ, обратились въ мирный городокъ, гдѣ народъ такъ любитъ своихъ благодѣтелей, богатыхъ тражданъ, и выказываетъ нѣжную заботливость о ихъ семейныхъ дѣлахъ; персидская царица воздастъ особенное почтеніе Афродитѣ (V, 9).

¹ Schoell, V, LV.

Вообще если авторъ касается вѣрованій, онъ изображаетъ время, близкое къ окончательной побѣдѣ христіанства, а не эпоху пелопоннесской войны; мѣсто разнообразныхъ божествъ замѣняетъ провидѣніе (*προνοία*); такъ, въ III, 3, это провидѣніе подвергаетъ разбойниковъ бурѣ, чтобы показать имъ, что ихъ прежнее плаваніе было благополучно только ради Каллиррой¹; то-же провидѣніе отдастъ Терона въ руки Херею². Есть мѣста, дышущія положительнымъ монотеизмомъ: «человѣкъ даже въ крайне-бѣдственномъ положеніи надѣется: мудрость бога устроителя³ вложила эту надежду во всѣхъ, чтобы не убѣгали отъ скорбной жизни». Авторъ вѣритъ въ нравственный законъ, которому покоряются даже преступники: Теронъ могъ бы выдержать пытку, но мученія совѣсти побудили его сознаться (III, 4). Тѣмъ не менѣе Харитонъ болѣе историкъ, нежели кто-либо другой изъ греческихъ романистовъ; географически-описательный романъ съ интригой новой комедіи принимаетъ въ его рукахъ новое направленіе; подъ какимъ вліяніемъ? Прежде всего авторомъ руководило стремленіе къ оригинальности; на основанія стиля всѣ убѣждены, что онъ моложе Геліодора и Ахилла; содержанію можетъ только подкрѣпить это убѣжденіе. Затѣмъ онъ былъ близко знакомъ если не съ содержаніемъ классическихъ историковъ, то по-крайней-мѣрѣ съ ихъ манерой писать. Въ началѣ V книги онъ напоминаетъ вкратцѣ все рассказанное выше и затѣмъ говоритъ: «перехожу къ изложенію остальнаго»⁴; это, очевидно, несовсѣмъ умѣстная попытка подражать историкамъ: такъ суммируетъ предыдущее Ксенофонтъ⁵, Діодоръ Сицилійскій и др.

¹ ἐπιδεικνυμένης τῆς προνοίας, ὅτι τότε διὰ Καλλιρρόην ἠπλόου.

² Ibid. τὸ δ' ἄρα τῆς προνοίας ἔργον.

³ Ibid. τοῦ δημιουργήσαντος Θεοῦ τὸ σοφισμα.

⁴ То-же см. въ началѣ VIII книги.

⁵ Подражателемъ Ксенофонта, называетъ Харитона еще Larcher: Collection des romans grecs. См. предшловіе къ переводу Харитона.

Плохое знаніе или умышленное извращеніе историческихъ фактовъ отнюдь не мѣшаетъ Харитону стремиться къ характеристикѣ тѣхъ народовъ, куда онъ заводитъ читателя: евнухъ доказывавтъ Каллирроѣ, что она, побывавши любовницею цари, будетъ тѣмъ дороже Херею — «овъ въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ, потому что варвары считаютъ царя земнымъ богомъ» (VI, 7). Въ V кн. 2 глав. онъ говоритъ, что варвары до безумія женолюбивы¹. Въ той-же главѣ онъ довольно подробно опредѣляетъ отношенія сатраповъ къ царю. Ироническую характеристику аонянъ влагааетъ онъ въ уста Терону; на предложеніе товарищей продать Каллиррою въ Аониахъ, Теронъ говоритъ имъ: «вы одни не слышали о страсти аонянъ вмѣшиваться въ чужія дѣла (*πολυπραγμασίη*); народъ они болтливый и крючкотворный; въ гавани тысячи сикофантовъ приставутъ къ намъ (съ вопросами): кто мы такіе и откуда веземъ этотъ грузъ? Злое подозрѣніе падетъ на злыхъ; явится тотчасъ ареопагъ и архонты, тирановъ жесточайшіе» (I, 11). За-тѣмъ слѣдуютъ похвалы Іоніи (это мѣсто до извѣстной степени подтверждаетъ афродишійское происхожденіе нашего автора).

Не только историкамъ, но и предшествующимъ романистамъ подражалъ Харитонъ; подражаніе его не ограничилось усвоеніемъ общаго типа: Геліодоръ и какой-нибудь неизвѣстный намъ его подражатель, по-видимому, имѣлъ на него непосредственное вліяніе: только у Геліодора и Харитона героини обладаютъ нравственнымъ величіемъ, а герои храбростью; только у нихъ встрѣчаются добродушно мѣщанскіе типы въ родѣ Кнемона и управляющаго; только они описываютъ войны и заводятъ героевъ въ царскіе дворцы. Можно указать даже на заимствованныя фразы: V, 9: «можно было подумать, что то театральная сцена со множествомъ страстей: все здѣсь было — слезы, радость, удивленіе»

¹ Φύσει δὲ ἐστὶ τὸ βαρβαρικὸν γυναικικὸς.

и пр.¹. Кацъ Геліодоръ, Харитомъ очень любитъ выказывать свою ученость, влетая историческія и мисологическія имена и цитируя Гомера (напр. II, 19).

Какъ подражатель, оазъ, естественно, наалемъ пересолить, пойдти дадше своихъ образцевъ. Какъ ни преувеличены похвалы красотѣ другихъ героинь, похвалы Каллирроѣ превосходятъ всякое вѣроятіе: ее разъ 20 принимаютъ за богиню; когда она выходитъ за Діонисіа, собравшаяся публика провожаетъ ее криками: Афродита выходитъ за мужъ! (III, 2). Ей, купленной рабынѣ, добровольно служатъ все ея товарищи по работу (II, 5); она только потому согласилась видѣть Діонисіа, своего геецодина, что свиданіе это должно было происходить въ храмѣ (ibid.).

Красота Каллирроа такава, что производитъ во всехъ не чувственную похоть, но нѣжнѣйшую и въ то-же время сильнѣйшую страсть, которая нацощинаотъ самыя сентиментальныя страяды обращенныхъ въ прозу рыцарскихъ ромаювъ; эта неестественная сентиментальность, максивость, находящаяся съ этимъ въ связи мягкость нравовъ быди бы способны сдѣлать подозре- тельною подлинность рукописи, если-бы рядомъ съ сентимен- тальныци сценами не стояли сцены инаго характера. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Митридатъ, увидавъ красоту Каллирроа, палъ на землю безъ словъ²; влюбленный сатрапъ думаетъ, что власть есть только украшеніе могилы, а съ Каллирроаю и самая смерть сладка (IV, 7). «Возврати мнѣ мой крестъ», умоляетъ Херей Митри- дата, когда тотъ объявляетъ ему, что Каллирроа прижила еъ Діонисіемъ сына, и при этихъ словахъ его все возрыдали³,—

¹ Ср. вышеприведенное мѣсто Геліодора, VII, 8.

² IV, 1: *αχανης κατέπεσαν.*

³ IV, 3: *Κλαειν ἤρξαντο πάντες.*

въ третій разъ въ этотъ день. Весь народъ сиракузскій плачетъ, слыша жалобы Херея по поводу исчезновенія труппа (III, 3). Когда Хорей отправляется за Каллирроей, отецъ умоляетъ подождать его смерти, а мать требуетъ, чтобы онъ вѣлъ ее съ собой и выбросилъ въ море, если она будетъ ему въ тягость; явивъ, что онъ не согласится взять ее съ собою, она раздираетъ себѣ грудь, вытягиваетъ сосцы и говоритъ 82—3 стихи изъ XXII пѣсни Илиады. Хорей, раздираемый противоположными чувствами, бросается въ море съ отчаяніемъ; не безъ труда спасли его матросы. Діонисій, влюбившись въ свою рабыню Каллиррою и не надѣясь встрѣтить отвѣтъ, рѣшается уморить себя голодомъ, а въ ожиданіи умоляетъ жестокую пожадѣть его хоть мертвого¹: унавь, что она согласна принять его руку, онъ падаетъ въ обморокъ; упрекаетъ ее, что она хоть минуту могла сомнѣваться въ его намѣреніи сдѣлать ее законною супругой, а не наложницей; и жучится, что бракъ будетъ не довольно торжественно обставленъ (III, 1—2).

За нѣжность въ характерѣ Діонисія Дунлонъ² хвалитъ Харитона; но персидскій монархъ немного уступить въ атомъ Діонисію. Когда Хорей появился на судѣ по вызову Митридата, автору кажется, что царь въ это время желалъ бы стать Хереемъ (V, 8). Въ VI кн. 3 гл. Артаксерсъ говоритъ: «что такое любовь — я до сихъ поръ только слышалъ въ разсказахъ и пеемахъ»³. Высказавши евкху свою любовь, онъ заливается слезами. И такъ, нѣжность, деликатность не есть характерная черта Діонисія, но особенность Харитонова романа; Діонисій

¹ Въ другихъ греческихъ романахъ госпожа, влюбившаяся въ своего раба, колеть ему глаза своею знатностью, напр. Манто у Ксенофонта; ср. Эвматій, X, 2. То-же и въ разумныхъ романахъ новаго классицизма, ср. у Θ. Эмина Лизаркъ и Сармандра.

² D — I, 25.

³ τίς γάρ ἐστιν Ἔρως, πρῶταρον ἤκρον ἐν μύθοις τε καὶ ποιήματι.

даже ниже другихъ въ этомъ отношеніи: Теронъ видитъ его въ глубоконъ траурѣ и печали; узнаетъ, что онъ горюетъ о потерѣ жены и думаетъ: такого-то нокунщика миѣ и надо для Каллиррой; «человѣкъ онъ богатый и женолюбивый (*Φιλογύναιος*)»; (I, 12) успѣхъ оправдалъ его ожиданія.

Въ такомъ галантномъ обществѣ женщина, естественно, должна играть и въ дѣлахъ не послѣднюю роль. Каллиррой и имѣетъ сильное вліяніе на Херея: она отсовѣтовала ему объявить войску о пораженіи египтянъ (VIII, 2); Херей везетъ ей въ рабыни царицу Статиру; узнавъ объ этомъ, Каллиррой возмущается и требуетъ возвращенія Статире царю; мужъ безпрекословно повинуется ей; не спрашивая позволенія у мужа, она посылаетъ Діонисію ласковое прощальное письмо (VIII, 3). Персидскія красавицы, собравшись у царицы, обсуждаютъ вопросъ о томъ, какъ посрамить красоту иностранки, точно сенаторы важное государственное дѣло (V, 3). Дѣло кажется серьезнымъ и въ глазахъ мужчинъ: чтобы видѣть встрѣчу Родогюны и Каллиррой, сошлись огромныя толпы народа; сперва глаза всѣхъ устремлены на персидскую красавицу; «ны побѣдили», думаютъ персы; но вотъ Родогюна деликатнымъ образомъ заставила показаться Каллиррой; сама почувствовала себя побѣжденной и ушла въ палатку гречанки, какъ бы отдаваясь во власть побѣдительницъ (V, 5). Вопросъ о томъ, кому должна достаться Каллиррой, волнуетъ всѣхъ жителей персидской столицы (V, 6).

И такъ, «любовь Херея и Каллиррой» преимущественно передъ всѣми другими произведеніями этого рода—*дамскій романъ*; въ немъ ни одной неприличной сцены, и грубая выходка Херея наказана съ достаточною жестокостью; даже геройскіе военные подвиги совершаются вовсе не для славы, не для отечества, а для женщинъ. Персы побѣдили на сушѣ, потому что здѣсь бился Діонисій, одушевляемый надеждою пріобрѣсти

вновь Каллиррою; египтяне побѣдили на морѣ и взяли Тиръ только потому, что на ихъ сторонѣ сражался озлобленный потерей Каллиррой Херей.

Имѣя въ виду читательницъ и избѣженныхъ читателей, авторъ говоритъ въ началѣ VIII-й книги: «Я полагаю, что эта послѣдняя книга будетъ для читателей пріятнѣйшею; она послужитъ вознагражденіемъ за прежнія печали»: здѣсь не встрѣтятся они ни грабежей, ни рабства, но законный бракъ (*νόμιμος γάμος*). Описывая такія пріятныя вещи, авторъ не боится наскучить читателямъ: 5 страницъ (VIII, 6 и слѣд.) заняты изображеніемъ счастливаго конца. Въ заключеніе приводится рѣчь Херея къ народу сиракузскому, представляющая въ конспектѣ весь романъ.

Дунлопъ¹ заявляетъ рѣшительно, что значительная часть изъ начала Харитонова романа затеряна, такъ-какъ онъ начинается съ свадьбы героевъ. Это предположенію ни на чемъ не основано: судя по описанію Ларше², въ рукописи нельзя подозрѣвать потери листовъ. Внутреннее основаніе не достаточно: до самаго появленія англійскаго семейнаго романа, всякій чистый романъ (исключая роды сатирической, политической, *ricresco*) съ счастливою развязкой непременно или кончается свадьбой, или начинается съ нея; или изображаетъ приключенія и взаимную вѣрность жениха и невѣсты, или мужа и жены. Ко 2-му типу принадлежатъ изъ греческихъ романовъ, кромѣ Харитона, романы Ямблиха и Ксенофонта.

Исторія мнимой смерти и пробужденія Каллиррой подтверждаетъ мнѣніе Валентина Шмидта³ и Зимрока⁴ объ отсутствіи

¹ D—L, стр. 25.

² См. Collection des rom. gr. Предисловіе къ Харитону.

³ Wien. Jahrb. 26, 25.

⁴ Shaksp. Quellen. I, 85.

литературной связи между новеллой, послужившею темой для Ромео и Юли, и романом Ксенофонта: Антія и Юлія принимают сонный порошок; Каллирроя мертветь отъ сильнаго толчка и при совершенно иныхъ обстоятельствахъ; мнимая смерть — роиантическій орнаментъ, являющійся въ разнообразныхъ формахъ и особенно любимый греческими романистами (двѣ орбитальнѣя формы см. въ романѣ Ахилла Тація). Связь между Ксенофонтомъ и Харитономъ вѣроятнѣе: въ обоихъ романахъ мнимоумершую насасаютъ отъ голодной смерти могильные воры; но существованіе этого сорта воровъ — культурно-всторическій фактъ, возбуждавшій особенное негодованіе христіанъ¹. Злобная выдумка отвергнутыхъ жениховъ Каллиррой — довольно употребительная въ подобныхъ случаяхъ хитрость, также не обуславливающая непремѣнной литературной связи.

Исторія Исмены и Исменія Евстаоія. По числу рукописей романъ Евстаоія принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ²; но это отнюдь не облегчаетъ разрѣшенія вопроса о времени жизни автора: Шёлль и Грессе³ не рѣшаются опредѣлять его даже приблизительно; Дунлопъ, слѣдуя бездоказательному мнѣнію Гюэ, относитъ его къ XII вѣку. Фабрицій (VI, 814) отказывается сказать что-либо положительное (*quo tempore vixerit adhuc requiro*). Струве (стр. 271) относитъ его къ одному времени съ Теодоромъ Продромомъ и Никетасомъ

¹ См. D—L прим. 60, ср. гробный тать, ослѣпленный мертвою дѣвицею, въ житіи св. Андрея Юродиваго. Мак. Мннен опт. 2.

² Le Bas (Hirsch.) говоритъ о 5 римскихъ и 8 парижскихъ отъ XIII (даже начала), XIV, XV и XVI вв.; тогда какъ Харитонъ и Ксенофонтъ имѣютъ только по одной рукописи.

³ *Seebode u. Jahn Neue Jahrbücher. 4-tes Supplementband. 267. D.—L. 463.* Грессе только рѣшаетъ отрицательно вопросъ о его тождествѣ съ ессадонскимъ епископомъ.

(XII) и находить, что языкъ его преисполненъ варваризмовъ эпохи паденія¹.

Изобиліе рукописей даже вредитъ дѣлу, путая и тѣ жалкія свѣдѣнія, которая могло бы дать намъ заглавіе романа, и въ некоторыхъ изъ нихъ онъ называется вмѣсто Евстазія Эвматіомъ²; на однихъ онъ носитъ прозваніе *Makrembolites*, на другихъ *Parembolites*; извѣстенъ былъ въ Египтѣ городъ *Farembole* (недалеко отъ Сіена); что же означаетъ *Makrembolites* — сказать трудно; извѣстно только, что то-же прозваніе носила императрица Евдоксія, жена Константина Дуки († 1067)³; въ некоторыхъ рукописяхъ онъ называется архивариусомъ (*καρτοφύλαξ*), и нѣтъ основаній заподозрить во лжи ихъ свидѣтельства.

На основаніи содержанія романа трудно сказать что-либо о его времени, такъ-какъ авторъ его былъ чедовѣкъ начитанный и умыленно поддѣлывался подъ отдаленную старину⁴. Его герои — морскіе разбойники, сажающіе плѣннаго героя за весла и грабящіе неприготовленный въ защитѣ городъ (VIII, 1 — 3), напоминаютъ варварійцевъ, но темноцвѣтные пираты дѣйствуютъ и у Геліодора; на весельныхъ судахъ, конечно, сажали рабовъ за весла.

Согласно своимъ образцамъ, Евстазію не говоритъ ни слова о христіанствѣ; но его политеизмъ сомнительнѣе, нежели у кого бы то ни было: дѣйствія боговъ часто лишены всякаго смысла и справедливости; почему напр. жребій, броненный на кораблѣ,

¹ Струве вообще строгъ на-счетъ хронологіи романистовъ: онъ, на-сколько мнѣ извѣстно, только одинъ онъ относитъ Харитона въ VIII и IX вв.

² Грессе (L c.) довазываетъ, что *Эматій* имя ложное; но Le Bas не счелъ, по-видимому, его основаній достаточными.

³ *Schœll*, III, LXXXI.

⁴ VIII, 7. Рейнъ называетъ онъ *ποταμὸς Κελτικὸς*.

Именъ? (VII, 13). Передъ веѣми божествами авторъ отдаеть предпочтеніе Эроту (котораго, какъ извѣстнао, удержали для своего обихода и благочестивые средніе вѣва); онъ— главный распорядитель судебъ героя. Онъ изображаетъ Эрота въ видѣ молодого человѣка съ факеломъ, лукомъ и мечемъ въ рукахъ; на ногахъ у него врылья; онъ ендить на золотой колесницѣ, за-которою слѣдуетъ масса его подданныхъ (III, 1); въ другомъ мѣствѣ онъ стоитъ окруженный людьми всѣхъ вѣвовъ и народовъ, которые служатъ ему¹ (III, 7—9). Въ этомъ романѣ нѣтъ слѣдовъ мрачнаго суавѣрія теурговъ, но есть вѣра въ примѣты, присущая всякому мало-развитому обществу: у героя дергаетъ правый глазъ (IX, 4), онъ оейчасъ-же дѣбдывается, что это къ добру: онъ увидить свою Имену.

Евстаоій аринадлежитъ къ той школѣ романветавъ, старѣйшимъ (изъ навѣстныхъ намъ) представителемъ которой былъ Ахиллъ Тацій; величія, трагическаго тона, серьезнаго настроенія Геліодора у него нѣтъ и въ-похинѣ; у него тогъ-же веселый, легкомысленный взглядъ на жизнь, то-же рабство дуаа вередь тѣлоцъ, тотъ-же свептицизмъ, что у Ахилла. Можно даже сказать съ увѣренностью, что онъ подражалъ Ахилду Тацію какъ въ общенъ планѣ, такъ и въ подробностяхъ. Герои принуждены бѣжать по той же причинѣ; ихъ также сопровождаетъ другъ героя Кратиотенъ—лице ни на что не нужное и котомъ исчезающее со сцены. Послеъ приключеній, сходныхъ во веѣхъ романахъ, герои также сходятся въ храмѣ, гдѣ жрецъ защищаетъ ихъ противъ притязаній господъ. (притязательность ко-

¹ Ср. *Lact.* I, 11. Non insulse quidam poeta triumphum Cupidinis scripsit, quo in libro non modo potentissimum deorum Cupidinem eed etiam Victorem facit. Enumeratis enim amoribus singulorum, quibus in potestatem Cupidinis dicionemque venissent, instruit pompam, in qua Jupiter cum ceteris diis ante currum triumphantis ducitur catenatus.

торихъ подохо гармовируетъ съ ихъ прежнею добротой); освободивъ ихъ, жрецъ въ храмѣ задаетъ ширь всѣмъ присутствующимъ. Испытаніе невинности снова выступаетъ здѣсь на сцену; только у Евстаѳа оно придумано хитрѣе; не аѳра чудесамъ, онъ подставляетъ психодогническое оцѣваніе: испытуемая съ вѣнкомъ на головѣ плаваетъ въ источникѣ, по близости конораго стоитъ Артемида съ намянутымъ лукомъ; дѣвственница плаваетъ спокойно; лжедѣвъ непреиѣнно покажется, что Артемида сейчасъ пуститъ стрѣду; она шрявтъ отъ страху, и шѣнокъ упадетъ съ годови (VІІІ, 7). Какъ подражатель, онъ усиливаетъ врадам; таъ напр. атому нежитанію героина подвергается два раза; известная дробность съ конадомъ (влюбленный, овладѣвъ поваломъ любезной, касается губни того края, гдѣ были ея губы) ¹ повторяется много разъ; даже въ критическую минуту, когда рѣшено бѣжать изъ дому родительскаго, Исменій не забываетъ оказать эту любезность (VІ, 12). Евстаѳій придумавъ даже усовершенствованія: мать героя, принимая гостей, цѣлуетъ Иемени; а герой видается цѣловать свою мать, чтобы спитъ съ ея губъ атотъ исцѣлуѣ (V, 13).

Подражая Тацію, Евстаѳій ведетъ разовавъ отъ лица героя; и въ атоцъ едунаѣ онъ протушилъ аетроумцѣ своего обраца: вмѣсто устнаго разсказа однимъ духомъ, Исменій *описываетъ* свои приключенія, обращаясь къ какому-то Харидему ².

Съ Таціемъ сходенъ Евстаѳій и въ буржуазномъ направленіи романа; его романъ меньше всѣхъ другихъ имѣетъ претензію на историческій родъ; его отвращеніе отъ исторіи доходитъ до-того, что онъ ив желавтъ даже поселить своихъ героевъ на исторической аренѣ и заставляетъ ихъ дѣйствовать въ городкахъ, которыхъ нельзя найти на картѣ: Дафниполисъ напоминаетъ зна-

¹ Старѣйшія свидѣтельства у Овидія, Лувіана см. D.—L. 34.

² I, 2 καλλιότη μοι Χαρίδημε.

менитое предмѣстье Антиохіи Дафве, построенное Селевкомъ Никаторомъ¹; въ Беотіи былъ городъ Авлисъ, который уже у Страбона называется селомъ (*κώμη*)²; Эврикомисъ и Артикомисъ нѣтъ возможности розыскать.

Планъ романа, на-сколько онъ принадлежитъ самому Евстаею, составленъ очень небрежно: въ первыхъ 3-хъ книгахъ, напр., нѣтъ никакого внѣшняго движенія: дѣйствующія лица, вставши, войдутъ въ садъ и потомъ идутъ ужинать. Послеъ обычнаго бѣгства и плѣненія авторъ, не долго задумываясь, повторяетъ всю первую часть романа: путешествіе праздничнаго вѣстника въ чужой городъ. Впрочемъ авторъ довольно искусно воспользовался этимъ слишкомъ незамысловатымъ планомъ; Именій, теперь присутствующій въ качествѣ раба при томъ-же празднествѣ, въ какомъ годъ тому назадъ онъ участвовалъ какъ герой праздника, внушаетъ читателю симпатію; его мучатъ воспоминанія, невольно вызываемыя обстоятельствами (IX, 3), и Евстаеій, болѣе своихъ предшественниковъ способный въ анализу, подробно знакомитъ насъ съ душевными состояніемъ несчастнаго раба (VIII, 14 и слѣд.). Больше другихъ романистовъ Евстаеій любитъ описанія (въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ примѣру Тація, и, по обыкновенію, идетъ дальше его). Де-

Dictionary of greek and roman Geography by W. Smith. Тамъ было святилище Аполлона, привлекавшее множество посѣтителей; послеъ введенія христіанства тамъ построили церковь съ мощами, и Аполлонъ пересталъ давать оракулы. Юліанъ, во время своего пребыванія въ Антиохіи, задумалъ тамъ принести жертву, во никто не послѣдовалъ за нимъ; императоръ сильно вознегодовалъ на антиохійцевъ. Впрочемъ, въ началѣ V вѣка тамъ-же происходили торжественныя игры и представляли жизнь и подвиги Геркулеса; эти игры привлекали большое количество публики, въ томъ числѣ и христіанской (*A. Thierry Jean Chrysostome, 378*).

² См. тотъ-же Словарь Смита.

тальность его описаній превосходить вслужу мѣру: три главы заняты описаніемъ Состенова сада; $\frac{1}{2}$ восьмой главы первой ввиги описываетъ, какъ наливали воду¹. Эта детальность игфветъ ту хорошую сторону, что способствуетъ болѣе вѣрному и живому воспроизведенію обыденной дѣйствительности, реализму въ поэзіи; изъ другихъ романовъ, не смотря на большую силу творчества, мы получаемъ очень мало свѣдѣній о домашней жизни; у Евстаоіа дѣйствуютъ живые люди; мы слышимъ, какъ хозяинъ торгуется съ гостемъ — кто долженъ первый отпить изъ круговой чаши (V, 10); мы видимъ, какъ живую, эту ложно-скромную дѣвушку, которая при чужихъ людяхъ заявляетъ свои желанія только черезъ мать (VI, 8), а сама нажимаетъ пальцы незнакомому молодому человѣку; мы видимъ, какъ на кораблѣ, воспользовавшись первою минутою нестѣсненія, герой кладетъ свою голову на колѣни милой (VII, 7); а въ то-же время Евстаеій не мучитъ читателей описаніемъ морской бури (VII, 8), столь скучнымъ у другихъ романистовъ.

Евстаеій тоже риторъ, но его риторика инаго закала; онъ не любитъ длинныхъ торжественныхъ рѣчей, но любитъ играть положеніями и словами; такъ въ IX кн. 16 гл. оказывается, что Исменій рабъ Исмены; Исмена — раба Родопе, а Родопе — рабыня Исменія; въ то-же время Имена сестра и сорабыня Исменія. При извѣстіи о скоромъ бракѣ Исмены, герой (не совсѣмъ умѣстно) острить: «тебя *Плутосъ* украситъ, а меня какъ жениха прведетъ торжественно *Плутонъ*²; Состена, желающаго выдать дочь насильно, герой называетъ *καλός* (VI, 8); кормчій, выбрасывающій Имену въ море, называется *τὰ πάντα σοφός* (VII, 14).

¹ Объ описаніи картинъ см. D—L. 33.

² *Καὶ σὲ μὲν Πλούτος κατασπομήσει, ἐμὲ δὲ Πλούτου νυμφαγωγῆσαι περιφανῶς* (VI, 6).

Слѣдуя примѣру Гюэ¹, Дунлонъ очень строго судитъ романа Евстаеія и особенно — характеръ героини Исмены: по его словамъ (стр. 33), она ничѣмъ не лучше геліодоровой Арсаке. На мой взглядъ, Исмена — живая, наивная, но дурно воспитанная дѣвушка: это типъ, выхваченный прямо изъ мѣщанской жизни, типъ, который при благопріятныхъ условіяхъ можетъ возвыситься до гетевевои Гретхенъ и при неблагопріятныхъ снзойти до Барвары въ «Розѣ» Островскаго. Родители Исмены единственнымъ орудіемъ воспитанія считали строгость; единственная цѣль его — привить приличія — съ точки зрѣнія ихъ кружка — манеры, а потомъ, не спрашивая согласія дочери, сбыть ее поскорѣе съ рукъ, какъ непрочный товаръ. Дѣвушка покорялась силѣ и при публикѣ была образцемъ скромности, но за напускную скромность вознаграждала себя, какъ-только начальство отводило глаза въ-сторону. Авторъ не имѣлъ намѣренія сдѣлать изъ нея идеаль; виноватъ ли онъ, что жизнь одичавшей Греціи, внѣ христіанскаго общества, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго (а, можетъ быть, яе желалъ его профанировать въ эротическомъ романѣ), не представляла болѣе высокаго типа?

Выше было сказано, что на основаніи стиля относятъ (не особенно авторитетные въ этомъ дѣлѣ люди) романъ этотъ къ XII вѣку. Имѣя дѣло съ средневѣковымъ, поэтическимъ памятникомъ, написаннымъ на народномъ языкѣ, современная наука на основаніи особенностей его языка опредѣляетъ не только время, но и мѣсто его происхожденія; даже языкъ копій не помѣшаетъ разглядѣть за нимъ языкъ подлинника. Едва-ли возможно дѣйствовать съ такою увѣренностью, когда опредѣленію подлежитъ время произведенія среднегреческой литературы. Ев-

¹ C'est le travail d'un écolier ou de quelque chétif sophiste, qui méritait d'être écolier toute sa vie, — говоритъ о романѣ Евстаеія ученый епископъ.

стаеіи былъ человекъ образованный, начитанный въ древней литературѣ: онъ часто цитируетъ Гомера и трагиковъ, знаетъ киелогію, знаетъ историческія преданія (напр. о Крезѣ, II, 7), и едва-ли могъ впасть въ грубыя варваризмы; памятниковъ разговорнаго среднегреческаго языка, достаточныхъ для критерія литературныхъ памятниковъ, если не ошибаюсь, не дошло до насъ. Короче сказать, рѣшеніе Струве не можетъ считаться безаналляціоннымъ. Если же судить Евстаеіи по содержанію, мы, конечно, должны отнести его къ болѣе позднему времени, нежели вышеразобранные романы: онъ только подражаетъ имъ, преувеличивая, но избѣгаетъ слишкомъ избытковъ ихъ тониковъ¹. Его религіозный вллевизмъ такъ слабъ, что кажется скорѣе литературнымъ приемомъ, и Евстаеіа безъ затрудненія можно отнести ко времени окончательнаго утвержденія христіанства. Не все же между его романами и ямбическими поэмами въ родѣ Никетаса — цѣлая пропасть.

Иаствушвскій романъ Лонга. «Всякая литература и искусство начинается съ проетаго, строгаго, немногословно характернаго стили и отъ него стремится къ безгранично-субъективному, распущенному, останавливающемуся въ подробностяхъ жанру»². Такимъ стремленіемъ объясняетъ Гоше появленіе александрійской идилліи; такому стремленію обязанъ своимъ существованіемъ весь греческій романъ. Мы видѣли, какъ онъ начался

¹ VIII, 17 онъ отдѣляется фигурой умолчанія отъ разработки избытой темы объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія: «я не буду говорить, какъ хозяйка ухаживала за мною, клеветала мужу» и прч.

² *Gosch's*, *Idyll und Dorfgeschichte im Alterthum und Mittelalter*. Arch. für Literaturgesch. I, 186. 1870. Alle Literatur und Kunst hat das Streben, von dem einfach strengen, man kann sagen, brachylogisch charakteristischen Stile zu einer schrankenlos subjectiven oder breiten, sorgsam detaillierenden und genreartigen Ausarbeitung vorzuschreiten.

отъ соединенія вымышленнаго путешествія съ фабулой новой комедіи, какъ онъ перешелъ черезъ героическую поэму въ прозѣ и романъ интриги и какъ у Евстація онъ перешелъ въ жанръ городской жизни. Еще раньше Евстація (и можетъ быть на нѣсколько столѣтій), поддавшись вліянію идилліи, романъ, въ рукахъ болѣе талантливаго и болѣе независимаго отъ традиціонной рамки Лонга, обратился къ иному жанру.

Всѣ рукописи этого романа раздѣляются на 2 неравныя группы: одна только флорентійская рукопись (изъ Монте-Кассино, заключающая единственные экземпляры Харитона и Ксенофонта) заключаетъ въ себѣ полный романъ съ такимъ заглавіемъ: *Λεσβιακῶν ἐρωτικῶν λόγος δ'*; во всѣхъ другихъ рукописяхъ пропущены почти 4 главы (по изд. Hirschig'a), заключающія въ себѣ купанье Дафниса, любезности Даркона Хлоѣ, состязаніе пастуховъ и поцѣлуй Хлои. Всѣ эти рукописи, происходящія очевидно изъ одного источника, или не имѣютъ заглавія для нашего романа¹, или озаглавливаютъ его такимъ образомъ: *Λόγγου ποιητικῶν τῶν κατὰ Δάφνιν καὶ Χλόην*². Имя Лонга звучитъ слишкомъ по-римски, и нѣкоторые полагаютъ, что переписчикъ общаго источника рукописей второй группы ошибочно прочелъ *λόγγου* вм. *λόγου*; но не греческое имя поздняго греческаго писателя — основаніе слишкомъ слабое³.

Софистомъ окрестилъ Лонга впервые Юнгерманъ, по-видимому, совершенно произвольно. Такъ-какъ ни Фотій, ни лексикографы не говорятъ о немъ ни слова, то свѣдѣнія о мѣстѣ и времени его жизни мы можемъ почерпнуть только изъ самаго романа.

Мѣстомъ дѣйствія романа служитъ островъ Лезбосъ, и авторъ не только знаетъ города его, но и подробно описываетъ

¹ Напр. Парижская № 2913.

² Напр. Парижскія № 2103 и № 2895.

³ Извѣстны въ греческой литературѣ Posthumius, Priscus, Quintus, Quadratus и пр.

особенности лезбоссаго винограда (II, I); по этому можно полагать (но отнюдь не утверждать), что Лонгъ жилъ или, по-крайней-мѣрѣ, бывалъ на Лезбосѣ.

Стиль его заслужилъ единодушныя похвалы эллинистовъ¹ (даже Гюэ жестоко казнить его за содержаніе, но хорошо отзывается объ его стилѣ), и на основаніи чистоты и правильности языка его относить къ IV, или самое большее къ V столѣтію. Изъ содержанія можно извлечь немного данныхъ.

Лонгъ язычивъ, и чувственно-изящный характеръ религіи Олимпа ни у одного романиста не сохранился въ такой анакреоновской чистотѣ. Слѣдовъ христіанства, неоплатонизма, попытокъ очистить религію — никакихъ. Его боги не знаютъ общей справедливости, но только оказываютъ свое благоволеніе героямъ: вся добыча захвачена митимнейцами несправедлива; но Панъ заступился только за Хлою, и только ея скотъ возвращенъ его стараніями на берегъ (II, 29). Гнатонъ оправдываетъ свою гнусную похоть, гнусную и по инѣнію автора, который отнюдь не раздѣляетъ въ этомъ отношеніи снисходительности Лукіана и Ахилла Тація², примѣромъ боговъ; и авторъ не имѣетъ ничего возразить ему на это. Правда, авторъ, по-видимому, не раздѣляетъ деревенски-наивнаго взгляда своихъ героев на боговъ, когда Хлоя (II, 39) высказываетъ свое недовольство клятвой Дафниса, такъ-какъ Панъ, которымъ онъ клянется,

¹ См. D. — L примѣч. 54.

² IV, 11.—Гнатонъ называется *Φύσει καὶ δραστῆς* и характеризуется какъ чедовѣкъ, преданный исключительно чувственнымъ удовольствіямъ: «у него не было ничего, кромѣ глотки и желудка и того, что находится *ὕψοι γαστέρας*. Служитъ ли это првзнакомъ времени? Не думаю; скорѣй это вліяніе болѣе здоровой среды, съ которою имѣетъ дѣло авторъ; такъ, по-врайней-мѣрѣ, явствуетъ изъ отвѣта Дафниса о возлахъ, которые никогда не оказываютъ другъ другу подобныхъ любезностей (гл. 12).

невѣренъ въ любви, авторъ замѣчаетъ отъ себя: «такова у ней, вавъ у дѣвушки, была наивность» ¹.... «Она думала и говорила, что возы и овцы настоящіе боги пастуховъ».

Главные божества, которымъ служатъ Дафнисъ и Хлоя — нимфы, живущія въ пещерахъ, и Панъ. Они принимаютъ дѣятельное участіе въ ихъ судьбѣ и «награждаютъ ихъ впоследствии за ихъ благочестіе» (II, 2); нимфы указываютъ Дафнису мѣшокъ съ деньгами, а Панъ выручаетъ Хлою, напугавъ витинейцевъ (II, 25 — 26); это, дѣйствительно, деревенскія божества, несомнѣннъ забыты въ Греціи и теперь: нимфы съ испорченнымъ именемъ воргидъ (*Ἀνεργίδες*) почитаются и теперь ²; Панъ остался, какъ хромоу демонъ (*ὁ κουτσόδαίμονας*), пугающій людей, возлообразный насильникъ женщинъ ³; кой-гдѣ за нимъ осталось и его прежнее имя ⁴. Благочестіе свое выражаютъ герои жертвоприношеніями и подарками: уѣзжая въ городъ, они дарятъ богамъ свои пастушескіе доспѣхи и Хлоя въ источникъ нимфъ вливаетъ въ видѣ жертвы вина ⁵.

Донгъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы излагать деревенскіе мнен; такъ, онъ рассказываетъ устами дѣйствующихъ лицъ о Сиринксѣ, объ Эхо (III, 23) ⁶; въ I-й кн. 27 гл. онъ упоминаетъ мало извѣстннй мнсъ о Питюсѣ, любовницѣ Пана ⁷, и

¹ *Τοσοῦτον δ' ἄρα τῆ Χλόῃ τὸ ἀφελές προσῆν ἄς κόρη.*

² *Herrnh. Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen. I, 98 и слѣд.*

³ *Ibid.* 153 и слѣд.

⁴ *Ibid.* 155 и слѣд.

⁵ Издатель Boden къ этому мѣсту (стр. 489): *Alludit ad veterem historiam. Quo Pseum atque Faunum, ambos Lares, caperet Numa Pompilii dicitur fontem vino atque melle miscuisse Numa Plutarchi.*

⁶ Въ этомъ случаѣ онъ даже грѣшитъ противъ натуральности: какъ Хлоя, выросшая въ деревнѣ и высказавшая такое знакомство съ Паномъ, могла ли неслышать Эхо и незнать мнса?

⁷ ἡ *Πίτυς* — сосна, см. *Preller. I, 589.*

тамъ - же излагаетъ неизвѣстный иноу о Фаттѣ (Φάττα — дикій голубь), наступкѣ, которая по собственному желанію обратилась въ птицу, когда сосѣдній настухъ лишилъ ее коровъ¹.

Помимо деревенскихъ божествъ, судьбою героевъ распоряжается Эротъ, являющійся въ видѣ красиваго крылатаго ребенка съ лукомъ; герои исполняютъ его повелѣнія, но жертвъ ему не приносятъ.

По религиознымъ возрѣвіямъ дѣйствующихъ лицъ романа можно опредѣлить приблизительно только terminus ad quem: христіанство не было распространено повсемѣстно; въ деревняхъ авторъ могъ видѣть политеизмъ особаго склада: создать такую живую религію, только подражая древнимъ, невозможно.

Въ словесномъ состязаніи съ Доркономъ Дафнисъ сильно напираетъ на то обстоятельство, что борода отнимаетъ всю сладость у поцѣлун. Въ 362 императоръ Юліанъ живъ въ Антиохіи; философъ-императоръ не понравился антиохійцамъ; изнѣженные антиохійцы, болѣе, чѣмъ на-половину христіане, не полюбили императора; нелюбовь къ нему Юліанъ выразилъ въ полунутливомъ, полусерьезномъ сочиненіи «Врагъ бороды» (Μισοπόγων), гдѣ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «безъ поцѣлуевъ я могу обойтись, и вто обстоятельство, естественно, новая непріятная сторона бороды, такъ-какъ она не позволяетъ чистымъ устамъ коснуться до гладкихъ и потому, надо полагать, болѣе сладкихъ губъ, на что еще прежде указалъ одинъ изъ тѣхъ, кто съ помощью Пана и Калліопы писалъ поэму о Дафнисѣ»².

¹ Φάττα — атрибутъ Персефоны и Афродиты. *Prellet.* I, 628.

² ὑπὲρ δὲ τοῦ Φιλεῖσθαι καὶ Φιλεῖν ἤκιστα ἀλγῶ. καίτοι καὶ τοῦτο ἔχειν ἔοικεν ὁ πάγων. ὥσπερ τὰ ἄλλα λυγρὸν, οὐκ ἐπιτρέπων καθαρὰ λεῖοις καὶ διὰ τοῦτο, οἶμαι, γλυκερωτέροις χεῖλεσι χεῖλη προσβάττειν. ὑπὲρ ἧδη τις ἔφη τῶν ἐργασκόμενου σὺν τῷ Πανὶ καὶ τῇ Καλλιόπῃ εἰς τὸν Δάφνιν ποιήματα (*Ladius*, 155 — 156). Martinus въ своемъ

Несомнѣнно, что слова Юліана имѣютъ отношеніе къ роману Лонга, но какое? Возможны два предположенія: или Юліанъ зналъ романъ; тогда *потмста* имѣетъ общее значеніе *творенія*, и Лонга слѣдуетъ отнести въ началу IV вѣка (если не раньше); или Лонгъ заимствовалъ содержаніе состязанія изъ недонедшей до насъ идилліи.

Идилліи Лонгъ, безъ сомнѣнія, обязанъ многимъ; не только идею, не только представленіе здоровой, постепенно развивающейся любви, но и подробности заимствовалъ онъ оттуда. Дафнисъ — любимый герой греческой пастушеской поэзіи; прежде идилликовъ его воспѣвали народныя пѣсни; онъ всегда являлся пастухомъ и лучшимъ музыкантомъ; по сагъ, обработанной Стезихоромъ, Дафнисъ — лице мифическое, сынъ Гермеса (какъ Пиегоръ и Гомеръ) и нимфы; мать подкинула его; вскормили его нимфы, а Павъ былъ его учителемъ въ игрѣ на сирингѣ; въ него влюбилась Наяда, а когда онъ измѣнилъ ей, она наказала его слѣпотой. У Теоврита это сказаніе является въ измѣненномъ видѣ: Дафнисъ потерялъ свой мифическій характеръ. Лонгъ идетъ по этой дорогѣ еще далѣе. Идея состязанія Доркона и Дафниса, по-видимому, взята изъ поэтическихъ состязаній пастуховъ Теокрита. Разсказъ Филетаса напоминаетъ изложенную въ прозѣ идиллію, тѣмъ болѣе, что и имя его возлюбленной Амариллисъ — одно изъ любимыхъ именъ Теокрита.

Вслѣдствіе самой формы своего произведенія, вслѣдствіе общей тенденціи литературы своего времени Лонгъ болѣе реалистъ, нежели идиллики; извѣстно, что жанру классической поэзіи мѣшало развиваться между прочимъ — то обстоятельство, что земли обрабатывались рабами. Лонгъ довольно ловко выпутался изъ затруднительнаго положенія; его дѣйствующія лица — рабы, но

изданіи 1583 г. ссылается на 12 ид. Теокрита, гдѣ нѣтъ ни слова о Дафнисѣ, во чисто внѣшнее сходство въ выраженіи.

въ поляхъ они живутъ свободно, и любовная интрига Дафниса и Хлои развивается на просторѣ; но для завлеченія брака рабы нуждаются въ разрѣшеніи господина (III, 31); прїездъ господина для нихъ дѣло великой важности, и, узнавъ о порчѣ сада, Ланонъ разодралъ съ горя хитонъ (IV, 6)¹: онъ боится бить повѣщеннымъ, а Дафнисъ опасается бичеванія (IV, 8—9).

Въ какомъ отношеніи стоитъ Лонгъ въ эротическому роману, возникшему безъ вліянія идилліи? Онъ несомнѣнно одинъ изъ позднихъ романистовъ, одинъ изъ писателей той эпохи, когда типъ романа интриги (въ родѣ Ахилла Тація) выработался съ достаточной ясностью; въ краткомъ предисловіи, напоминающемъ романъ Тація, авторъ какъ-бы заявляетъ, что онъ намѣренъ сочинить романъ по обыкновенному, опошлѣвшему шаблону: разбойники, плѣненіе, нападеніе враговъ должны играть видную роль; въ романѣ же все это является незначительными и, пожалуй, ненужными эпизодами; весь интересъ читателей сосредоточивается не на привлеченіяхъ — вѣшной жизни, но на жизни внутренней, на постепенномъ развитіи страсти въ невинныхъ сердцахъ. По-видимому, съ авторомъ случилось то-же, что съ Диввенсомъ въ Пиквикскомъ клубѣ, что съ Сервантесомъ въ Донъ-Кихотѣ: талантъ увлекъ его дальше узкой и недостойной задачи. Но отъ вліянія образцовъ и отъ вліянія риторской школы Лонгъ не могъ вполне освободиться: Хлоя (I, 14) и Дафнисъ (I, 18) въ скучныхъ рѣчахъ излагаютъ свои страданія; увидѣвшись зимою, они чуть не упали въ обморокъ (III, 7); Лонгъ противъ всякой вѣроятности сохраняетъ дѣвство своей героини, но не силою обѣта или случая, а ея неопытностью. Красота героя или героини также обаятельно дѣйствуетъ на всѣхъ, и пастухи желаютъ превратиться въ овецъ, чтобы Хлоя

¹ Довольно позднее, по-видимому, вышедшее съ востока выраженіе скорби. См. прим. у *Бодена*.

падеж ихъ (II, 2)¹. Хлея и Дафнисъ повторяютъ извѣстнымъ по другимъ романамъ предѣлки съ кубкомъ (III, 8):

Сравнительно позднее время составленія романа видно и изъ детальности описаній: цѣлую главу посвящаетъ авторъ описанію водчѣй ямы (I, 11); слѣдующая глава описываетъ, какъ Дафниса вытаскиваютъ изъ ямы; не забыть и возель — побѣдитель, который, падая, обломалъ себѣ оба рога. Развязка романа основана на найденныхъ родителями подкидышахъ; старіе законы Греціи давали родителямъ полное право выбрасывать дѣтей. «Въ Греціи устраненіе дѣтей посредствомъ выбрасыванія нигдѣ не воспрещалась, за неключеніемъ, важется, однихъ *Θινη*»². Правда, уже при императорѣ Адрианѣ ехривітіо приравнивалось къ убійству; но при Константінѣ должны были повторить указъ: очевидно, застарѣвшій обичай съ трудомъ поддавался запрещенію.

Жизнь пастушеская изображена вѣрно дѣйствительности: у Альцифрова мы находимъ и козъ, повинующихся свирѣли (II, 12), и ловлю птицъ посредствомъ клея (II, 30), по-видимому, въ числѣ любимыхъ удовольствій.

По своему воспитанію, Дафнисъ и Хлея принадлежатъ къ обширной семьѣ героевъ, воспитанныхъ звѣрями. Въ классической древности этотъ мотивъ былъ развитъ не менѣе, чѣмъ въ средніе вѣка. Атаданта, брошенная отцомъ, вскормлена медвѣдицей; самъ Зевесъ воспитанъ козою; Киръ — собакою; Милетъ, сынъ Аполлона и дочери Миноса, былъ выброшенъ родителями, вскормленъ волчицею и воспитанъ между пастухами (*Antipus Diogenes*). Дафнисъ и Хлея — типъ красоты, а не силы, вскорм-

¹ Впрочемъ, рядомъ съ этимъ у Лонга — естественная, хотя и грубая черта: увидѣвъ красавицу, пастухи запрыгали, какъ Сатиры.

² *Воеводскій*, Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ, стр. 133 в. 134.

лени въ диклихъ звѣряхъ, но овецю и новою. Любопытно, что, обращаясь къ болѣе плодотворному источнику — народной жизни, греческій романъ сейчасъ-же сблизился съ сагою.

И не буду повторять избитыхъ похвалъ натуральности, простоты и прелести романа; замѣчу только, что довольно распространенное мнѣнiе о душевной невинности Дафниса и Хлои не вполне основательно; въ нихъ есть и дурныя инстинкты, за что впрочемъ нельзя порицать автора: они отдають козла за спасенiе Дафниса и объявляютъ дома, что его съѣлъ волкъ (I, 12); Дафнису и Хлоѣ прiятно, что за ними ухаживаютъ постороннiе (II, 2); герои Лонга полисе выраженiе невоздѣланной природы съ ея дурными и хорошими сторонами. Въ этомъ отношенiи идеалисты новаго времени — неисправимые идеалисты, возвращаваше метну.

Самъ Лонгъ о своемъ романѣ довольно выекаго мнѣнiя; это «предметъ прiятный всѣмъ людямъ, излѣчивающiй страдающаго, утѣшающiй горестнаго; любившему онъ памянваетъ его исторiю, не любившаго научаетъ любить». Такого самовевкваленiе (если только принадлежить автору, а не переписчику) едва-ли не служить единицъ изъ доказательствъ сравнительно повднато возмеленiя романа.

Отхотворные византийскiе романы не ѣтвоятся въ темѣ этого наследованiя, такъ-какъ они не могли имѣть никакого влiянiя на новый европейскiй романъ; но я считаю нелишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить ихъ отношенiе къ романамъ прозаическимъ, подъ несомнѣннымъ влiянiемъ которыхъ они развивались, по-врайней-мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Число известныхъ, хотя - бы только по имени, ямбическихъ романовъ довольно значително, и можно въ увѣренностю сказать, что меньшее количество ихъ гмѣсть въ неотысканныхъ

рукописяхъ. Къ половинѣ XII в. относится романъ Теодора Продрома¹: Любовь Роданты и Довикла. Продромъ—очень плодитый поэтъ; онъ—авторъ «Войны вошевъ и мышей», аллегорической поины «Дружбы въ изгнаши» (ἡ ἀπόδημος Φιλία), сатиры на старую сводню (κατὰ Φιλοπόρου γράας), жалобы, обращенной къ Мануилу Комнену, и многих ненапечатанныхъ произведеній.

Никетасъ Эвгеніанъ² жилъ несомнѣнно послѣ Продрома и поставилъ его себѣ въ образецъ, что было уже замѣчено его переписчикомъ; но, какъ это часто бываетъ съ подражателями, онъ не поминаетъ Продрома ни однимъ словомъ, тогда-какъ не скрываетъ своего близкаго знакомства съ древнѣйшими прозаическими романами, напр. съ Гелндоромъ; такъ, Каллидемъ не поминаетъ Дрозиллѣ, не совсѣмъ уместно, сколько страданій доставила Теагену любовь Арсаке и Хариклеѣ—любовь *Архе-мамеса* (очевидно, испорченное имя Ахеменеса)³. Нѣсколько ниже (398) онъ поминаетъ индійскій камень пантарбъ. Еще больше, чѣмъ «Эеіопивн» нравится автору романъ Лонга: тотъ-же Каллидемъ въ своей длинной деклараціи говоритъ о герояхъ Лонга (ibid. 439): «Отрокъ Дафнисъ и Хлоя соединились счастливымъ бракомъ; хотя Дафнисъ былъ только пастухъ, но пріятный (любовникъ), знакомый съ стрѣлами Эрота, платившій за любовь любовью, ничего незнавшій, кромѣ любви». Дѣвъ Хдоѣ оцъ съ колыбели былъ назначенъ въ товарищи. Золотой то былъ вѣвъ для любви!». Въ другихъ мѣстахъ Ни-

¹ Къ сожалѣнію, я не имѣлъ подѣ-рувами единственнаго изданія этого романа (*Гольмина*, 1625 г.) и говорю о немъ со словъ Фабриція и др.

² См. *Hirsch*. II. 1—69.

³ VI, 887: συνενυβει μοι τοῖς προλοίοις τῶν πάλας.

.. τὸν Ἀρσάκης ἐρωτα πρὸς Θεαγένην;

.. τὸν Ἀρχεμάουος πρὸς Χαρίκλειαν πόθον.

котась обвѣдываетъ романы, не ссылаясь на имена: III, 114 Эроть у него прониваетъ черезъ глаза и сжигаетъ внутренности (Геліодоръ); IV, 135 Эроть дѣйствуетъ и на растенія, и на камни: желѣзо, повинувась ему, бѣжитъ въ магниту (Ахиллъ Тацій); IV, 223 Харикль выдаетъ Дрозиллу за свою сестру (всѣ романы); V, 64 старая госпожа Харнцла, влюбившаяся въ него, собирается отравить своего мужа (Ксенофонтъ). Литературное образованіе автора не ограничивается одними романами; онъ почти выписываетъ съ легкими, но характерными изгибленіями извѣстную пѣсенку Анакреона: V. 149—159: «Природа дала рога бывамъ, копыта лошадямъ, быстроту ногъ робкиимъ зайцамъ... Дрозиллѣ, лишенной всего другаго, дала она въ защиту красоту»; красота ея побѣждаетъ и острое желѣзо и всепожирающій огонь. Въ той-же рѣчи Каллидема авторъ вспоминаетъ любовную исторію Циклопа и Галатеи (Theocг. ид. XI) и Геро и Леандра; послѣднее обстоятельство особенно важно, такъ-какъ Музей своею стихотворною любовною повѣстью долженъ былъ имѣть на Никетаса или Продрома, служившаго ему образцемъ, сильное вліяніе хотя бы своимъ примѣромъ.

Не только въ вышеупомянутыхъ частностяхъ, но еще болѣе въ планѣ Никетасъ — прямой наслѣдникъ Геліодора, Тація, Ксенофонта. Вотъ вкратцѣ содержаніе романа.

На восходѣ солнца во время праздника Діонимомъ нароюне приблизились къ городу Барзу съ намѣреніемъ захватить тѣхъ, кого найдутъ за воротами. Ихъ планъ вполне удался; между плѣнниками они захватили Харикла и Дрозиллу и отвели ихъ къ себѣ. Дрозилла дѣлается рабой Хризилли, жены начальника пареванъ, а Харикль томится въ тюрьмѣ; тамъ знакомятъ онъ съ товарищемъ по бѣдствію Клеамдромъ, который рассказываетъ ему свою исторію: онъ былъ влюбленъ въ Каллигону¹, переписывалъ

¹ Это второй любовникъ, интрига котораго и въ прозаическихъ романахъ по большей части разрѣшается несчастно.

ся, еѣ нею я уговоридь, еѣ бѣжать съ нимъ; въ Карзѣ попались они въ руки пареянамъ, но Каллигена успѣла скрыться въ миртовую рощу. Харикль рассказываетъ ему свою исторію: онъ родился во Фтш; во время праздника Діониса увидалъ Дрозиллу и влюбился въ нее; узнавъ, что ее хотять выдать за другаго, онъ уговорилъ ее бѣжать; по дорогѣ они попались въ руки пиратовъ, но счастливо освободились отъ нихъ и спаслись въ Барзу.

Начальникъ пареянъ Кратиль подарилъ Харикла своему сыну Клинію. Мать Клиніа Хризилла влюбилась въ Харикла, а Клиній въ Дрозиллу, которую считая сестрою своего раба; такимъ образомъ герои попадаютъ въ такую-же запутанную интригу, какъ Теагенъ и Хариклея, Исненій и Имена и др. Кратиль умеръ, отравленный женою, и герои поставлены въ необходимость удовлетворить страсти Хризиллы и Клиніа; но ихъ спасаетъ война: арабскій царь Хагъ¹ нападаетъ на столицу пареянъ; Клиній убитъ при взятіи города; Хризилла закололась. Герои и Клеандръ попадаютъ въ плѣнъ къ арабамъ. На пути вѣтвь вяза сорвала Дрозиллу съ повозки и бросила ее въ море (sic!), такъ что всѣ считали еѣ погибшею. Харикль громко выражаетъ свое отчаяніе; сжалившись надъ его горемъ, арабскій царь отпустилъ его вмѣстѣ съ Клеандрою на волю. Странствуя, они пришли случайно въ ту-же деревню, гдѣ скрывалась, спасшись отъ погони, Дрозилла; тамъ еѣ преслѣдовалъ своею любовью и длинными рѣчами вышеупомянутый Каллидемъ. Вѣнціе сны обѣщаютъ героямъ скорое свиданіе; наконецъ они встрѣтились въ домѣ доброй старухи, пріютввшей Харикла, и отправились въ Барзу, гдѣ ихъ ждетъ отецъ. По пріѣздѣ домой они повѣнчались; Клеандръ же умеръ съ горя, узнавъ о смерти Каллигоны.

¹ Хагъс. Струве (283 стр.) объясняетъ это имя, какъ Ehrentitel—шахъ (?).

Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Никетасъ — жалкій подражатель древнихъ (сравнительно) романистовъ: у него та-же стереотипная интрига, то-же напало *ex mediis rebus*; та-же попытка придать историчеевѣй характеръ роману и тѣ-же или еще большіе анахронизмы (у арабовъ 'ва щитахъ — изображение Геркулеса, ихъ царь спрашиваетъ рѣшенія у войска и цитуетъ слова Эпаминовда и т. д.). Избравъ стихотворную форму, онъ пренебрегаетъ не только вѣроятностью, но и ясностью: часто представляетъ догадываться о происшествіяхъ ивъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ (напр. I, 348) и вводитъ пѣсни въ вуплетахъ (II, 326). Полнѣйшее отсутствіе вкуса заводитъ его въ дебри нелѣпостей; любовникъ въ первомъ любовномъ письмѣ толкуетъ о Харонѣ, который не пощадитъ и первую красавицу (II, 169). «Много вещей на свѣтѣ прекрасныхъ, думаетъ герой, но нѣтъ ничего прекраснѣе дѣвушки, когда она просыпается въ полдень, покрытая пандами пота» (V, 15 и слѣд.); комическая фигура доброй старухи верхъ грубости и безобразія (VII, 281 и слѣд.).

Что касается до морали романа, не смотря на стремленіе автора остаться вѣрными своимъ языческимъ образцамъ, въ немъ видны слѣды безусловно-христіанскаго времени: греческая любовь втораго любовника уступила мѣсто любви естественной; герой не считаетъ возможнымъ предпочесть славу добродѣтели (V, 90); Дрозилу спасло, по ея словамъ, провидѣніе бога спасителя¹. Въ мнeологической системѣ видна искусственность: главнымъ божествомъ считается судьба (*Τύχη*, напр. I, 247); солнце называется то титаномъ, то гитантомъ. Кромѣ стихотворной формы и другихъ особенностей времени, романъ Никетаса отличается отъ прозаическихъ романовъ, преимущественно послѣднихъ, тѣмъ, что вмѣсто атамановъ разбойниковъ и скромныхъ горожанъ здѣсь дѣйствуютъ

¹ ἢ Θεοῦ πρόνοια τοῦ σωτηρίου (VII, 209). Правда, немного ниже этотъ спаситель оказывается Діонисомъ, царемъ земли.

цари парейанскій и арабскій. Это не случайное явленіе; здѣсь проявляется историческій заковъ, по которому обезсилѣвшая, одичавшая повѣствовательная поэзія литераторовъ-грамотниковъ невольно впадаетъ въ тонъ народныхъ сказокъ. Царей Никетаса нельзя приравнивать ни къ Артаксерксу Харитона, ни къ историческимъ лицамъ героическаго романа Европы, такъ какъ его цари безыменные или съ вымышленнымъ именемъ; одишь шагъ отдѣляетъ ихъ отъ царей тридесятаго царства, а съ аравитскимъ царемъ Амиромъ и др. они стоятъ на одной ступени.

Вліяніе народныхъ мотивовъ еще болѣе замѣтно на позднѣйшемъ стихотворномъ романѣ, который существовалъ еще въ XVI в., но затерялся, можетъ быть, не безвозвратно. Я разумѣю «Любовь Либистра и Родамны» неизвѣстнаго автора. Крузій въ своемъ комментаріи на Эіюпики (см. ниже), а въ Turco-Græcia стр. 489, 490 (Fabr. VI) излагаетъ его содержаніе. Либистръ христіанинъ, *латинскій царь* (sic!), странствуетъ въ печальномъ одиночествѣ, встрѣчается съ другимъ печальнымъ любовникомъ Клитсономъ и рассказываетъ ему свою исторію: онъ вначалѣ презиралъ любовь: потомъ «occasione venationis et somni» почувствовалъ ее въ сильнѣйшей степени. Въ сопровожденіи сотни служителей онъ отправился въ страну языческаго царя Хриза; послѣ двухъ-лѣтнихъ labores, victo Aegyptio rege Friderico, qui rivalis ejus erat, и обмѣнявшись съ дочерью царя Родамой многими письмами, которыя онъ пересылалъ къ ней въ замокъ на стрѣлахъ (слѣдовательно, она была изъ числа сказочныхъ заключенницъ), женился на героинѣ и былъ объявленъ наследникомъ престола; но происками Фридерика старая волшебница похитила у него жену. Онъ отправился на поиски съ 100 служителей и теперь разослалъ ихъ въ разныя стороны. Клитсофонъ рассказываетъ ему свою исторію: онъ родомъ изъ армянскихъ царей и отыскиваетъ свою двоюродную сестру Миртану, которая убѣжала изъ дому, не желая выходить замужъ за неца-

ннстнаго жениха. Либистръ и Клитофонъ согласились странствовать вдвоемъ; нашли волшебницу, которая похитила жену героя; сперва она обманула ихъ, но потомъ, благодаря ловкости Клитофона, героиня возвращая мужу. Супруги возвращаются въ Аргирокастръ (столицу отца Родамиш), гдѣ Клитофонъ женится на сестрѣ героини.

На-сколько видно изъ этого враткаго изложенія, поэма представляетъ любопытнѣйшее слияніе двухъ сказочныхъ темъ (добыванія невѣсты и отысканіе похищенной жены) съ греческимъ романомъ; съ которымъ ее связываетъ и начало *ex mediis rebus*, и имена (напр. Клитофона) и второй любовникъ съ несчастною интригой. Уже одной близости къ народной повѣсти достаточно, чтобы отнести эту поэму къ болѣе позднему времени, чѣмъ предшествующая; имя Фридерика и встрѣчающаяся въ зват. падежѣ форма *σκέλη* заставляеть Фабриція думать, что она возникла во времена латинской имперіи¹. Во всякомъ случаѣ крестовныя походы можно принять за *terminus a quo* этой поэмы.

Мѣщанскій языческій романъ Греціи съ цитатами изъ Гомера и трагиковъ, естественно, не могъ распространяться въ средневѣковой Европѣ; но поэмы въ родѣ «Любви Либиистра и Родамиш», если случай заносилъ ихъ на западъ и востокъ, могли пустить тамъ глубокіе корни; мы имѣемъ тому фактическое доказательство въ исторіи знаменитаго Аполлонія Тирскаго. Я не имѣю ни времени, ни необходимости говорить подробно объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ произведеніи, такъ-какъ исчерпать этотъ предметъ можно только въ особомъ изслѣдованіи и такъ-какъ до насъ не дошелъ греческій оригиналъ его: но позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся исключительно его отношенія къ аротическимъ греческимъ романамъ.

¹ Ibid. Fortasse illo tempore exstitit, quo Germani, Galli et Veneti Constantinopolin per Flaurenses rexerunt.

Нѣтъ сомнѣнiя, что мы владѣемъ позднею передѣлкою сравнительно древняго (раньше IX в.) греческаго романа приключенiй, авторъ котораго обладалъ вначительнымъ талантомъ и не вслѣдствiе бѣдности фантазiи, а сознательно обращался въ свѣтлому источнику народной поэзiи: не греческiя имена Argalio, Stranguilio (или Strongullio) и, можетъ быть, Lucina едвали принадлежать подлиннику; духъ христіанскаго благочестiя и явленiе во снѣ ангеловъ не вяжутся съ Меркуріемъ, Пріапомъ, Діаною и пр. Даровитый авторъ не пошелъ по избитой дорогѣ, не пользовался стереотипными приѣмами; риторская школа повліяла на него сравнительно мало: не длинными рѣчами, не водянистыми элегіями, а чисто эпическими чертами выражаетъ онъ страсти дѣйствующихъ лицъ. Онъ соединилъ тѣ-же сказочныя темы — добыванiе невѣсты и исканiе жены, что и неизвѣстный авторъ Либистра и Родамны, но первую представилъ въ дублетѣ, причѣмъ сватовство къ дочери Антиоха построено на совершенно народномъ мотивѣ — разрѣшенiи загадки и оставлено безъ конца, вторую же тему онъ осложнилъ искаженiемъ пропавшей дочери, въ исторiи которой опять-таки является народная тема — замараики: Тарсію притѣсняетъ, положимъ, не мачиха, а воспитательница, но мотивъ одинъ и тотъ же — зависть за родную дочь; состязанiе отца съ дочерью мудрыми загадками — также приѣмъ эпической поэзiи.

Несмотря на это изобиліе народныхъ приѣмовъ, не смотря на богатство собственной фантазiи, авторъ исторiи Аполлонiя Тирскаго находится подъ вліяніемъ эротическихъ романовъ; изъ нихъ заимствовалъ онъ многія подробности, которыя въ то время считались украшающими: любовь съ перваго взгляда, пиратовъ, кораблекрушенiе, похороны живой героини; памятникъ съ надписью надъ пустынь гробомъ, торжественную встрѣчу въ храмѣ Діаны и проч.

Съ нѣкоторою вѣроятностію можно сказать, что именно романъ Харитона' былъ извѣстенъ автору Аполлонія и повліялъ на него, такъ - какъ приготовленія къ убійству Тарсія, которая изъ-подъ ножа попадаетъ въ руки разбойниковъ, напоминаетъ исторію Антіа въ деревнѣ Манто; кромѣ того и Антіа и Тарсія выставлены на аукціонъ содѣжателями публичныхъ домовъ и хитростями избѣгаютъ безчестія.

Г Л А В А П.

Вліяніє греческаго романа на романъ нової Европы.

Степень вліянія извѣстнаго литературнаго произведенія или цѣлаго ряда произведеній на творчество послѣдующихъ поколѣній, при настоящемъ положеніи дѣла, прежде всего опредѣляетъ степень научнаго интереса къ изучаемому произведенію или виду. Относительно вліянія греческаго романа существуютъ два противоположныхъ взгляда; одинъ принадлежитъ людямъ прошлаго столѣтія, воспитанникамъ крайней классической школы; усматривая крѣпкую генетическую связь между наиболее блестящими произведеніями французской словесности и школою, они утверждали, что вся *Prosa* Франціи, а слѣдовательно и всей Европы, такъ-же тѣсно связана съ древнимъ романомъ, какъ французскій театръ съ древнею трагедіей: «древнія басни милезійскія заключаютъ въ себѣ зародыши вашихъ сказокъ; романы о *Teagenis* и пр. служили образцемъ для нашихъ романовъ любовныхъ, героическихъ и пастушескихъ; сатира Петронія дала намъ идею сатирическаго романа; исторія Апулея, можетъ быть, породила романы конические и буржуазные, а нашимъ духовнымъ романамъ навѣрно образцемъ служить романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ; политическіе же наши романы порождены Киропедіей». Такъ говоритъ редакторъ «*Bibliothèque universelle des romans*»¹, и на основаніи такого мнѣнія онъ въ первыхъ томахъ на первомъ мѣстѣ помѣщаетъ «*anciens romans*

¹ 1 т. 1775 г. Discours préliminaire.

grecs et latins». Совершенно иначе смотритъ на дѣло изслѣдователь нашего времени Ломени¹: «Всѣ эти греческіе романы въ западной Европѣ стали извѣстны очень поздно; поэтому на романическую литературу Франціи они совсѣмъ не имѣли того вліянія, которое безъ всякаго основанія приписываетъ имъ Гюэ». «Романическій идеаль всегда можетъ быть возведенъ къ первоначальному типу — рыцарской эпопее, и самый фяблю не что иное, какъ ея видоизмѣненіе». Въ его глазахъ, какъ оказывается дальше, герои Астри, М-Ше Скюдери и даже Вальтера-Скотта — прямыя потомки Роланда.

Ясно, что такое крайнее мнѣніе есть продуктъ реакціи ученаго романтизма противъ ученаго псевдоклассицизма. Обрадованные неожиданною находкой французской національной эпопеи, негодуя на долго тяготѣвшее надъ ними иго классиковъ, французскіе историки литературы увлеклись за предѣлы вѣроятнаго. Тѣмъ не менѣе мнѣніе Ломени принадлежитъ къ числу наиболѣе ходячихъ; его распространенностью (хотя не въ столь рѣзкихъ формахъ и безъ указанія родственной связи героев Скюдери съ Роландомъ) можно отчасти объяснить то невниманіе, которое оказываютъ въ настоящее, особенно благопріятное для изслѣдованія Prosa-dichtung, время къ греческимъ романамъ.

Такъ ли поздно стали извѣстны въ западной Европѣ греческіе романы, какъ думаетъ Ломени? Начну съ изданій текстовъ². Романъ Геліодора сталъ извѣстенъ раньше другихъ; 1-е изда-

¹ Revue des deux mondes. 1857. Déc. La littérature romanesque, стр. 603; «Tous ces romans grecs n'ont été connus que fort tard dans l'Europe occidentale et par conséquent n'ont point exercé sur la littérature romanesque de notre pays l'influence, que Huet leur attribue très gratuitement». 605: «l'idéal romanesque peut toujours être à un type primitif, celui de l'épopée chevaleresque, dont le fabliau lui même n'est qu'une derivation (sic!).»

² См. Graesse, Trésor de livres rares et précieux. 1858 — 1866; примѣчанія у Шелля, D—L, Фабриція 7. VI и пр.

ніе его вышло въ 1534; въ 1551 г. была издана отдѣльно 1-я книга; 2-е полное изданіе вышло въ 1596 г. (Commelini); въ 1601 г. вышло въ Лионѣ изданіе текста съ латинскимъ переводомъ Варшевицваго; 1619 г. — 4-е изданіе (Bourdelotii); 1631 г. — 5-е (Dav. Parei); 1772 г. — 6-е (Schmidii); въ 1799 г. — 7-е (Mitscherlich)¹.

1-е изданіе текста Ахилла Тація явилось въ 1601 году вмѣстѣ съ Лонгомъ и Партеніемъ; въ 1640 году вышло изданіе Салмазія, а въ 1776 г. Бодена.

Текстъ Ксенофонта вышелъ въ 1-й разъ въ 1726 г. вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ; онъ былъ перепечатанъ съ прибавленіемъ двухъ новыхъ переводовъ въ 1781 г.; 3-е изданіе явилось въ 1793 г. въ Вѣнѣ и тамъ-же въ 1796 изданіе Лоцеллы.

Романъ Харитона сталъ извѣстенъ позднѣе всѣхъ другихъ; хотя еще Монфоконъ (1665 — 1741) обратилъ на него вниманіе, текстъ его вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ появился въ первый разъ въ 1750 г.; 2-е изданіе съ незначительными прибавками къ тексту вышло въ 1783 году.

Текстъ Эвматія до конца прошлаго столѣтія былъ изданъ 3 раза: въ 1617 г. въ Парижѣ, въ 1791 году въ Вѣнѣ и въ 1792 г. въ Лейпцигѣ.

Лонгу, какъ и Геліодору, посчастливилось болѣе другихъ: его текстъ вышелъ въ первый разъ во Флоренціи въ 1598 г.; въ 1601 г. онъ былъ изданъ вмѣстѣ съ Ахилломъ Таціемъ; въ 1605 вышло изданіе Юнгермана; въ 1660 — Молля; въ 1754 — Неольма; за-тѣмъ слѣдуютъ изданія: 1755, 1776, 1777, 1778, 1786, 1794 годовъ.

И такъ, до конца XVIII столѣтія можно насчитать тридцать одно изданіе текстовъ шести эротичесвяхъ греческихъ романовъ;

¹ Новыхъ изданій, преслѣдующихъ исключительно ученія цѣли, я приводить не буду.

это число распределяется между ними неравномерно: на Геліодора приходится 8 изданій, на Лонга — 11.

Уже эти довольно почтенныя цифры свидѣлствуютъ противъ Ломени и др., въ-особенности если принять въ соображеніе, что эротическіе романы не могли предназначаться для школяровъ и что стиль романовъ хороше только сравнительно. Начало XVII столѣтія, конецъ и даже 1-я половина XVI нельзя считать слишкомъ позднимъ временемъ для того, чтобы греческіе романы могли оказать вліяніе на французскій; но есть аргументъ и болѣе сильный.

Какъ бы ни было сильно вліяніе, оказываемое содержаніемъ памятниковъ классической литературы на людей новой Европы, вліяніе ихъ формы еще сильнѣе; изящество формы было лозунгомъ возрожденія, и *изданія* задолго предшествовали *переводамъ* и *передѣлкамъ*; какъ бы ни были распространены переводы Попе или Фосса, все же въ Англіи и Германіи больше расходится текстовъ Гомера; ясное доказательство, что классики — достояніе аристократіи образованія, и на толпу могли вліять только черезъ посредство этой аристократіи. Греческій романъ въ иномъ положеніи: его переводы и передѣлки предшествовали изданіямъ или слѣдовали за ними съ изумительною быстротою, и при всемъ своемъ ничтожествѣ онъ обогналъ въ ранней популярности Софокла и Горація.

Черезъ 15 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ текста Геліодора, въ 1549 г. вышелъ его французскій переводъ Амю, который до 1583 выдержалъ 4 изданія и способствовалъ славы переводчика болѣе, чѣмъ его знаменитый Плутархъ¹. Въ 1551 г. вышелъ латинскій переводъ Варшевицкаго и тѣмъ облегчилъ дѣло другимъ переводчикамъ на новые языки; въ 1554 г. вышелъ переводъ испанскій, въ 1556 итальянскій, въ 1577

¹ Переводъ романа «*ipsi abbatiam conciliasse dicitur*. Fabr. VI, 877.

г. англійскій, въ 1578 нѣмецкій переводъ въ *Buch der Liebe*; въ 1580 нѣмецкій отдѣльно; въ 1584 латинское изложе-
ніе *Martini Crusii*; въ 1623 г. другой французскій переводъ; въ 1727 г. — третій; въ 1622 г. — другой англійскій; въ 1638 г. — третій (стихотворный!), въ 1686 г. — четвертый, въ 1789 г. — пятый; въ 1606 г. въ Вильнѣ вышелъ польскій пере-
водъ; въ 1722 г. — второй испанскій; въ 1557 г. 5 книгъ въ итальянскихъ стихахъ. Не всякій классикъ можетъ похвалиться такою быстрою популярностію.

Переводы Ахилла Тація больше чѣмъ за полстолѣтія предше-
ствуютъ изданію текста. Въ 1544 г. Авнибаль делла Кроче (*Crispejus*) издалъ латинскій переводъ четырехъ послѣднихъ книгъ; черезъ два года Дольче перевелъ ихъ на итальянскій. Скоро на-
шли полную рукопись, и въ 1550 г. Angelo Coschi издалъ итальянскій переводъ всего романа, много разъ переизданный; въ 1554 году della Croce дополнилъ свой латинскій переводъ пер-
выми книгами; по смотря на это, въ 1556 году въ Лионѣ вы-
шелъ переводъ только послѣднихъ книгъ подъ такимъ харак-
тернымъ заглавіемъ: *Les quatre derniers livres des propos amoureux, contenant les discours des amours et mariage du seigneur Clitophon et Damoiselle Leucippe par Roquetaure*. Только въ 1568 году вышелъ полный французскій переводъ; въ 1590 г. вышелъ переводъ англійскій; въ 1625 — второй фран-
цузскій; въ 1635 — третій французскій; въ 1638 — второй англій-
скій; въ 1733 переизданъ одинъ изъ прежнихъ французскихъ пе-
реводовъ; въ 1734 г. вышелъ новый вольный переводъ француз-
скій; въ 1772 и 1782 гг. явились два нѣмецкихъ перевода. И
такъ, на 3 изданія приходится 12 переводовъ; изъ нихъ нѣко-
торые переиздавались не одинъ разъ.

Романъ Ксенофонта также появился впервые въ переводѣ (по
итальянски) за три года до выхода въ свѣтъ текста; кромѣ того
извѣстны три итальянскіе перевода (1757, 1792 и 1794 гг.);

одинъ англійскій (1727 г.), два французскихъ (1736 и 1734 гг.); три нѣмецкихъ (1775, 1777 и 1798 годахъ).

Латинскій переводъ Харитона вышелъ вмѣстѣ съ текстомъ въ 1750 году; черезъ два года явился итальянскій переводъ; въ 1764 г. съ него сдѣланъ англійскій въ 1753 г. въ Лейпцигѣ вышелъ нѣмецкій переводъ Гейне¹, а черезъ 10 лѣтъ романъ былъ уже переведенъ въ Россіи Иваномъ Акимовымъ (съ нѣмецкаго).

Романъ Эвматія еще въ XVI столѣтіи обошелъ въ переводахъ Италію, Францію и Германію: съ итальянскаго перевода Lilio Sagani (1550 г., перепечатанъ въ 1560 и 1566 годахъ), Геронимъ д'Або де Лаваль въ 1582 г. сдѣлалъ французскій переводъ (Парижъ); но еще въ 1559 году въ Лионѣ былъ изданъ переводъ, сдѣланный Жаномъ Лово. Первый нѣмецкій переводъ явился въ 1573 году² (перезданъ или вновь переведенъ въ 1610 г.); второй — въ 1663 г., третій въ 1778.

Переводъ Лонга, сдѣланный Амю, появился почти за 40 лѣтъ до изданія текста въ 1559 г. и былъ перезданъ въ 1594, 1718, 1731, 1745 и 1800 годахъ; второй французскій переводъ въ 1578 году, третій — въ 1626, переводъ Амю в Камуса — въ 1757 г., пятый французскій — въ 1783, шестой — въ 1787, седьмой — въ 1798 году; первый нѣмецкій переводъ въ 1615, второй нѣмецкій въ 1765 году; первый англійскій — въ 1657, второй въ 1783 году; первый итальянскій — въ 1643, второй — въ 1766, третій — въ 1786. году (перепечатанъ въ 1793 г.). И такъ, на 11 изданій мы, не считая передѣлки Гамбары и другихъ, имѣемъ 14 переводовъ въ 20 изданіяхъ.

Въ этой, безъ сомнѣнія, неполной статистикѣ изданій и переводовъ я обращаю вниманіе читателя на слѣдующее интересное

¹ Chereas und Kallirrhoe, oder die Folgen der Eifersucht.

² Histori von der Lieb des Jünglings Ismeni vnd der Jungfrauen Ismene. Strasburg.

обстоятельство. Съ первой половины XVI вѣка европейской публикѣ становятся извѣстными три романа, служащіе представителями трехъ разныхъ типовъ: романъ Геліодора, приближающійся къ героическому роману новой Европы; романъ Тація, напоминающій своимъ нравственнымъ индифферентизмомъ и комическими сценами распространенную новеллу и плутовской романъ; и наконецъ романъ Лонга—реальный романъ изъ жизни маленькихъ людей. Ихъ изданія и переводы распредѣляются по столѣтіямъ далеко неравномѣрно: Геліодоръ, судя по выше приведеннымъ цифрамъ, въ XVI столѣтіи имѣлъ три изданія текста и 11 (изъ 18) изданій переводовъ, а въ XVIII столѣтіи два изданія текста и два перевода; Таціи приблизительно въ такомъ-же положеніи: изъ 12 переводовъ на XVI столѣтіе приходится 7; на XVIII—4¹. Положеніе Лонга обратное: изъ числа 11 изданій текста на XVI столѣтіе приходится одно, на XVIII—семь; изъ 20 изданій переводовъ на XVI столѣтіе приходится только 3, на XVIII—12.

Въ вышеприведеннымъ голымъ цифрамъ считаю не лишнимъ присоединить нѣкоторые прииѣчанія касательно переводовъ и передѣлокъ, представляющихъ почему-либо особый интересъ.

Книга лювви (*Buch der Liebe*, 1578 г.), въ которой явился первый, извѣстный намъ, переводъ Геліодорова романа, дала ему мѣсто между произведеніями средневѣковой романтики; въ ней греческому роману предшествуютъ: императоръ Октавіанъ, Магелона, Тристранъ, Флёръ и Вланшфлёръ; за нимъ слѣдуютъ Мелюзина, Вигалуа и пр. Длинное заглавіе книги, приводимое Губомъ², замѣняетъ собою предисловіе и показываетъ, какъ издатель смотрѣлъ на собранные имъ романы, въ обществѣ кото-

¹ Таково-же положеніе Эвматія: изъ 6 переводовъ на XVI столѣтіе приходится 4, на XVIII—1.

² *Hüb*, Die komische und humoristische Literatur der deutschen Prosaisten. Nürnberg. 1856. I, 405.

рнхъ явились Теагенъ и Хариклея, какой пользы и удовольствія могли ожидать отъ нихъ читатели. Книга, по словамъ его, заключаетъ въ себѣ «прекрасныя и величественныя исторіи, всякого рода примѣры, откуда можно узнать объ обоихъ родахъ любви: любви честной и незаконномъ прелюбодѣяннѣ; читатель увидитъ, какъ эта страсть овладѣвала настари людьми высшаго и низшаго сословія; какія оттого на долю имъ выпадали удивительныя приключенія, угрожавшія ихъ жизни, нова они наконецъ, по волѣ судьбы, достигали счастливаго или несчастнаго конца». Оттуда же узнаютъ читатели, какъ слѣдуетъ держать себя, чтобы достигнуть чести при дворѣ; какъ непрочно земное счастье; какъ во всѣхъ дѣлахъ добродѣтель и благочестіе получаютъ награду. Читать эту книгу «пріятно и занимательно всѣмъ лицамъ высшаго сословія, стремящемуся въ почестямъ дворянству, дамамъ и дѣвицамъ, а также и всякому простому человѣку, такъ-какъ отсюда познать можно близкое родство любви и страданій, удивительныя колдовратности спасенія и несчастія и могучую помощь Бога въ нуждѣ». Читатели могутъ руководствоваться примѣрами героевъ и вести себя сообразно имъ, если встрѣтятся въ жизни подобныя же обстоятельства.

И такъ, позднѣйшія редакціи рыцарскихъ романовъ и романъ греческій соединились въ одну книгу потому, что и тамъ и здѣсь на первомъ планѣ стоитъ одна и та-же страсть—любовь и описываются приключенія, ею обусловливаемыя. Согласно этому, Іоаннъ Фишартъ¹ называетъ свой переводъ романа Эвматія: *Ismenius oder ein Vorbild stæter Liebe* (1573). Въ перепечаткѣ 1594 года онъ присоединяетъ: *ein nothwendige Anweisung und Vorbericht in Lesung folgender lieblicher Histori von stæter Liebe des Ismenij und der Ismene, was daraus zu lehrnon und wie das Regiment der Liebe zuerkennen.*

Интересный взглядъ на романъ Геліодора высказываетъ въ

¹ *Goedecke, Grundrisz, стр. 388.*

своемъ изложеніи Мартинъ Крузіи¹; онъ остановился на Геліодорѣ *partim, ut animum jucundissima lectione a laboribus reficeret, partim ut rursus suam modicam graecae linguae facultatem ex eloquentissimo scriptore aleret*. Главное достоинство Геліодора въ его глазахъ!— удивительное разнообразіе прекрасныхъ и полезныхъ вещей и расположеніе ихъ въ чрезвычайно искусномъ порядкѣ; только въ концѣ все разбросанное соединяется вмѣстѣ. Разсказъ не слѣдуетъ порядку времени, но среднее стоитъ на первомъ мѣстѣ, а первое по срединѣ, во вѣдствіе чего происходитъ нѣкоторое остроумное замѣшательство (*ingeniosa confusio*); и вслѣдствіе этого читатель постоянно внимателенъ; въ этомъ отношеніи Геліодоръ походить на Гомера и Виргилія. Геліодоръ приноситъ читателямъ пользу прежде всего потому, что здѣсь видна *providentia et bonitae divina*, что въ концѣ порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ; въ Гидаспѣ мы видимъ идеаль царя; по всему разсказу разсыяны *graves sententiae*. Удовольствіе Геліодоръ приноситъ искусно вставленными эпизодами, частыми переходами отъ надежды къ страху и обратно и искусными описаніями: Крузіи увѣренъ, что, начавъ читать этотъ романъ, нельзя отложить его, не дойдя до конца. Онъ полагаетъ, что Цицеронъ наслаждался этимъ романомъ, такъ-какъ въ одномъ письмѣ говорить, что читателю больше всего доставляютъ наслажденія *temporum varietates fortunaequae vicissitudines*. Свое изложеніе Крузіи сопровождаетъ любопытнымъ комментариемъ; для сравненія съ частностями романа онъ

¹ *M. Crusii Aethiopicæ Heliodori historiae epitome. Cum observationibus ejusdem. Эпиграфъ: Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci. Ejusdem de parentibus suis narratio* (одна изъ интереснѣйшихъ вультурно-историческихъ картинъ эпохи первыхъ религиозныхъ войнъ послѣ реформации). *Cum indice copioso. Francofurti. Excudebat Johannes Wechelus, impensis Bernardi Jobini. 1584.* Но по словамъ посвященія графамъ Тюбингенскимъ, изложеніе это составлено было еще 34 года назадъ.

читуетъ Ахилла Тація, втораго зналъ въ переводѣ Аннибала делья Кроче, поэму о Либистрѣ и Родамнѣ, Эвматія (въ латинскомъ переводѣ), Аріосто, Боардо, Декамеронъ (стр. 219), Амадиса во французскомъ переводѣ, Histoire Milles et Amys¹, Петра Золотые ключи, котораго онъ называетъ Petrus ὁ ἀργυροκλεις, для доказательства той мысли, что отъ любви можно заболѣть, и др. Онъ подтверждаетъ нѣкоторые рассказы фیزیологовъ и высказываетъ искреннюю увѣренность, что священникъ Іоаннъ царствуетъ въ Эоіоніи. Камень *пантарбъ* онъ производитъ отъ *πάντα τασκεῖν*, т. е. все поражать, опредѣляетъ его какъ ein verzauberter Stein mit Charakteren и сличаетъ съ нимъ эпическій камень, измѣняющій свой цвѣтъ при несчастіи друга.

Я остановлю вниманіе читателя на нѣкоторыхъ французскихъ переводахъ, такъ-какъ они наиболѣе способствовали популяризаціи греческихъ романовъ. Одинъ изъ самыхъ раннихъ и самый заслуженный въ этомъ отношеніи переводчикъ, безъ сомнѣнія, Жакъ Апіо². Успѣхъ его переводовъ объясняется между

¹ Стр. 171, для доказательства того, что jamais couart peut belle amue.

² Онъ родился въ 1513 году и юношей пришелъ въ Парижъ, гдѣ слушалъ лекціи во вновь основанной Collège de France; по довольно распространенному обычаю того времени, онъ добывалъ средства къ жизни, исполняя должность слуги при богатыхъ студентахъ. Скоро получилъ онъ кафедру латинскаго и греческаго языковъ. Одинъ изъ первыхъ его трудовъ былъ переводъ Теагева и Хариклея; уже за нимъ слѣдовалъ знаменитый переводъ Плутарха. Францискъ I наградила его труды аббатствомъ; на тридентскомъ соборѣ онъ защищалъ интересы короля, доказывая цитатами, что слово *conventus* употреблено королемъ вм. *concilium* вполне умиѣстно; потомъ онъ былъ воспитателемъ сыновей Генриха II, получилъ еще 2 аббатства и былъ слѣданъ епископомъ оксер-

прочихъ тѣмъ, что Амю не рабски передавалъ смыслъ отдѣльныхъ словъ текста, но првнравливалъ подлинникъ къ духу своего языка, дополнялъ и объяснялъ неудачныя мѣста. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Греческое обращеніе: ὃ ὑλοκῆαι онъ всегда (напр. I, 2; II, 4 и др.) передаетъ выраженіемъ французскихъ романовъ: о doulsє amie; не вполне удачное выраженіе 1-й главы: ἀνδρες ἑνοπλοὶ ληστρικοὶ онъ переводитъ: une troupe d'hommes armez et embastonnez à la façm des brigandz (впрочемъ есть варьянтъ см. Hirsch. XVIII: ἐν ὄπλοις ληστρικοῖς). Авторъ въ той-же 1-й главѣ заставляетъ разбойниковъ, стоящихъ на горѣ, видѣть у берега трещащія тѣла, покалы и проч. Чувствуя неловкость ото пассажа, Амю выраженіе: ἐπὶ τὸν πλησίον αἰγιαλὸν τῆ θεία κατήγοντο — переводитъ: ils descendirent au prochain rivage, pour voir aussi s'il y auroit rien à voler. Аѳинскій терминъ отца Квемова elz τοὺς Φράτορας καὶ γεννητὰς εἰσαγαγὼν Амю передаетъ: je le fis immatriculer. Въ подлинникѣ (II, 13) кратко сказано, что, увидавъ нагаго Термутиса, Хариклея изъ страха и стыдливости удалилась внутрь пещеры; Амю прибавляетъ: pour autant qu'elle eut honte de voir ce spectacle mal seant aux yeux d'une pucelle de regarder un homme tout nu. Въ той-же книгѣ (гл. 19) Амю прибавляетъ фразу, на которую нѣтъ и намека въ подлинникѣ: qui (драгоценныя кубки и прекрасныя женщины) sont les pris des tournois et des combatz¹ и т. д. Не менѣ произвольныхъ перемѣнъ любопытно и предисловіе Амю; въ немъ онъ высказываетъ глубокое презрѣніе къ рыцарскимъ романамъ,

скимъ; ум. въ 1593 г. См. объ немъ: *La Croix du Maine*, Bibliothèque française «Amyot» и *Essai sur Amyot et les traducteurs français du XVI siècle. précédé d'un éloge d'Amyot par Auguste de Blignyeres*. Paris. 1851.

¹ См. Notes въ Collection des romans grecs. 1822.

которые занимали въ его время искавшую въ книгахъ раввмече-
ніа публику; это, по его словамъ, *plustost songes de quelque
malade resvant en fievre chaulde, qu'inventions d'aucus hom-
me d'esprit et de jugement*¹; главныя достоинства Геліодорова
романа: *beaux discours tirez de la philosophic naturelle et mo-
rale, force dictz notables, et propos senteneieux* и искусно со-
ставленныя рѣчи; страсти чelовѣческія изображены вѣрно дѣй-
ствительности, но въ то-же время съ такою *honesteté*, что ро-
манъ ни въ конѣ не возбудитъ желанія поступать дурно, такъ-какъ
всѣ дурныя и недозволенныя страсти имѣютъ дурной исходъ.
Но выше всего въ глазахъ переводчика диспозиція: *il commence
au mylieu de son histoire comme font les poëtes heroïques: ce
qui cause de prime face un grand esbahissement aux lecteurs,
et leur engendro un passioné desir d'entendre le commencement*
и т. д. Понятно, что и Крузій и Амю² въ этомъ случаѣ
противупоставляли произвведеніе Геліодора средневѣковому ро-
ману, который вышелъ изъ еваеки или народной пѣсни, не отре-
вевшихся къ эффекту. Больности Амютова перевода вовсе не
свидѣтельствуютъ о наивности XVI столѣтія, такъ-какъ и два
вѣка спустя во Франціи съ греческими романами обращались
ве лучше. Въ 1733 г. вышелъ переводъ Ахилла Тація, сдѣлан-
ный Де-Каеетерой². Переводчикъ въ предисловіи объявляетъ,
что онъ счелъ нужнымъ накинуть покрывало на нѣкоторыя
слишкомъ смѣлыя сцены, такъ-какъ *poes avons le coeur cyni-
que, mais nos oreilles. et nos yeux sont chastes*; онъ лучше

¹ Хотя эти романы не остались безъ вліянія на его вкусъ: онъ, нѣсколько ниже, считаетъ недостаткомъ романа отсутствіе *gran-
deur*, проявляющееся въ томъ, что герой не совершаетъ *nulz me-
morables exploitz d'armes*.

² *Les amours de Leucippe et de Clitophon: traduits du grec
d'Achile Tatius avec des notes historiques et critique. Amsterd.*

жсляетъ заслужить названіе плохаго переводчика, чѣмъ онаснаго писателя. «Я всегда думалъ, говорить оцъ, что этой методы (измѣнять и выпускать) въ-правѣ придерживатья переводчнкъ любовной книги (*livre galant*), единственная цѣль которой— доставлять удовольствіе»¹. Въ виду этой условной нравственности нашего времени, переводчикъ измѣнилъ любовь Клиніа къ юношѣ въ дружбу и попытался объяснить ея поразительную силу: *leurs naturels étoient parfaitement assortis; c'étoit chez l'un et l'autre même goût pour le plaisir et même aversion pour l'humilité* (стр. 23). Но не съ одною этою цѣлю дѣлаетъ переводчикъ перемѣны: большею частію онѣ объясняются стремленіемъ замѣнить особенности греческаго нѣровоззрѣнія духомъ французскаго романа. I, 1 подл.: «Длинный рассказъ ты вызываешь, свазалъ онъ: мои приключенія похожи на сказку». «Не замедли, дорогой мой, еказалъ я, ради Зевеса и самого Эроса разсказать ихъ (свои приключенія) мнѣ, хотя бы и походили они на сказку». Пер.: «*Mes aventures sont si singulières, que le récit vous en paratra fabuleux; ce discours ne fit que redoubler ma curiosité: au nom de Jupiter, poursuivis-je avec empressement, au nom de l'amour même ne me refusez pas la satisfaction que j'attens de votre complaisance; quelque merveilleuse que soit votre histoire, votre bouche l'accréditera*». IV 15, Клитофону докладываютъ, что одинъ человекъ за излѣчение Левкиппы просить 4 монеты; «да наградишь тебя судьба за твою услугу, отвѣчаетъ онъ: приведи его». Пер.: «*Je lui donnois ma vie s'il l'exigeoit*» и т. д.

Французскій переводъ, сдѣланный черезъ годъ, прямо въ главѣи называетъ себя *вольнымъ* (*Les amours de Clitophon et*

¹ Въ томъ-же предисловіи онъ признается, что заимствоваль у Ахилла сцену принесевія Левкиппы въ жертву для своего *Théâtre des passions et de la fortune*.

do Leucippe, traduction libre d'Achilles Tatius avec des notes par le Sieur D^{***} D^{***}. Paris). Онъ, уже нисколько не стѣсняясь, измѣняетъ цѣлыя главы.

Переводчикъ Эвнатин, помѣстившій «Любовь Исмены и Исменія» въ X т. джонсваго изданія Billiothèque de sampragne (стр. 338), въ предисловіи обращаясь въ М^{ме} L. C. D. F. B. говоритъ: «Vous serez obéie.... je change, j'ajoute, se retranche; j'évite des fautes, j'en fais de nouvelles: vous gagnerez d'un côté, vous perdrez de l'autre». Онъ добавляетъ новыми подробностями описаніе города; за-то совращаетъ описаніе аллегорическихъ картинъ. Онъ значительно измѣняетъ характеры героевъ: выпускаетъ всѣ сцены въ родѣ нажиманія ноги, щекотанья и пр., которыя унижали героиню въ глазахъ современныхъ переводчику писателей; онъ заставляетъ героя выразить свою любовь цѣлованіемъ руки Исмены вмѣсто слишкомъ дерзкаго поцѣлуя въ лице. Самый характеръ любви измѣненъ: въ подлинникѣ это чувство овладѣваетъ героемъ внезапно, по волѣ Эрота; во французскомъ переводѣ она приходитъ постепенно, психологически. Переводчикъ увичтожаетъ млеологическія и повтичесія украшенія, вводя современную ему манеру рѣчи; наприм.: Исменій подлинника, услышавъ о необходимости покинуть домъ Состена, такъ выражаетъ свои чувства: «я, клянусь богами, думалъ, что ввергаюсь въ адъ и, говоря поэтически, ввусиль отъ хладнаго Гадеса»¹. Французскій пер.: La foudre, qui tombe avec fracas aux pieds d'un voyageur surpris par les ténèbres, l'étonne moins que ne m'étonnèrent ses funestes paroles. Sans voix, sans mouvement je crus, que la mort de sa faux cruelle m'avait précipité au fond du Tartare.

Передо мной французскій переводъ романа Ксенофонта: Les Ephesiaques de Xenophon Ephesien ou les amours d'Anthie et

¹ κρηρῶν ἐλευβριν Ἄτταο. IV. 2.

d'Abrocomas traduits en François. A Paris, chez Pierre Bauche, 1736 г.; съ первыхъ же строкъ начинаются прибавленія и измѣненія: авторъ ничего не говоритъ о матери героя; въ переводѣ: она «ne cédoit à son époux ni en noblesse ni en fortune». *Красивѣйшій* юноша обращается въ un jeune homme des plus accomplis и т. д.

Эти произвольныя измѣненія и приспособленія греческихъ романовъ ко вкусу современниковъ ясно доказываютъ, что переводчики вѣли въ виду не избранную публику, желавшую познакомиться съ греческой жизнью, но массу, искавшую интереса въ приключеніяхъ, въ фабулѣ романа, къ какой бы націи ни принадлежали его герои; ко вкусу той-же публики приноровлялись и оригинальные романисты Франціи.

Популярность греческихъ романовъ еще яснѣе доказывается многочисленными стихотворными передѣлками. Въ то время, когда прозой писались только шутливымъ, не удостоивавшіяся серьезнаго вниманія новеллы да разеужденія, почитатели греческихъ романовъ, воспитанные на *Виргиліи* и *Гомерѣ*, считали возвышенные сюжеты романовъ достойными лучшей формы. Поваати романы хранились еще въ рукописяхъ, иной небогатый темами поэтъ не прочь былъ воспользоваться сюжетами на своей страхъ.

Въ 1569 году романъ *Лонга* появился въ латинской стихотворной передѣлкѣ *Лаврентія Гамбары*¹; она посвящена кардиналу *Антонию Гранвеллѣ*; ни въ этомъ посвященіи, ни въ краткомъ послѣсловіи, ни въ самомъ разсказѣ *Гамбара* не упоминаетъ о томъ, что заимствовалъ сюжетъ у *Лонга*. Впрочемъ надо замѣтить, что передѣлка эта никоимъ образомъ не можетъ

¹ Antwerp. Въ 1601 году приложенъ къ изданію *Коммелина*. Въ 1787 эта передѣлка перепечатана *Воденомъ* въ его изданіи *Лонга* стр. 517—602; въ этомъ изданіи я и пользовался ею.

быть названа перефразировкой, переложением или изложением: Гамбара изменил не только форму, но и къ сюжету отнесся очень самостоятельно. Во-первыхъ, сильная языческая окраска: вѣщія сны, непосредственное участвіе нимфъ и Пана въ судьбѣ героевъ, благодарственные жертвоприношенія богамъ, рассказъ стараго пастуха про явленіе Эрота и его вліяніе на развитіе юной страсти героевъ и пр. — стерты совершенно; вслѣдствіе этого мѣстами явились пробѣлы, которые Гамбара не сумѣлъ скрасить; такъ напр. въ романѣ Дафнисъ получаетъ отъ Дріаса согласіе на бракъ съ Хлоєю, благодаря кошелекъ съ деньгами, указанному ему во снѣ богами; Гамбара выкинулъ этотъ эпизодъ, и читателю непонятно, какія надежды можетъ питать герой, ожидая пріѣзда господина, когда аргументъ Ламона — что Дріасъ не отдастъ дочь ва такого бѣдняка — остается во всей силѣ. Далѣе, Гамбара очистилъ сюжетъ отъ всего шокирующаго цѣломудріе кардинала и читателей, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишилъ романъ всего его внутренняго содержанія: опутивъ купанье Дафниса, споръ его съ Доркономъ, поцѣлуй Хлои¹, впечатлѣніе, произведенное ва героя купаньемъ Хлои, ихъ напраснымъ стараніемъ успокоить волнующую ихъ страсть, онъ отнялъ у романа его психологическій интересъ, реальность, нелишенную своего рѣда комизма; его герои — самые обыкновенные любовники, восплаищіе другъ къ другу страстию, по неизвѣстной причинѣ, и награжденные за постоянство бракомъ. Вычеркнувъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ паразита Гнатона, онъ удовлетворилъ чувству приличія, но за-то лишилъ романъ одного изъ самыхъ живыхъ лицъ и, кромѣ того, оставилъ читателя въ недоумѣніи: почему Ламонъ такъ боится, что Дафниса возлюбятъ

¹ Впрочемъ, этотъ пропускъ можно объяснить тѣмъ, что Гамбара имѣлъ педъ-руками неполную рукопись (съ пропускомъ 1, 13—17), и купанье Дафниса и пр. было ему неизвѣстно.

въ городъ, и какъ надѣется онъ помочь этому горю, предъ-
явивъ найденныя при немъ вещи. Вѣдь этимъ онъ епособство-
валъ тому, чего боялся?! Безъ Гнатона не могло совершиться
и освобожденіе Хлои изъ рукъ Ламписа; вслѣдствіе этого Гам-
бара принужденъ былъ вычеркнуть и самое похищеніе ея, а
потому сдѣлалось рѣшительно непонятнымъ, зачѣмъ Дріасъ навя-
зывается съ своими открытіями въ Діонисофану, и роль Ламписа,
неизвѣстно зачѣмъ разорившаго чужой садъ, рѣшительно без-
смысленна. Гамбара измѣнилъ и характеры героевъ, стараясь
очистить ихъ отъ недостатковъ: герои не дарятъ Доркону коз-
ла, чтобы не лгать родителямъ; Хлоя не цѣлуетъ умирающаго
Доркона, чтобы не лгать передъ любовникомъ (а потому Гам-
бара счелъ себя вынужденнымъ не отдавать Дафниса въ плѣнъ
разбойникамъ, а наказать грабителей и воротить быковъ tu-
bine gentorum—sic!). вмѣсто полудѣтскихъ объясненій, гдѣ наив-
ная инеіологія постоянно играетъ видную роль, Гамбара застав-
ляетъ героевъ говорить правильно построенныя, высокія и по
мысли и по слогу, любовныя рѣчн. Также облагораживаетъ онъ,
приближая къ идилліи своего времени, и другихъ дѣйствующихъ
лицъ: Ламонъ покрываетъ поцѣлуями найденнаго младенца; даже
овца, питавшая Хлою, выказываетъ сентиментальную нѣжность:
она не можетъ отвести глазъ отъ дѣвочки¹. Впрочемъ я дол-
женъ оговориться, что это стремленіе — облагородить харак-

¹ Соответственно характерамъ измѣнены и нравы: влюбленные
въ Хлою юноши (у Лонга прыгающіе отъ страсти какъ козлы) за-
даютъ ей по-ночамъ серенады; стр. 572:

Interea multi agricolæ, pecudumque magistri
Sæpe frequentabant dilectæ virginis ædes
Littoreas, stipulæque sono, juvenumque canentum
Extracta ad pelagus resonabant rustica tecta
Sub noctem.

теры не всегда выдержано Гамбарой: онъ переводитъ поправившіяся ему фразы буквально и тѣмъ пестритъ свое изложеніе.

Выпустивъ ииологію и шокирующіе эпизоды, Гамбара однакоже не много совратилъ романъ Лонга: онъ сдѣлалъ многочисленныя вставки, которыя приближаютъ романъ въ дидактической поэмѣ, въ родѣ «Георгикъ» Виргилія. Такъ, короткую фразу Лонга о томъ, что пастухи, отпуская героевъ съ стадами, давали имъ наставленія, Гамбара развилъ на нѣсколько страницъ изложеніемъ правилъ скотоводства и рассказомъ о вѣрной собакѣ Птерилая; онъ рассказываетъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ пастухи занимались зимою; излагаетъ наставленія жены Дріаса, обращенныя къ Хлоѣ; описываетъ, какъ ловили рыбу для Діонисофана; заставляетъ Діонисофана не въ мѣсту излагать пастухамъ правила охоты и т. д.

Кромѣ того, поддѣлываясь къ тону эпической поэмы, Гамбара счелъ нужнымъ нападеніе разбойниковъ распространить описаніемъ битвы, гдѣ выказывается храбрость различныхъ героевъ изъ пастуховъ; войну же съ митиленейцами для единства дѣйствія Гамбара уничтожилъ вовсе; ради того-же эпическаго тона онъ далъ имена всѣмъ третьестепеннымъ дѣйствующимъ лицамъ. Съ другой стороны, Гамбара, приближаясь къ пастораламъ новой Европы, ввелъ драматическую форму во многихъ мѣстахъ, гдѣ ея прежде не было, и внесъ въ поэму двѣ эклоги и двѣ свадебныя пѣсни.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ чисто произвольныхъ перемѣнахъ: такъ Астиль, братъ Дафниса, замѣненъ безцѣльно являющимся родственникомъ Діонисофана: очевидно, Гамбара не желалъ дѣлать имѣнія между братьями или хотѣлъ построже наказать Діонисофана за подкидываніе ребенка; половина дѣйствующихъ лицъ измѣнили свои имена: Хлоя названа *Leuce*, Наксе (жена Дріаса) — *Bancis*, Миртале (жена Ламона) — *Phil-*

lis, Мегакль — *Thesprotus* и т. д. Гамбара стыдится ничтожества своего сюжета¹ и мѣстами издѣвается надъ своими героями².

Передѣлка Гамбары пользовалась большею извѣстностью, нежели заслуживала, и внѣ Франціи (гдѣ переводъ Амю распространить вѣрный взглядъ на Лонга) въ то время, какъ имя автора приобрѣло популярность³, многіе, обманутые Гамбарой, считали Лонга стихотворцемъ⁴.

Геліодоръ въ отношеніи передѣлокъ не уступалъ Лонгу: Фабрицій (VI, 787) говоритъ, что епископъ de Saint Gelais переложилъ часть Геліодора во французскіе стихи, а въ 1591 г. Abraham Traunce обратилъ его въ англійскіе гекзаметры⁵.

Въ 1637 г. въ Римѣ вышла итальянская поэма Теагене, написанная Базиле, знаменитымъ авторомъ Пентамерона, «содержаніе которой, какъ видно и изъ самаго заглавія, заимствовано изъ Этіопикъ Геліодора»⁶.

Въ то время, какъ театръ сталъ привлекать наиболѣе вниманія, Этіопики принимаютъ не одинъ разъ драматическую форму: Гарди заимствовалъ отсюда сюжеты для восьми драмъ⁷; Доръ въ

¹ Стр. 534 . . . referam, nisi te cognoscere vatam
Poeniteat tenues, Antoni, hoc carmine curas.

² Дафнисъ уналь въ волчью яму и испугался: . . . ac si tunc foret atra in tartara lapsus.

³ Объ Лонгѣ еще упоминается въ 1551 году, см. вед. *Бодена*, стр. 4.

⁴ Ихъ перечень см. Fabr. VI, 813.

⁵ Fabr. *ibid.* «cujus initium videbis in Actis eruditorum anni 1687 p. 580».

⁶ Der Pentamerone v. F. Librecht. Breslau. 1846. II, 336.

⁷ См. Полное изданіе Hardy 1624—1628. 8 пьесъ, на которыя разбитъ *Amour de Théagène et Chariclée*, занимаютъ весь послѣдній шестой томъ.

1762 г. сочинилъ трагедію удержавъ заглавіе Геліодора¹. Еще вражде этого Геліодоръ заявлъ испанскую сцену въ пьесѣ Хуана Переса de Montalvan «Los hijos de la fortuna»; то-же заглавіе носитъ и пьеса Кальдерона, заимствованная изъ того-же источника; въ ней я остановлю вниманію читателя². Дѣйствующія лица романа характеризованы такими масками: Теагенъ — *galan*; Гидасвъ — *Indio, negro*; Тіамисъ — разбойникъ и *galan*; Термутисъ — разбойникъ, *gracioso*; Харикль и Калазирисъ — старики; Наванкль — купецъ, Хариклея *Dama*, Персина — *Reina de Etiopia, negra*; Тизбе — есclava; сверхъ того прибавлены *Хебмонъ* (Хебмон), состоящій въ той-же должности, что и Термутисъ, Либіо — слуга Теагена, Аднета, царица немфисская, служанки Персины, *Ninfas de Apolo, musicas*, музыканты и солдаты.

Первое дѣйствіе (*Jornada*) происходитъ въ Дельфахъ: нѣвицы и Харикль объявляютъ народу, что наступилъ день, когда въ Дельфы (черезъ каждыя пять лѣтъ) приходятъ ессалійцы, чтобы принести Аполлону жертву за дарованный имъ миръ: прежде они воевали съ дельфійцами, разграбили ихъ храмъ и увели въ плѣнъ сына Харивлова; является Калазирисъ съ намереніемъ просить у Харикла убѣжища; потомъ Навзикль, отправляющійся съ Тизбе въ Эоіонію; потомъ Гидасвъ (здѣсь играющій роль Сязимитра; имя мужа Персины неизвѣстно) съ Харивлеей. Харикль возвращается и засыпаетъ; во снѣ ему является Персина съ хоромъ своихъ служительницъ и т. д. Общимъ рамкамъ романа Кальдероаъ остался вѣренъ (только Теагенъ оказывается давно потеряннымъ сыномъ Харикла); но измѣнилъ мотивы и подробности; такъ напр. Хариклея принуждена бѣжать изъ Дельфъ отъ зависти своихъ подругъ (нимфъ Апол-

¹ *Wolf*, 31 и 32.

² См. *Las comedias de D. Pedro Calderon de la Barca por Juan Jorge Keil*. Т. II. Leipsique. 1828, стр. 1—31.

лона); Навзикла онъ наказаль ва жадность и несправедливое присвоенію чужаго имѣнія. Ороондатель не мужъ владѣтельницы Мемфиса, но умершій воспитатель Теагена, оессалиецъ. Адриета ясполняетъ по отношенію въ герою роль Арсаке, только съ большею кротостію; роль Ахеменеса взилъ на себя Петоеирисъ, но плотскія похоти замѣнены стремленіемъ вступить въ законный бракъ. Персина и Адмета ведутъ между собою войну, и взятіе Мемфиса войсками аеіопскими, при чемъ сходятся всѣ главныя дѣйствующія лица, обусловливаетъ развязку. Персина дала вклатву принести въ жертву морскому чудовищу перваго, кто унадесть въ ея ногамъ; это была Хариклея; подоспѣвшій Харикель, представляя драгоценные камни, спасаетъ ее. На мой взглядъ, это одна изъ неудачнѣйшихъ пьесъ Кальдерона: быстрая смѣна ненужныхъ, явленій, слабо очерченные характеры, не остроумныя шутки gracioso, постоянные крики за сценой: arma! guerra! fuego напоминаютъ Haupt- und Staatsactionen. Довольно разнообразное содержаніе романа не возможно было уложить въ три акта, не сдѣлавши существенныхъ пропусковъ и перемѣнъ.

По обыкновенію, Кальдеронъ уснастилъ пьесу комичными анахронизмами: Гидаснъ, найдя бѣлаго младенца, затрудняется, какъ разрѣшить un natural silogismo (стр. 4); Термутисъ говорить: «я служитель дамъ; еслибы была Ла-Манча въ Египтѣ, ясно, что мнѣ нужно бы быть Кихотомъ Ламанчскимъ»¹ и т. д.

Литературные обманы бываютъ чаще всего двухъ родовъ: или авторъ, приписывая свое сочиненіе отдаленной эпохѣ, тѣмъ же-

¹ Soy servidor de damas
Tanto, que si Mancha hubiera
En Egipto, es cosa clara,
Que a' mi me tocara ser
El Quijote dela Mancha.

Роману предшествуютъ три предисловія: первое обращено къ публикѣ издателемъ Бернардомъ de San-Joggy; онъ рассказываетъ, что, роясь въ своихъ бумагахъ, нашелъ конію перевода, сдѣланнаго для протонотарія кардинала Арманьяка Lamapé эленистомъ Фюме; за-тѣмъ слѣдуетъ письмо, подписанное Fimée S. de Genillé, адресованное къ протонотарію и будто бы со- провождавшее возвращаемый греческій оригиналь, и переводъ, сдѣланный Фюме. Третье предисловіе, составленное самимъ Ате- нагоромъ: авторъ объявляетъ, что цѣль его романа — проведение принциповъ чистой нравственности.

Теперь дѣло не представляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія: романъ этотъ — поддѣлка и не особенно тщательная: предисловіе Атенагора, Римъ и Сивеія, какъ мѣста дѣйствія, монахи и монашенки Аммона, судъ по французскимъ законамъ, аллегорическое изображеніе выработки философскаго камня¹ и множество отдѣльныхъ фразъ² — несомнѣныя доказательства подлога. Кто его виновникъ: Санъ-Жорри, Фюме или архитекторъ Филандвръ, какъ предполагаетъ, кажется, черезчуръ остроумный въ этомъ случаѣ Гюз, — сказать трудно; я остановился бы на издатель.

Обращаюсь къ поддѣлкамъ не столь старательнымъ, къ поддѣлкамъ перваго рода, авторы которыхъ не старались поддѣлываться подъ тонъ греческихъ романовъ; такъ-какъ въ предмету изслѣдованія онѣ имѣютъ весьма слабое отношеніе, я считаю себя въ-правѣ ограничиться двумя примѣрами различнаго характера.

¹ См. Fabr. VI, 800 и слѣд. Письмо Maturini Veyssierii la Crose къ Христофору Вольфу.

² Между прочимъ слѣдующее неподозрительное мѣсто, на которое до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не было обращено вниманія: *en leur ameine par le fleue nommé Rha, autrement Volga* (изд. 1612 г. стр. 312).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ .

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Марининскихъ мостами, д. № 90-1.

1877.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ПОВѢСТИ И ВАРЛААМЪ И ЮСАФЪ.

Греческіе романы въ новой литературѣ.—Повѣсть о Варлаамѣ и Юсафѣ.
А. Кирпичникова. Харьковъ. 1876.

Книга г. Кирпичникова распадается на двѣ части, или лучше сказать, на два отдѣльныя изслѣдованія, связанныя чисто внѣшнимъ образомъ и подлежащія отдѣльному разсмотрѣнію. Въ настоящемъ случаѣ я займусь только второю половиною книги, главнымъ образомъ повѣстью о Варлаамѣ и Юсафѣ. Первая говоритъ о греческихъ романахъ, и я ужъ имѣлъ случай о ней высказаться ¹⁾. Она предлагаетъ не всегда полный и точный сводъ того, что мы знали о греческомъ романѣ до появленія капитальной книги Роде ²⁾, поднимаетъ вопросъ о вліяніи этого жанра, возникшаго на греческой почвѣ, на литературы новой Европы и рѣшаетъ его нѣсколько одно-сторонне, потому что авторъ произвольно ограничилъ почву, на которую должно было распространиться его изслѣдованіе. Вліяніе греческаго романа вовсе не началось такъ поздно, какъ можно бы заключить, познакомившись съ первою частью книги г. Кирпичникова;

¹⁾ О первой части изслѣдованія г. Кирпичникова см. мой отзывъ въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1876 г. (Беллетристика у древнихъ Грековъ). Предлагаемая нынѣ замѣтка, касающаяся второй части той же книги, написана была за одно съ первою еще въ маѣ 1876 года. Я считаю необходимою эту оговорку, чтобъ обезпечить себя извиненіе—на случай, еслибъ нѣкоторыя изъ высказанныхъ мною положеній оказались запоздалыми или опереженными; ограничиваясь воспроизведеніемъ рецензій въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была написана годъ тому назадъ, я позволялъ себѣ лишь нѣкоторыя формальныя измѣненія (такъ, притча объ инорогѣ приводится не въ пересказѣ, а въ церковно-славянскомъ подлинникѣ). Къ вопросу о русскихъ редакціяхъ Варлаама и Юсафа я думаю вернуться при другомъ случаѣ.

²⁾ См. о послѣдней статьѣ моею въ *Ж. М. Н. Пр.* за декабрь 1876 года.

автору необходимо было глубже заглянуть въ Византію. Онъ дѣлаетъ это какъ бы мимоходомъ и не на столько основательно, чтобы прійти къ какимъ-нибудь положительнымъ выводамъ, чтобы отыскать хотя вѣшнюю черту единенія между первою частью своего изслѣдованія (греческіе романы) и второю, посвященною разбору Варлаама и Юсафа.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что идея такого единенія зарождалась въ головѣ автора. На стр. 40 онъ обѣщаетъ указать, что въ византійскихъ стихотворныхъ романахъ X—XII вѣковъ „выступаетъ народная сказка, что между ними и эротическими романами—дѣлая пропасть“. Точка зрѣнія довольно важная — еслибъ автору удалось защитить ее: проникновеніе въ литературу народныхъ элементовъ, объяснимое пониженіемъ общественнаго образовательнаго уровня, могло бы объяснить въ свою очередь, почему такъ скоро забыта была прежняя „забавная“ (?) литература романовъ, требовавшая болѣе свѣдущихъ и образованныхъ читателей. Но точно ли эти древніе романы такъ скоро были забыты, а византійскіе стихотворные романы принялись разработывать сказочные типы? Авторъ отвѣчаетъ на это въ концѣ своей первой главы (стр. 95—103). Онъ начинается свой литературный перечень съ романа Θεοδωρα Προδρομα: Любовь Роданты и Дозикла, о которомъ говоритъ со словъ Фабриція и др., такъ какъ не имѣлъ подъ руками единственнаго изданія этого романа Гольмина 1625 г. Но будто это изданіе единственное? Романъ Προδρομα напечатанъ во второмъ томѣ Греческихъ эротическихъ романовъ, изданныхъ Герхеромъ (Hercher) въ 1858—1859 годахъ, въ двухъ томахъ, въ общедоступной коллекціи Тейбнера. Кажется страннымъ, что ученый, выбравшій греческіе романы темой спеціальнаго изслѣдованія, не справился съ самымъ ходячимъ и исправнымъ ихъ текстомъ, котораго ни разу не цитируетъ во всей своей книгѣ. Переходя затѣмъ къ Никитѣ Эвгеніану, г. Кирпичниковъ указываетъ на его знакомство съ древними греческими романами (стр. 96), которые этотъ авторъ обкрадываетъ (стр. 97): Никита—жалкій подражатель древнихъ (стр. 99). Зачѣмъ же было отдѣлять его, на примѣръ, отъ Евстаѳія? Потому что у него есть народно-сказочныя темы: „Вмѣсто атамановъ-разбойниковъ и скромныхъ горожанъ здѣсь дѣйствуютъ цари Парѳянскій и Арабскій. Это не случайное явленіе; здѣсь проявляется историческій законъ, по которому обезсилившая, одичавшая повѣствовательная поэзія литераторовъ-грамотниковъ невольно впадаетъ въ тонъ народныхъ сказокъ“. Царей Евгеніана отдѣляетъ одинъ шагъ „отъ царей тридеса-

таго царства, а съ Аравитскимъ царемъ Амвромъ и др. они стоятъ на одной ступени" (стр. 99—100). Какъ видно, сказочнаго элемента не много. Его несравненно болѣе въ прозаической повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ, которую авторъ приводитъ въ доказательство того, что поэмы „въ родѣ Любви Либистра и Родамны, если случай заносилъ ихъ на западъ и востокъ, могли пустить тамъ глубокіе корни" (стр. 101). Поэма о Либистрѣ и Родамнѣ—стихотворный романъ, который, по словамъ г. Кирпичникова, „существовалъ еще въ XVI вѣкѣ, но затерялся, можетъ быть, не безвозвратно" (стр. 100). Онъ до такой степени не затерялся, что существуетъ въ рукописи Царяжской бібліотеки № 2910 и извѣстенъ въ подробномъ разборѣ Жиделя. Поэма о Либистрѣ и Родамнѣ цитруется г. Кирпичниковымъ, какъ разработавшая сказочныя темы; я укажу ему такой же стихотворный романъ о любви Бельтандра и Хризанцы, изданный Эллиссеномъ, совершенно въ томъ же стилѣ. Если г. Кирпичниковъ говоритъ вообще о „вліяніи народныхъ мотивовъ" (стр. 100), то это также обще, какъ вышеприведенная фраза, что поэмы въ родѣ Либистра и Родамны могли переноситься на востокъ и на западъ. Нѣсколько лишнихъ указаній не помѣшали бы ясности: имена дѣйствующихъ лицъ въ двухъ поэмахъ названныхъ выше, довольно краснорѣчивы: Бельтандръ (Bertrand), Родофилъ (Rodolphe), Philarmos (Willerm), Вердерихъ (Frédéric); названіе Латинскаго царя, данное Либистру и вызывающее недоумѣніе г. Кирпичникова (стр. 100), является прямымъ указаніемъ, съ какаго рода литературными вліяніями мы имѣемъ дѣло. Подобный же вопросъ могъ бы быть поставленъ и относительно происхожденія сказочнаго матеріала въ повѣсти объ Аполлоніи Тирскомъ, которую авторъ помѣчаетъ: „раньше IX вѣка", тогда какъ она упоминается уже подъ 747 годомъ въ каталогѣ одной монастырской бібліотеки.

Между группой эротическихъ романовъ и цикломъ повѣстей сказочнаго свойства я выдѣлилъ бы группу посредствующую—группу подражательныхъ произведеній, продолжавшихъ въ позднее время преданіе старыхъ эротиковъ. Къ нимъ я отнесъ бы Евстаѳіа, Никиту Евгениана, почему-то отнесеннаго г. Кирпичниковымъ къ отдѣлу романистовъ съ сказочнымъ матеріаломъ, Продрома, которому подражалъ Евгенианъ, Константина Манассію—и далѣе тѣ отзвуки греческаго романа, какіе сохранились въ средневѣковыхъ пересказахъ и передѣлкахъ. Я имѣю въ виду не только романы о Floire et Blanceflor, Floimont, но Ландримѣръ, Тезиду Боккаччо, оригиналомъ которой, по мнѣнію Эберта, могъ быть византійскій прозаическій романъ.

Седьмая повѣсть второго дня Декамерона: о приключеніяхъ византійской принцессы Алатіэли — представляется подражаніемъ такихъ же приключеній Анти въ романѣ Ксенофонта Эфесскаго. Стало быть, вліяніе греческаго романа началось задолго до появленія переводовъ и изданій! Въ греческомъ типѣ Floire и Blanceflor никто не сомнѣвается: такъ рѣзко выдѣляется этотъ романъ отъ окружающихъ его *chansons de geste* феодальнаго стиля, такъ живо сохранились въ немъ всѣ тѣ черты быта и тѣ вѣщныя мотивы, которые самъ г. Кирпичниковъ принялъ бы за греческіе: та же вѣрная среди опасностей любовь, продажа дѣвушки въ рабство, испытаніе невиности, какъ у Ахилла Тація, долгая воздержность любовниковъ, какъ у Харитона, идеи о самоубійствѣ и о всемогущемъ значеніи любви. Тамъ и здѣсь то же развитіе описательнаго элемента и любовь къ мифологическимъ воспоминаніямъ, съ цѣлью украсить стиль. Вліяніе византійской литературы на европейскія было гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и можетъ объяснить въ романахъ Круглаго Стола нѣкоторые дублеты къ эпическимъ разказамъ греческой древности ¹⁾. Жаль, что г. Кирпичниковъ всего этого не принялъ въ расчетъ: упустивъ изъ виду цѣлый отдѣлъ памятниковъ, продолжавшихъ направленіе греческихъ романовъ, и занявшись статистикой ихъ переводовъ и изданій, онъ не уяснилъ себѣ многого въ исторіи вліянія греческаго романическаго стиля.

Перейдемъ въ исторіи сказочныхъ сюжетовъ въ позднѣйшемъ романѣ византійской эпохи. Для нея уже теперь собрано больше матеріаловъ, чѣмъ сколько можно судить по замѣчаніямъ г. Кирпичникова. Это было одно изъ проявленій новаго литературнаго періода: въ то время какъ забывалась старая культурная повѣсть, выдвигались впередъ сказочные народные сюжеты, и рядомъ съ ними, удовлетворяя новому религиозному міросозерцанію, эпическія темы религиозно-аскетическаго характера. Матеріалъ той и другой литературы былъ разнообразный: историческая сага, позднѣе — западный романъ, ранѣе — сказанія востока, изъ которыхъ одинаково черпали и свѣтская, и духовная повѣсть. Уже разказы апокрифическихъ евангелій могли за-

¹⁾ Источникомъ Filosoro Боккаччо былъ французскій романъ о Floire et Blanceflor; но старо-италианская повѣсть о царицѣ Розаннѣ представляетъ тотъ же (византійскій) сюжетъ изъ вліянія французскаго пересказа. И въ этомъ случаѣ можетъ быть допущена византійская гипотеза.

нимствовать многое изъ буддійскихъ легендъ ¹⁾; идеальные брахманы сказаній объ Александрѣ Великомъ и Фидостратова житія Аполлонія Тіанскаго проникли въ духовную литературу: въ романъ, ходящій съ именемъ епископа Элевопольскаго Палладія, латинскій переводъ котораго приписывается св. Амвросію, и въ отреченное хожденіе Зосимы къ рахманамъ. Въ послѣднемъ они являются блаженными людьми, идеаломъ пустынножителей, отречшихся отъ суетнаго міра, общающихся съ ангелами, которыхъ небесное пѣніе они слышатъ. Отправляясь къ нимъ, Зосима молитъ Господа сподобить его — увидѣть „божественныхъ человѣкъ“. Въ параллель къ этой христіанско-византійской передѣлкѣ преданій о брахманахъ является легендарное житіе Варлаама и Іоасафа, источникъ котораго находятъ въ житіи Будды.

Вопросу объ этомъ житіи г. Кирпичниковъ посвятилъ 3-ю и 4-ю главы своего изслѣдованія. Сюжетъ во многихъ отношеніяхъ интересный: исторія о Варлаамѣ и Іоасафѣ, которую г. Петровъ ²⁾ не безъ основанія называетъ индійскимъ патерикомъ, обошла всю западную и восточную Европу въ переводахъ, вытекшихъ либо прямо изъ византійскаго оригинала, либо изъ пошедшаго отъ него перевода латинскаго; она дала сюжеты драмъ и народной духовной пѣснѣ и заняла видное мѣсто въ литературѣ, преслѣдовавшей идеалы аскетизма. Знакомство съ различными пересказами этой исторіи можетъ служить введеніемъ къ изслѣдованію самаго памятника со стороны его содержанія и источниковъ. Г. Кирпичниковъ знакомитъ насъ съ его разнообразными редакціями, начиная со славянскихъ (гл. III, стр. 169 и слѣд.): „До весьма желательнаго изданія вариантовъ къ греческому тексту (изданному Буассонадомъ), полное обзорѣніе славянскихъ рукописей Варлаама, сохранившихся въ русскихъ книгохранилищахъ, есть единственное средство получить достовѣрные факты для исторіи греческаго текста“ (стр. 169). Съ этою цѣлью г. Кирпичниковъ пересмотрѣлъ нѣсколько рукописей московскихъ и петербургскихъ библиотекъ; нѣкоторыя изъ нихъ были указаны уже г. Пыпинымъ ³⁾, но г. Кирпичникову принадлежитъ опытъ почива: разобратъ ихъ по группамъ и намѣтить въ нихъ отличія редакцій. Сколько

¹⁾ *Beale*, The romantic legend of Sâkyâ Buddha, Introd., p. IX, прим. 1.

²⁾ *Петровъ*, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога. Иноземные источники. Кіевъ, 1875 г., стр. 170.

³⁾ *Пыпинъ*, Очеркъ литературы исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 128—129.

я могу судить, это одинъ изъ немногихъ эпизодовъ разбираемой мною книги, отличающійся характеромъ самостоятельности. Обсудить этотъ вопросъ и предложенное на него рѣшеніе долженъ, главнымъ образомъ, специалистъ по исторіи древне-русской словесности. Я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, касающимися метода работы.

Г. Кириичниковъ находитъ двѣ главныя группы рукописей Варлаама и Юсафа, отличающихся другъ отъ друга заключительными подробностями разказа. Въ одной группѣ (о ней стр. 170—173) тѣло Юсафа хоронить одинъ пустынный, показавшій ему путь къ Варлааму; потомъ, по повелѣнію „нѣкоего лица страшна“, этотъ пустынный отправляется къ царю Варахи и сообщаетъ ему о кончинѣ царевича; царь приходитъ съ народомъ, находитъ мощи пренедобныхъ нетлѣнными и съ торжествомъ переноситъ ихъ въ свою столицу (стр. 169). То же заключеніе и въ греческомъ текстѣ Буассонада, и въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ, а слѣдовательно, и во всѣхъ его передѣлкахъ. Иначе во второй группѣ славянскихъ текстовъ, гдѣ житіе Юсафа кончается соответствующимъ простотѣ его обстановки погребеніемъ въ присутствіи немногихъ отшельниковъ (стр. 182). На мой взглядъ, это пока внѣшній признакъ отличія; онъ можетъ только навести на предположеніе двухъ группъ, которое надлежало бы подтвердить ближайшимъ сличеніемъ текстовъ. Дѣлается это такимъ образомъ, что въ каждомъ отдѣлѣ текстовъ, предполагаемыхъ почему бы то ни было родственными между собою, производится внимательное сличеніе ихъ чтеній, если не для всей повѣсти, то для какого-нибудь ея значительнаго отрывка. Такимъ путемъ можетъ получиться опредѣленное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ одного отдѣла между собою, установится между ними генеалогическая связь, если бы, напримѣръ, иные изъ нихъ оказались списанными съ другихъ и т. д.; если бы такая связь оказалась дѣйствительно существующею, тогда, извлекая изъ чтеній этихъ рукописей общія имъ всѣмъ черты, мы вмѣнили бы ихъ тому подлиннику или первичному тексту, изъ котораго всѣ онѣ развѣтвились въ разныхъ направленіяхъ. Ту же самую работу подобаетъ сдѣлать и для другаго отдѣла рукописей. Предположимъ, что и въ этомъ случаѣ мы дошли указаннымъ выше путемъ до возстановленія оригинала или первичнаго текста. Въ такомъ случаѣ дальнѣйшая критическая работа состояла бы въ сличеніи этихъ первичныхъ текстовъ между собою, и въ результатѣ явилась бы двойная возможность: либо отдѣлы текстовъ, намѣченные нами чисто эмпирически по какому-

нибудь виѣшнему признаку (въ нашемъ случаѣ: торжественное или скромное погребеніе), оказались не столь существенно разными, чтобъ ихъ слѣдовало возвести къ разнымъ прототипамъ, и мы дали бы имъ значеніе двухъ группъ различеній,—либо признаки отличія представились на столько характерными, что для каждой группы пришлось бы предположить особый оригиналъ. Въ послѣднемъ только случаѣ двѣ группы рукописей явились бы намъ представителями двухъ редакцій сказанія.

Что сдѣлалъ для этого вопроса г. Кирпичниковъ? Начну съ того, что онъ не воспользовался для своего дѣла древнѣйшею изъ извѣстныхъ рукописей Варлаама и Иоасафа: ркп. № 578 Софійской библиотеки, XIV—XV вѣка (стр. 170, прим.). Правда, рукопись эта въ Петербургѣ, а г. Кирпичниковъ печаталъ свою книгу въ Харьковѣ; но справившись съ Очеркомъ г. Пыпина (стр. 128), онъ при началѣ работы могъ бы сообразить, на сколько благоразумно было съ его стороны пускаться въ путь, не запасшись на дорогу. Но я ограничусь этимъ замѣчаніемъ, которому, впрочемъ, не желалъ бы дать значенія исключительно библиографическаго. Г. Кирпичниковъ пересчитываетъ до 18 текстовъ Варлаама и Иоасафа, съ которыми познакомился болѣе или менѣе близко; но у него и слѣда нѣтъ той критической работы, которой надо бы ожидать отъ всякаго изслѣдователя древнихъ памятниковъ. Кажется иногда, будто онъ до того пораженъ былъ своимъ открытіемъ о томъ, что двойкій разказъ о погребеніи Иоасафа можетъ служить критеріемъ для установленія двухъ редакцій славянскаго житія,—что къ доказательствамъ относился небрежно: небольшое количество вариантовъ, приводимыхъ имъ какъ-то случайно и безъ выбора, не готовятъ читателя къ торжественному заявленію на стр. 182: „Итакъ, двѣ вышеуказанныя группы рукописей указываютъ не только на два различные перевода, но и на двѣ различныя редакціи греческаго текста“. Послѣ этихъ словъ авторъ самъ заявляетъ сомнѣніе: нельзя ли происхожденіе редакцій, завершающихся скромнымъ погребеніемъ Иоасафа, объяснить простымъ механическимъ сокращеніемъ болѣе подробнаго разказа? Онъ даже не прочь допустить это для нѣкоторыхъ рукописей; но рукопись Ундольскаго № 241 (XVI вѣка) укрѣпляетъ его въ прежнемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ: съ какой стати было писцу сокращать оригиналъ? „Извѣстно, что торжественное погребеніе, перепесеніе мощей, чудеса, при немъ происходившія, не только не откидывались отъ тѣхъ грѣхъ житій, гдѣ они были, но напротивъ, прибавлялись къ тѣмъ,

гдѣ ихъ не было" (стр. 182). Успокоившись на этомъ историко-литературномъ соображеніи, авторъ говоритъ далѣе (ibid.) уже съ полною увѣренностью: „Не можетъ быть спора о томъ, которая изъ двухъ редакцій древнѣе: несомнѣнно, что немногія рукописи, сохранившіяся въ Россіи (то-есть, предлагающія разказъ о скромномъ погребеніи Іоасафа) представляютъ такую редакцію текста, которая несравненно лучше подходила къ основной идеѣ романа: Іоасафъ порвалъ всякія связи съ міромъ—земная слава ему была не нужна“. Последнее несомнѣнно, но такого рода эстетическія соображенія едва ли освѣщаютъ дѣло: были и другіе подвижники, отречшіеся отъ міра, мощи которыхъ переносились торжественно, стало быть, въ противорѣчіи съ основною идеей ихъ дѣятельности. Неужели это можетъ дать почву для критики? И какъ согласить это отсутствіе самодѣятельности въ русскихъ писцахъ, не позволяющихъ себѣ измѣненій въ текстѣ, съ тѣмъ, что говорится (стр. 183) о писцѣ Толстовской рукописи № 255: „онъ стремился внести смыслъ особенно въ мало-понятное предисловіе разказа и потому измѣнялъ его“?

Всѣ дѣло, въ томъ, какъ представляетъ себѣ г. Кирпичниковъ понятіе „редакціи“. Еслибы, на примѣръ, рядомъ съ греческимъ текстомъ житія, изданнымъ Буассонадомъ (съ торжественнымъ погребеніемъ), объявился другой (съ погребеніемъ скромнымъ), я не далъ бы имъ названія двухъ различныхъ редакцій, не сличивъ текстовъ между собою и не поискавъ въ нихъ болѣе существенной разницы изложенія. Г. Кирпичниковъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, предпринять такую именно работу надъ славянскими текстами, которые явились ему представителями греческихъ, прежде чѣмъ на основаніи одного признака позволить себѣ говорить о „редакціяхъ“. Но онъ удовлетворяется немногимъ: онъ говоритъ (стр. 182), что древнѣйшій текстъ въ началѣ и срединѣ былъ очень близокъ, но болѣею части дословно сходенъ съ позднѣйшимъ. Стало быть, опять тотъ же признакъ: разказъ о погребеніи! Я, на примѣръ, обратилъ вниманіе на другой признакъ: на заглавіе или надписаніе житія, колеблющееся между рукописями двухъ намѣченныхъ г. Кирпичниковымъ группъ или редакцій (на примѣръ, Толст. ркп. in 4° № 89 у *Питина*, Очеркъ, стр. 128, 1-й группы, и редакція Макарьевскихъ Миней, 2-й группы). Предположить ли здѣсь смѣшаніе? Но для смѣшанныхъ или сводныхъ текстовъ авторъ выдѣлилъ особую, третью группу (стр. 176—177; сл. стр. 183) и еще отличаетъ сокращенныя редакціи (стр. 177—178). Я сказалъ бы: краткія, либо помѣтилъ, какой часть схщн, отд. 2.

типъ текста, 1-й или 2-й, либо сводной группы, лежалъ въ основѣ сокращенія.

Не отрицая возможности существованія двухъ редакцій греческаго житія, я позволяю себѣ думать, что г. Кирпичниковъ не доказалъ факта ихъ существованія.

Переходя отъ рукописей къ русскимъ старопечатнымъ изданіямъ житія, авторъ предполагаетъ, что издатели Кутейнскаго текста (1637 г.) имѣли передъ собою латинскій переводъ (которымъ, впрочемъ, самъ авторъ не пользовался для сличенія, см. стр. 183 и 179, прим. 4); что московское изданіе (1681 г.) произошло, съ одной стороны, изъ первой группы рукописей, съ другой—изъ кутейнскаго изданія (а можетъ быть, изъ латинскаго перевода), при чемъ редакторъ справлялся съ греческимъ оригиналомъ, нѣсколько отличающимся отъ напечатаннаго Буассонадомъ (стр. 183). На чемъ держится все это нѣсколько сложное построеніе, каковы отличія предполагаемаго греческаго подлинника отъ напечатаннаго,—все это остается тайной для читателя, съ которымъ авторъ не пожелалъ подѣлиться своими доказательствами. Каковы, напримѣръ, отношенія московскаго изданія къ кутейнскому? О первомъ мы знаемъ, что оно напечатано было въ такъ называемой „верхней типографіи“ (*Пыпинъ*, I. с., 128), устроенной Симеономъ Полоцкимъ въ концѣ 1670-хъ годовъ въ Московскомъ дворцѣ: „Исторія или повѣсть о житіи преподобнаго Варлаама и о Іосафѣ, царевичѣ Индѣйскомъ“ вышла въ 1681 году, уже по смерти Симеона; въ томъ же году изданъ его „Обѣдъ душевный“ и въ 1683 „Вечеря душевная“. „Можно догадываться“, говорятъ г. Майковъ ¹⁾,—„что эти объемистыя изданія были начаты еще при жизни Симеона по его указанію и желанію; это видно изъ того, что онъ присоединилъ стихи своего сочиненія не только къ сборникамъ своихъ проповѣдей и ко Псалтыри, но и къ чужимъ произведеніямъ, вышедшимъ изъ верхней типографіи“. Этимъ объясняется появленіе въ московскомъ изданіи Варлаама и Іосафа вѣршей Симеона Полоцкаго, вошедшихъ въ составъ его Риемологіона. Выборъ изданій, предпринятыхъ Симеономъ Полоцкимъ въ верхней типографіи, указываетъ на связи съ ученостью западно-русскою (*Майковъ*, *ibid.*); въ этомъ отношеніи было бы желательно точное сличеніе кутейнскаго текста Варлаама и Іосафа съ московскимъ, напечатаннымъ подъ наблюденіемъ Си-

¹⁾ *Л. Майковъ*, Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ, въ *Вѣстникѣ и Новой Россіи*, 1875 г. № 12, стр. 374.

меона. Исслѣдованіе г. Кирпичникова сообщаетъ намъ результаты его наблюдений, не опирая ихъ на доказательства и возбуждая рядъ сомнѣній. Такъ, напримѣръ, въ концѣ кутейнскаго текста помѣщена „Пѣснь св. Іоасафа вгды вышелъ на пустыню“ (Прійми мя, пустыни, и т. д., стр. 178); чистый церковно-славянскій языкъ этой пѣсни доказываетъ, что она зашла съ сѣвера; съ ней стоитъ въ связи одна рукописная редакція той же пѣсни, Ѳеодоровская; она — распространение кутейнской; отъ этой редакціи произошла редакція московскаго изданія, съ прибавками въ концѣ и въ началѣ (стр. 184). Такимъ образомъ мы получили рядъ переходныхъ формъ, въ началѣ и концѣ котораго стоятъ тексты пѣсни Іоасафа: кутейнскій и московскій, послѣдній—въ генеалогической зависимости отъ перваго. Вообще отдѣлъ, посвященный г. Кирпичниковымъ вопросу о стихахъ, „воспѣвавшихъ царевича Іоасафа“ (стр. 183—187), представляется крайне неяснымъ, и отношенія литературнаго стиха къ каличьимъ остаются не опредѣленными. Объ одномъ стихѣ говорится, напримѣръ, что онъ произошелъ изъ редакціи Ѳеодоровской, не безъ вліянія каличьаго стиха (стр. 184 прим. 1); о другихъ народныхъ (каличьихъ) стихахъ сказано, что они произошли главнымъ образомъ отъ той редакціи, которая стояла близко къ Ѳеодоровской рукописи (стр. 185—186); въ третьемъ мѣстѣ (стр. 265) заявляется, что сюжетъ Варлаама и Іоасафа проникъ въ духовные стихи черезъ вирши юго-западныхъ ученыхъ, между тѣмъ какъ заключительная пѣснь кутейнскаго изданія обличаетъ сѣверно - русское происхождение. Матеріалъ, собранный издателями нашихъ духовныхъ стиховъ, казался, обѣщая болѣе прочные выводы и вызывая къ болѣе тонкому анализу.

Авторъ посвятилъ лишь нѣсколько строкъ (стр. 181—182) притчамъ, которыя вставлены въ житія Варлаама и Іоасафа, и извлеченныя оттуда, рано начинаютъ встрѣчаться въ славянскихъ рукописяхъ. Въ вопросѣ объ источникахъ самаго житія онѣ играютъ лишь второстепенную роль, но не безынтересны въ отношеніи къ различнымъ редакціямъ славянскаго перевода (и греческаго текста?), предполагаемымъ г. Кирпичниковымъ. Разумѣется, славянскія притчи могли вноситься въ сборники не исключительно изъ переводовъ цѣльнаго житія, а переводиться и отдѣльно; во всякомъ случаѣ ихъ разногласіе съ притчами печатнаго греческаго текста не всегда можетъ быть истолковано въ смыслѣ позднѣйшаго искаженія или осложненія, но иногда даетъ поводъ къ вопросамъ болѣе важнымъ. Я приведу два примѣра.

Къ любимымъ притчамъ житія принадлежалъ разказъ объ инорогѣ. Содержаніе его (по ркп. Софійской бібліотеки № 578, л. 53 об. — 54 об.) слѣдующее: „Подобни быти мню мужевѣ бѣгающе шть лица инорога, иже не терпѣ гласа его и страшнаго его прериканія, но крѣпко бѣгаше да не будетъ ему въ снѣдѣ. Внегда же течааше быстро, в великую пѣкую впаде пропасть. Внегда же впасться ему в ню, и за древо нѣкое похитився, крѣпко держашеся и на россосѣ пѣкоюй позѣ оутвердивъ, мѣше прочее в мирѣ быти и въ твердныи. Възрѣвъ оубо и видѣ двѣ мыши, бѣлоу бо едину, другую же черну, погрызающыи-же непрестанно древа еже шнь бѣше похитилса, и елико же оуже в малѣ приближающемася има сие искоренити; посмотриже во дно пропасти и видѣ змий страшна видѣнемъ, и шгнемъ дышуща и яро извѣр(г)ующася, оустаже страшно равниоваше пожрети его грядуща. Възрѣвже пакы на степенъ шнь, на немже бѣше нозѣ свои оутвердилъ, видѣ д. главы аспидовы шть стѣны изникъша, на нейже стояше; я възрѣвъ шчима видѣ шть вѣтви древа шного мало меда каплюща. Шставивъ оубо пещиса ш одержащихъ его бѣдахъ, како виѣоуду оубо инорогъ лютѣ нестовася, ищетъ снѣсти его, долу же горвий змий зяетъ пожрети его, древо же за неже бѣ са оухитилъ елико же в малѣ искоренитиса хотѣше, нозѣ же на полъсцѣ и невѣриѣ степенѣ оутвердилъ бѣше: и толикихъ и таковыхъ вошь забывъ оустремиса къ сласти малаго меду шнаго.—Се есть подобное прельсти мира сего прелщающихся, егоже сказанье нынѣ реку ти. Инорогъ оубо шобразъ есть смерти гоняща оубо постигнути грядущи адамеский родъ. Пропасть же — миръ исполнь сый всѣческихъ вошь и смертоносныхъ сѣтій. Древо же егоже шть двою мѣшю непрестанно подгрызаемое, егоже оухитивше держитса, время есть коегождо жизни, съкращаваемо и скончаваемо днемъ и ночью, и къ посвѣченью по малѣ приближается; д. же аспиды, иже шть четыре прелестныхъ ствхій сставъ, сставленье чловѣчьскаго телесе назнаменуеть, имже бесчинно носимомъ п матущимса телесное разрушается сставленье. И в снѣжешгнеобразный шнь и нестовый змий страшную прошображаетъ адову оутробу, жадающею прияти мира сего красная паче будущихъ благъ извольшии. Медовная же капля сладость являетъ мира сего сладкихъ, ими же то прелщая своя други не шставляетъ ихъ ш своешъ пещиса спасенъи“.—Въ одной рукописи XV вѣка (Толст., № 214) притча эта пересказана такъ: Чловѣкъ ходитъ въ чистомъ полѣ, спасается отъ льва и всрѣблюда; видитъ колодезь, изъ стѣнъ

(„отъ боку“) котораго выросли два дерева: одно съ серебряными, другое съ золотыми листьями. Спасаясь отъ звѣрей, онъ падаетъ на серебряное дерево и схватился за его вѣтви; къ нему пристала горлица, приносила ему смоквы и другія сладости, которыя онъ ѣлъ; затѣмъ прилетѣлъ воронъ и бросалъ на него *юрящія уголья*, ящерицъ и жабъ. Сверху ему грозятъ левъ и верблюдъ; бѣлая и черная мышь подгрызаютъ корни дерева, на которомъ онъ сидитъ; подъ нимъ поднимается со дна золотое дерево; внизу — страшный змѣй, пышущій огнемъ, аспиды и злыя ехидны. Видитъ человѣкъ, что нѣтъ ему исхода изъ этого кладезя, и вмѣстѣ, съ тѣмъ, забывъ страхъ, начинаетъ обрывать серебряные листья и класть себѣ за пазуху, и тужить, и скорбитъ, что не попалъ онъ на золотое дерево. Начавъ такъ мыслить въ сердцѣ своемъ, онъ пустился внизъ, но вмѣсто того чтобъ упасть на золотое дерево, полетѣлъ на дно къ змѣямъ и скорпіонамъ, и погибаетъ злою смертью ¹⁾.

Я не останавливаюсь на слѣдующемъ затѣмъ нравоучительномъ истолкованіи притчи. Его можно назвать неудачнымъ осложненіемъ Варлаамова аполога (стр. 181), но ничто не мѣшаетъ предположить его сравнительно древнимъ. Голубь и воронъ, истолкованные ангеломъ и дьяволомъ, можетъ быть, — библейскіе образы; но воронъ, бросающій горящія уголья, напоминаетъ рамку третьей книги Панчатантры и разказъ буддійской аваданы ²⁾, въ которой человѣкъ, преслѣдуемый слономъ, спасается въ высохшей колодезь, и слѣдуютъ тѣ же подробности, что и въ апологѣ Варлаама: дерево, подгрызаемое мышами, драконъ, пчелы, источающія въ уста бѣглеца пять капель меду. Но дерево заколыхалось, остатокъ меда упалъ на землю, пчелы принялись жадить человѣка, и внезапно появившійся огонь истребилъ дерево. Огонь толкуется какъ старость и немощь.

Вѣроятно представляется восточное вліяніе на другой древнерусскій пересказъ одной притчи изъ Варлаама и Іоасафа, не обратившій на себя вниманія г. Кирпичникова. Я имѣю въ виду слѣдующій апологъ житія: Одинъ царь, кроткій и милостивый, имѣлъ только тотъ недостатокъ, что объять былъ ложью идолослуженія. Добродѣтельный и мудрый совѣтникъ ищетъ удобнаго случая — обратить его ко благу. Однажды царь сказалъ ему: „Пойдемъ бро-

¹⁾ Г. Кирпичниковъ предложилъ слишкомъ краткое извлеченіе изъ разказанной нами притчи, которое я пополамалъ по рукописи.

²⁾ Les Avadānas, contes et apologues indiens, trad. par St. Julien, I, № XXXII.

дить по городу, не увидимъ ли чего полезнаго⁴. Ходя по городу, они увидѣли мерцаніе свѣта, выходившее изъ какого-то подземнаго жилища, а въ немъ бѣдняка, покрытаго рубищемъ: передъ нимъ стояла его жена, наливая вино; когда же мужъ взялъ въ руки чашу, она запѣла звонкую пѣсню и стала услаждать мужа пляскою и пріятными рѣчами. Царь удивляется, какъ можетъ радовать этихъ безумныхъ ихъ жалкое житіе, самое отвратительное и омерзительное изъ всего, что онъ видѣлъ. „Знай же“, царь, говоритъ мудрецъ, — „что такую или еще худшею кажется наша жизнь посвященнымъ въ тайни вѣчной славы, тѣмъ, кто предпочелъ вѣчное временному“.—Эту притчу пересказалъ, съ любопытными отмѣнами, Кириллъ Туровскій въ повѣсти къ Василью игумену о бѣлоризцѣ¹⁾: Въ нѣкоторомъ градѣ былъ царь, кроткій и милостивый, пекшійся о дѣлахъ своихъ. Лишь въ одномъ онъ былъ неразуменъ: не боялся бѣгства и оружія въ рукахъ не держалъ, не думалъ, чтобы кто-нибудь возсталъ на него. Мудрый совѣтникъ ищетъ случая сказать царю, чтобы онъ готовился на рать. Однажды ночью внезапно пошла по городу великая молва, и царь говоритъ своимъ совѣтникамъ: „Пойдемъ, походимъ по городу, не найдемъ ли творящаго въ нашемъ градѣ мятежъ, потому что я нынѣ въ великомъ страхѣ“. Всюду они ходили, но ничего не обрѣли, только—движеніе въ городѣ. Всѣ другіе совѣтники въ уныніи; но тотъ благоразумный совѣтникъ ведетъ царя съ его дочерью къ великой горѣ, въ которой находилось много различнаго оружія; огонекъ свѣтился изъ оконца пещеры: заглянувъ туда, они увидѣли бѣдняка, облеченнаго худымъ вретнцемъ; рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, напѣвая пѣснь болѣе сладкую, чѣмъ брашна; передъ нимъ стоялъ кто-то, прекрасный и высокій, „на тверде каменн“, питая его и черпая ему вино; и когда мужъ принималъ чашу, оба вѣщали его похвалами и многою радостью. Подозвалъ къ себѣ царь друзей своихъ и сказалъ: „Вотъ чудо! Это худое и потаенное житіе честиѣ нашей державы веселится, и свѣтлѣе вѣшнихъ внутренняя сіяютъ!“ Измѣненіе притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойти подъ вліяніемъ какого-либо разказа восточнаго происхожденія, замѣчаетъ г. Сухомяновъ, открывая этотъ вопросъ: гдѣ и съ какою цѣлью сдѣлано было это измѣненіе? Едва ли принадлежит оно какой-нибудь неизвѣстной намъ редакціи Варлаама и Іоасафа.

Я возвращаюсь къ вопросу о редакціяхъ въ связи съ тѣмъ, что

¹⁾ См. *М. Сухомяновъ*, О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. 1858, стр. 50—53.

г. Кирпичниковъ сообщаетъ далѣе (стр. 187—210) о западныхъ и восточныхъ переводахъ и передѣлахъ житія. Г. Кирпичниковъ—спеціалистъ по исторіи западныхъ литературъ, нерѣдко получающихъ совершенно новое освѣщеніе при помощи памятниковъ, сохраненныхъ лишь славянскими текстами; въ вопросѣ г. Кирпичникова помощь могла ожидаться и обратная. И въ самомъ дѣлѣ: основываясь на отличіяхъ славянскихъ текстовъ Варлаама и Іоасафа, авторъ заключилъ о существованіи двухъ греческихъ редакцій житія; между тѣмъ латинскій переводъ сдѣланъ съ греческаго текста и обличаетъ одну редакцію; всѣ остальные европейскіе пересказы основаны, въ свою очередь, на латинскомъ переводѣ, не обнаруживая никакой двойственности редакцій; по крайней мѣрѣ, авторъ на это не указываетъ. Матеріалъ сравненія, представляемый западными пересказами, долженъ былъ бы заставить его усумниться въ положеніи, что греческій текстъ Варлаама и Іоасафа существовалъ въ двухъ видахъ. Какимъ образомъ западная литература не сохранила никакихъ слѣдовъ этой разновидности?

Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальскихъ и италіанскихъ текстахъ житія собраны были въ извѣстномъ изданіи гг. Мейера и Цотенберга ¹⁾. Работа г. Кирпичникова ограничилась тѣмъ, что онъ ближе познакомился съ текстами, напечатанными французскими издателями (поэма Гюи, міраклъ о Варлаамѣ), и передалъ намъ результаты своихъ наблюденій. То, что онъ говоритъ о характерѣ передѣлки, которой подверглось содержаніе древняго житія подъ рукой его французскихъ и нѣмецкихъ пересказчиковъ (я имѣю въ виду разборъ поэмы Рудольфа Эмсскаго, стр. 204—208), такъ мало касается спеціальной темы автора, что служитъ характеристикой общихъ приемовъ средневѣковаго литературнаго ремесла. Остановлюсь на нѣкоторыхъ частностяхъ, касающихся французской поэмы: авторъ говоритъ о Гюи, что въ изложеніи вѣроученія онъ „опровергаетъ отъ лица Варлаама тѣхъ, кто слишкомъ послѣдовательно проводитъ ученіе о предопредѣленіи, и доказываетъ, что Адамъ не виноватъ въ грѣхопаденіи: Богъ создалъ его такимъ“ (стр. 197). Въ текстѣ Гюи (стр. 42, стихъ 27 и слѣд.): Нѣкоторые доказываютъ, что онъ (Адамъ) согрѣшилъ по волѣ своего Создателя. Они говорятъ: „Еслибы Господь создалъ его ко благу, онъ никогда бы не согрѣшилъ; но онъ сотворилъ его злымъ. и потому не диво, что

¹⁾ Barlaam und Josaphat, französisches Gedicht des XIII Jhrh. von Gui de Cambrai. Stuttg., 1864, стр. 315 и слѣд.

онъ (Адамъ) подпалъ грѣху. Оттого они ставятъ Господу въ вину, что онъ привелъ челоуѣка къ смерти. Но ихъ слова не вѣрны и т. д.— Я объясняю себѣ разногласіе г. Киричникова неясностью его изложенія. Наоборотъ (стр. 196, прим. 1), отрицая, противъ французскихъ издателей, возможность съ точностью опредѣлить время появленія такъ называемыхъ *vers équivoqués*, онъ обнаруживаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 202: неудобно переводимые *vers équivoqués*), что не составилъ себѣ яснаго представленія объ этомъ терминѣ, какъ легко убѣдиться изъ сравненія съ соответствующимъ французскимъ текстомъ.

Переходя вмѣстѣ съ авторомъ къ нѣмецкимъ переводамъ Варлаама и Иосафа (сл. стр. 195), замѣчу, что извлеченія изъ (сохранившася) перевода, приписаннаго какому-то епископу Оттону, напечатаны были не разъ. Отрывокъ, изданный впервые Бенеке, перепечатанъ былъ Пфейфферомъ въ журналѣ Гаупта (II, 361—2); другіе отрывки сообщены были Дифенбахомъ ¹⁾ и Пфейфферомъ ²⁾. Точно также наши свѣдѣнія о третьемъ переводѣ Варлаама (сохранившемся лишь въ отрывкахъ) полнѣе, чѣмъ думаетъ авторъ: къ отрывку цюрихскаго текста, напечатанному Пфейфферомъ въ журналѣ Гаупта (I, 127—135), слѣдуетъ присоединить и другой, имъ же изданный ³⁾. Вообще знакомство съ литературой послѣднихъ лѣтъ довольно слабо у автора, пренебрегшаго сообщеніемъ даже такихъ библиографическихъ подробностей, которыя собраны были уже г. Шпиннымъ (Очеркъ, стр. 125—126). Я счелъ бы не лишнимъ упомянуть изданія сѣверной *Barlaams-saga* Унгеромъ и Кайзеромъ. Старо-англійскій переводъ, недавно напечатанный Горстманпомъ ⁴⁾, могъ не дойти до г. Киричникова, но тѣмъ большее любопытство должны были возбудить въ немъ отрывки французскаго перевода Варлаама, сдѣланные въ началѣ XIII вѣка прямо съ греческаго подлинника ⁵⁾.

¹⁾ Mittheilungen über eine noch ungedruckte mittelhochdeutsche Bearbeitung des Barlaam und Josaphat, aus einer Handschrift auf der gräflichen Bibliothek zu Solms-Laubach, von Dr. L. Diefenbach. Giessen, 1836.

²⁾ Forschung und Kritik auf dem Gebiete des deutschen Alterthums, I, стр. 37—44.

³⁾ Forschung und Kritik. 34—36.

⁴⁾ Horstmann, Altenglische Legenden. 1875, стр. 113—148.

⁵⁾ Paul Meyer, Fragments d'une traduction française de Barlaam et Josaphat, faite sur le texte grec au commencement du treizième siècle, въ *Bibliothèque de l'école des chartes*, XXVII-e année, t. II, 6-e série, p. 313 и слѣд., и въ отдельномъ оттискѣ (1866 г.).

Переводъ помѣщается на поляхъ рукописи XI вѣка, заключающей въ себѣ греческое житіе Варлаама и Іоасафа и принадлежащей Иверскому монастырю на Афонѣ. Работа Мейера сдѣлана была по небольшому количеству фотографическихъ снимковъ, приготовленныхъ съ исключительно археологическою цѣлью П. И. Севастьяновымъ. Въ такихъ обстоятельствахъ и при плачевномъ состояніи рукописи, нельзя и ожидать большихъ результатовъ при восстановленіи старо-французскаго перевода. Тѣмъ не менѣе, онъ интересенъ самъ по себѣ, какъ фактъ, указывающій на возможность непосредственнаго знакомства западныхъ людей съ произведеніями византійской литературы въ первые годы XIII вѣка. Вопросъ о редакціяхъ греческаго житія, поднятій г. Кирпичниковымъ, обратилъ мое вниманіе на замѣчаніе г. Мейера (стр. 5 отд. оттиска), что отличіе греческаго текста иверской рукописи отъ изданнаго Буассонадомъ состоитъ главнымъ образомъ въ пропускахъ. Замѣчу наконецъ, что знакомство съ итальянскими мистеріями, изданными д'Анконой, указало бы г. Кирпичникову, въ параллель къ старо-французскому міраклю, имъ разобранному, на *Rappresentazione di Barlaam e Josaphat* Бернардо Пульчи, и исправило бы его библиографическую замѣтку на стр. 195: не Аттилизъ сложилъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ поэму въ пяти пѣсняхъ, а *Attilio Opezzinghi* (Palermo, Catania. 1584). Интересно замѣтить, что въ Тосканѣ легенда о Варлаамѣ и Іоасафѣ до сихъ поръ служитъ сюжетомъ полународной драмы, изъ цикла тѣхъ, которыя разгрываются въ маѣ и посвяты потому названіе: *Maggi*. Такъ и у насъ житіе перешло въ полународные духовные стихи. Живучесть и крѣпость вліанія, народный интересъ, окружившій легенду со времени среднихъ вѣковъ, невольно выдвигаютъ вопросъ: откуда пошла эта легенда ¹⁾?

Познакомимся въ общихъ чертахъ съ ея содержаніемъ. Индійскій царь Абеннеръ, идолопоклонникъ, гонитъ христіанъ и христіанство, начинавшее проникать въ его страну и находившее послѣдователей. Когда одинъ изъ главныхъ начальниковъ, приближенный къ царю, пошелъ въ отшельники, ненависть Абеннера къ христіанству усилилась еще болѣе. Въ это время у него, дотогѣ бездѣтнаго, родился сынъ необыкновенной красоты, котораго нарекли Іоасафомъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и спрашиваетъ о судьбѣ сына. Всѣ

¹⁾ См. въ книгѣ г. Кирпичникова гл. IV: Іоасафъ и Будда. Исторія параболъ. Мѣсто, время и авторъ Варлаама.

пророчать ему будущее богатство и могущество; одинъ только, искуснѣйшій изъ всѣхъ, говорить, что царство его будетъ не въ этомъ мѣрѣ, а въ другомъ, лучшемъ, и что царевичъ, по видимому, будетъ послѣдователемъ новой религіи, которую теперь преслѣдуетъ его отецъ. Чтобъ избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь приказалъ построить сыну отдѣльную палату, съ богатыми покоями, окружилъ его молодыми и прекрасными воспитателями и служителями и строго запретилъ имъ пускать постороннихъ или доводить до свѣдѣнія царевича, что на свѣтѣ существуетъ смерть, старость, болѣзнь или бѣдность, или что бы то ни было печальное, дабы, наслаждаясь настоящимъ, душа его не обращалась къ будущей жизни, и онъ не могъ ничего услышать объ ученіи Христа.

Въ своемъ искусственномъ заключеніи, Іоасафъ совершенствовался и тѣломъ, и душой, удивляя учителей и царя остроуміемъ своихъ вопросовъ. Понявъ, что его держатъ въ заключеніи по волѣ отца, онъ спрашиваетъ о причинѣ того одного изъ своихъ воспитателей, а затѣмъ и самого Абеннера. Отвѣтъ царя его не успокоилъ: „Знай“, говоритъ ему царевичъ, — „что не радость, а высшую скорбь причиняешь ты мнѣ такимъ способомъ“: онъ не иначе освободится отъ этой скорби, какъ получивъ позволеніе выходить, куда онъ захочетъ. Царь принужденъ былъ согласиться, но строго приказалъ удалать съ дороги царевича все могущее возбудить въ немъ скорбныя мысли. Приказанія Абеннера исполнялись нѣкоторое время въ точности. Но вотъ однажды, по небрежности слугъ, царевичъ увидалъ двухъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ проказою, а другой слѣпъ, и впервые узнаетъ, изъ разспросовъ, что такое болѣзнь. Нѣсколько дней спустя онъ увидѣлъ старика съ сморщеннымъ лицомъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ — и узнаетъ, что такое старость и неизбѣжная для всякаго человѣка смерть. „Горестна эта жизнь“, подумалъ царевичъ: — „и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти? И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ! Но что будетъ потомъ со мною? Обращусь ли я въ ничто? Или есть еще другой мѣръ и другая жизнь?“ Послѣ этого царевичъ искалъ человѣка, который могъ бы успокоить его и утѣшить; онъ обращался къ своему педагогу, но тотъ объяснилъ ему, что мудрые пустынножители перебиты или изгнаны, а больше обратиться не къ кому.

Въ это время въ пустынѣ Сенаарской жилъ одинъ пустыжникъ, достигшій высшаго совершенства въ знаніи и жизни, по имени Вар-

лаамъ. Узнавъ по откровенію о душевномъ гладѣ царевича, онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца приобрелъ въ землю Индійцевъ. Здѣсь, явившись къ воспитателю Іосафа, онъ говоритъ, что привезъ драгоцѣнный камень, который готовъ продать царевичу; такой драгоцѣнности еще не видано: сердца слѣпыхъ онъ освѣщаетъ свѣтомъ истины, глухимъ открываетъ слухъ, нѣмымъ даетъ голосъ, больныхъ исцѣляетъ, глухихъ умудряетъ, демоновъ изгоняетъ; обладатель его пользуется всѣми благами. Педагогъ царевича, какъ человѣкъ, запятанный грѣхомъ, не можетъ видѣть чуднаго камня: онъ видимъ лишь тому, кто имѣетъ чистое, здоровое зрѣніе и цѣломудренное, безпорочное тѣло. Воспитатель ведетъ пришельца къ Іосафу, который тотчасъ же проситъ показать ему камень. „Прежде, нежели исполнить твое желаніе“, отвѣчаетъ Варлаамъ, — „я долженъ испытать твой разумъ. Если въ сердцѣ твоємъ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ; изъ-за тебя совершилъ я этотъ долгій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видалъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде“.

Такъ мотивированы въ легендѣ слѣдующія затѣмъ поученія Варлаама, которыя, постепенно раскрывая передъ царевичемъ нравственное и учительное содержаніе христіанства, готовятъ его къ принятію крещенія. Поучая Іосафа, Варлаамъ пользуется формой аполога, который либо является въ подтвержденіе какого-нибудь поученія, либо, предваряя его, вызываетъ иносказательное толкованіе и также сводится къ поученію. Матеріалъ апологовъ заимствованъ отчасти изъ евангельскихъ притчъ, отчасти, и въ большей мѣрѣ, изъ другихъ разказовъ, иногда лишь внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ выраженію христіанской идеи ¹⁾.

Варлаамъ тайно креститъ царевича, который хочетъ послѣдовать за нимъ въ пустыню; но Варлаамъ совѣтуетъ ему повременить, отказывается отъ денежнаго подарка и удаляется, оставивъ на память царевичу, и по его просьбѣ, свою грубую одежду, вмѣсто которой беретъ одежду Іосафа, также старую и разорванную.

Между тѣмъ начальникъ надъ дворцомъ царевича, Зарданъ, слѣдилъ съ беспокойствомъ за частыми посѣщеніями Варлаама. Узнавъ тайну его сношеній съ Іосафомъ и боясь отвѣтственности передъ

¹⁾ Такъ просто объясняется сомнѣніе, высказанное г. Бирничниковымъ по поводу притчи «О славнѣ», стр. 241—242.

царемъ, онъ все ему открываетъ. Огорченный царь призываетъ своего любимаго совѣтника, Арахеса, человѣка мудраго и опытнаго звѣздо-чета. Арахесъ совѣтуетъ царю сейчасъ же послать въ погоню за Варлаамомъ, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается передъ царевичемъ въ ложности своего ученія. „Если жъ онъ успѣетъ скрыться“, говорилъ Арахесъ,—„то я укажу вамъ мудраго пустытника нашей вѣры, моего бывшаго учителя математики Нахора; онъ такъ похожъ на Варлаама, что ихъ отличить невозможно; мы его уговоримъ въ присутствіи царевича вступить въ преніе съ язычниками подъ именемъ Варлаама и какъ бы для защиты христіанства; поспоривъ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ“.

Погоня, посланная за Варлаамомъ, не удалась; Нахоръ, явившійся въ спорѣ защитникомъ христіанства съ цѣлью дать побѣдить себя, самъ увѣровалъ въ истиннаго Бога, и укрѣпленный царевичемъ въ истинахъ правой вѣры, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасавшіеся, какъ бы самъ царь не сдѣлался равнодушнымъ къ ихъ религіи, послали за волшебникомъ Теудасомъ, который, при помощи подвластныхъ ему демоновъ, обѣщаетъ обратитъ царевича. По совѣту Теудаса, Іоасафа окружили красавицами, съ цѣлью возбудить его страсти; волшебникъ послалъ на него демона вождельнія, который, вселившись въ самую красивую прислужницу Іоасафа, смущалъ его всѣми мѣрами. Царевичъ избѣгалъ искушеній, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту; демоны посрамлены; самъ Теудасъ обратился въ христіанство.

Видя безплодность своихъ начинаній, Абеннеръ, слѣдуя совѣту Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ предоставилъ сыну. „Можетъ быть, заботы о житейскихъ дѣлахъ привлекутъ его въ нашу сторону“, говоритъ Арахесъ;—„если жъ этого и не случится, ты все же не лишишься сына“. Іоасафъ не сопротивлялся волѣ отца, хотя его и влекло въ пустыню къ Варлааму. Прибывъ въ назначенный ему городъ, онъ сталъ наставлять народъ въ истинной вѣрѣ, сдѣлалъ изъ своей страны образецъ христіанскаго царства: къ нему стали собираться христіане, дотошъ скрывавшіеся въ пустынѣ; ежедневно приходили, желая креститься, новыя толпы; когда крестили народъ, то больные исцѣлялись. Видя все это, самъ Абеннеръ раскаялся въ своемъ печестіи и увѣровалъ въ истиннаго Бога. Послѣ того, онъ передалъ все царство сыну, а самъ каялся въ грѣхахъ своихъ. Когда черезъ четыре года онъ умеръ, Іоасафъ его оплакалъ; затѣмъ, собравъ во дворецъ вельможъ и нѣкоторыхъ граж-

данъ, сказалъ: „Не желая нарушить приказаніе отца, я управлялъ царствомъ до сихъ поръ; но теперь пришло время, когда я могу исполнить обѣтъ свой и удалиться въ пустыню. Кого вы хотите, чтобъ я поставилъ надъ вами царемъ?“ Огорченные граждане объявили, что они не желаютъ иного царя и не отпустятъ его отъ себя. Но Іоасафъ, назначивъ на свое мѣсто одного изъ вельможъ, Варахю, ночью скрывается изъ города. Напрасно погнались за нимъ горожане и привели назадъ: Іоасафъ далъ клятву, что не останется съ ними, и удаляется, сопровождаемый общимъ плачемъ. Отдавъ свое платье бѣдняку и оставшись въ власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, царевичъ отправляется искать его въ Сенаарскую пустыню. Два года скитается онъ здѣсь среди лишеній и искушеній, уготованныхъ ему дьяволомъ; наконецъ, одинъ пустынный указалъ ему путь къ Варлааму. Учитель и ученикъ свидѣлись, Іоасафъ поселился въ пещерѣ Варлаама и оказалъ такую способность къ лишеніямъ, бдѣнію и неустанной молитвѣ, что превзошелъ самого учителя. Проживъ 35 лѣтъ въ пустынѣ, схоронивъ своего наставника, Іоасафъ мирно скончался. Въ самый часъ кончины пришелъ пустынный, когда-то указавшій ему путь къ Варлааму, и похоронилъ его рядомъ съ нимъ. Этому пустыннику явился во снѣ страшный мужъ и приказалъ идти въ царство Индійское—возвѣстить о смерти угодниковъ. Варахія, услышавъ эту вѣсть, пришелъ въ пустыню Сенаарскую съ толпой народа, нашелъ тѣла нетлѣнными и благоухающими и съ торжествомъ перенесъ ихъ въ свою столицу.

Таково содержаніе этой легенды, ставшей популярною въ средніе вѣка и своими правоучительными апологами, и своею поэзіей аскетизма. Довольно древнее преданіе (XI вѣка) видѣло ея автора въ Іоаннѣ Дамаскинѣ: преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднимаетъ снова (стр. 212—3), опирая свое мнѣніе на разборъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ видѣ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка (стр. 259). Таково же почти и хронологическое опредѣленіе гг. Цотенберга и Мейера, полученное ими другимъ путемъ, потому что, говорятъ они, изъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи, напрасно было бы пытаться опредѣлить время его написанія (I. с., стр. 315).

Я не стану мирить эти противорѣчивыя показанія. Меня занимаетъ другой вопросъ, подробно развитый г. Кирпичниковымъ. Хри-

христіанская окраска легенды достаточно ясна и не требуетъ доказательствъ; но всегда ли была она таковою? Другими словами: какова историческая основа приведеннаго выше сказанія? Существовалъ ли индійскій царевичъ Іоасафъ, или онъ ничто иное, какъ Будда, житіе Варлаама и Іоасафа—христіанская перелицовка легендарнаго житія основателя буддизма? Таково, какъ извѣстно, предположеніе, зародившееся одновременно во Франціи и Германіи, но подробнѣе высказанное Либрехтомъ и остающееся до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды зашло путемъ устной передачи въ христіанскую среду, записано по гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ (на что указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта) и приладилось къ стѣлю и понятіямъ христіанскаго аскетизма: такъ объясняютъ себѣ происхожденіе житія Варлаама и Іоасафа. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны, дѣло идетъ о *создателѣ* новой религіи, а съ другой—о *послѣдователѣ* христіанскаго благоувѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самими цѣлями передѣлки, поможетъ намъ выдѣлнить сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія.

Я пользуюсь для слѣдующаго изложенія китайскимъ переводомъ Abhinishkramana-Sūtra, сдѣланнымъ въ концѣ VI вѣка нашей эры; самый памятникъ древнѣе этого времени, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ переведенъ на китайскій языкъ уже въ 69—70 по Р. Х., чему подтвержденіемъ служатъ скульптурныя изображенія въ Санчи и Бархутѣ (между 300 г. до Р. Х. и первымъ столѣтіемъ по Р. Х.), представляющія различные эпизоды житія Будды ¹⁾.

¹⁾ См. The romantic legend of Sākya Buddha from the Chinese, by Samuel Beale (London, Trübner, 1875), Introd. VI—VII. Обращу вниманіе на слѣдующее замѣчаніе Вила: Надписаніе 17-й главы: «Оставленіе дома для духовной жизни» позволяетъ заключить, что въ началѣ Abhinishkramana была въ сущности разказомъ о бѣгствѣ Будды изъ дворца, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться аскетомъ. Лишь впоследствии этотъ титулъ былъ распространенъ на всю легенду. Сличите съ этимъ замѣчаніе г. Кириичникова (стр. 219—20): Наиболѣе существенное отличіе заключается въ общемъ планѣ обѣихъ легендъ: въ жизни Будды главная часть—дѣятельность проповѣдника, а исторія его обращенія, до вступленія въ пустыню, есть введеніе, которое обыкновенно является осложненіемъ верна сказанія; въ греческомъ разказѣ (о Варлаамѣ и Іоасафѣ)—обратный случай: центр тяжести въ первой части.

Будда—индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгоданы. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы-снотолкователи изъясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтнымъ владыкой, праведнымъ, спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже по роженіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ: знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, онъ будетъ всемірнымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокоиваютъ его: сынъ его будетъ всемірнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобъ онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всѣми свѣтскими удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова начинаетъ тревожить отца, и снова совѣтуютъ министры: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружить его красавицами: это отвлечетъ его отъ мысли сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Ясодару, Манодару и Готами; отецъ построилъ для него три дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ въ невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горя. Такъ распорядился отецъ; съ этою же цѣлью царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго крѣпкою стѣною; трое воротъ (въ стѣнѣ, въ оградѣ сада и самомъ дворцѣ), хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству.

Въ это время одинъ Девапутра, обитавшій въ пространствѣ ¹⁾, обратилъ вниманіе на Будду, уже въ теченіе десяти лѣтъ предававшагося одинымъ чувственнымъ утѣхамъ. „Мы не должны дозволить,

¹⁾ Devaputra по имени Т'во - Ping (у *Вилл* стр. 103); въ *Лалитавистарѣ* (по переводу съ тибетскаго у *Фонсаиз*, стр. 178) онъ названъ Hridēva, богъ скромности; у *Bignolet*, *The life or legend of Gaudama, the Budha of the Burmese*, p. 49: Nat (сл. *ib.*, примѣч. на стр. 537—8).

чтобъ его разумъ и чувства затемнились и извращались долѣе", сказалъ онъ;— „пусть узнаетъ надлежащую цѣну этимъ вещамъ, и что ему слѣдуетъ покинуть ихъ и вмѣстѣ съ ними свой кровъ". Девапутра приготовляетъ его къ этому шагу: ночью невидимый голосъ наставляетъ его; по устройенію Девапутры пѣсни придворныхъ красавицъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать любовную страсть, говорили о скоротечности всего земнаго, и самые звуки музыки наводили царевича на религіозныя думы, приготовляя сердце его къ воспріятію высшаго знанія. Съ тою же цѣлью Девапутра вселяетъ въ него желаніе выйти изъ дворца въ окружающіе его сады. Царевичъ велитъ своему возницѣ Чандакѣ приготовить для него колесницу; Чандака даетъ знать царю о намѣреніи его сына, и Суддгодана велитъ оповѣстить по всему городу при звукахъ барабана и колокола, чтобы по случаю выѣзда царевича все облеклось въ праздничный видъ, чтобы съ улицъ удалено было все напоминающее о существованіи старости, болѣзни, смерти и вообще всѣ непріятныя впечатлѣнія. Будда ѣдетъ, и по устройенію Девапутры ему представляется по дорогѣ дряхлый старикъ; на слѣдующей и третьей прогулкѣ—другія встрѣчи: Будда видитъ больного и затѣмъ покойника. Всякій разъ царевичъ допрашиваетъ возницу, что это значитъ, а тотъ, вдохновенный Девапутрой, говоритъ ему о неизбѣжности старости, болѣзни, смерти. Всякій разъ, выслушавъ эти объясненія, царевичъ возвращается съ полупути, чтобы предаться размышленію, а царь, обезпокоенный разказомъ возницы, усиливаетъ присмотръ и умножаетъ средства развлеченія. На послѣдней прогулкѣ Девапутра является царевичу образъ нищенствующаго монаха-аскета. Будда вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, и тотъ, подъ наитіемъ Девапутры, говоритъ ему, что такое нищенствующій монахъ: это тотъ, кто оставилъ міръ и его стези, домъ и друзей, съ цѣлью найти себѣ освобожденіе; кто ничего такъ сильно не желаетъ, какъ даровать живнъ всему существу, никому не дѣлая вреда.

Возвратившись домой, царевичъ объявляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. Суддгодана, сильно огорченный, пачинаетъ отговаривать его; то же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему съ тою же цѣлью Удаи, сына своего главнаго министра; жены и красавицы, окружавшія царевича, удваиваютъ свои ласки и обольщенія. Но Будда остается непоколебимымъ въ своей рѣшимости и въ ту же ночь, ободряемый голосомъ Девапутры, бѣжитъ изъ своего дворца въ сопровожденіи возницы Чандаки. На слѣдующій день его

хватились, но всѣ поиски за нимъ были тщетны. Въ лѣсу онъ сбрилъ свои волосы, обмѣнялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ де-вой, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Чандаку домой. Раз-казъ возницы обновляетъ общую печаль: весь народъ плачетъ, сѣ-туютъ жены Будды, жалуется отецъ. По его желанію, двое совѣтни-ковъ отправляются еще разъ, чтобъ отыскать царевича и привести его назадъ; они находятъ Будду сидящимъ подъ деревомъ и присту-паютъ къ нему съ убѣжденіями: отецъ готовъ уступить ему свое царство; пусть вернется: возвращались на царство и другіе цари-аскеты. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой. Позднѣе, царь дѣлаетъ еще одну, столь же неудачную попытку упротить сына.

Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брахмановъ-аскетовъ, то у пустытника Арады; всюду онъ вступаетъ въ разговоръ о религіозныхъ системахъ, поднимаетъ споры, выраба-тывая свое собственное міросозерцаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ зла, царь смерти, властитель міра соблазновъ, опасается подвижника, гро-зившаго перенять его власть на землѣ. Онъ пытается отвратить его отъ его подвига, собираетъ подвластныхъ ему силы, искушаетъ Буд-ду, то являсь къ нему въ образѣ гонца, съ вѣстью, что его родствен-никъ Девадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и тѣлодвиженіями демоновъ-красавицъ. Дочери Мары поютъ ему о земной любви; Мара соблаз-няетъ его образами земнаго величія, пугаетъ полчищами демоновъ-чудовищъ, угрожающихъ ему всякими страхами. Изъ всѣхъ искуше-ній Будда выходитъ побѣдоноснымъ; девы поддержали его силы, де-моны побѣждены, и Будда достигаетъ высшаго просвѣщенія.

Слѣдуетъ затѣмъ разказъ о его проповѣднической дѣятельности, на которомъ я не останавливаюсь. У Будды является много послѣдо-вателей, но и опасные противники въ лицѣ брахмановъ, съ которыми онъ принужденъ вести борьбу, и которыхъ побѣждаетъ въ религіозномъ спорѣ. Подъ конецъ принимаетъ его ученіе его отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погребеніи, которое обычно было лишь для всемір-ныхъ монарховъ ¹⁾.

Сличеніе пересказаннаго нами житія Будды съ повѣстью о Вар-

¹⁾ *Barthélemy Saint-Hilaire, Le Bouddha et sa religion, p. 43—46.*
часть сохл, отд. 2.

лаамъ и Іоасафъ открываетъ между ними точки соприкосновенія и отличія, которыя необходимо выяснитъ. Сходныя черты разказа бросаются каждому въ глаза; я укажу, въ параллель къ нимъ, на попытки ученыхъ сблизить нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ той и другой легендѣ: такъ Теудасъ, одинъ изъ противниковъ Іоасафа, отвѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сблизается съ Давадаттой, однимъ изъ противниковъ Будды; имя Іоасафа объяснялось измѣненіемъ имени Бодхисатвы (=Будды; Бодхисатва, Бодсадъ=Іоасафъ); мнѣ кажется вѣроятнѣе сравненіе, предложенное г. Минаевымъ, Іоасафа съ Ясодой одного буддійскаго разказа, о которомъ я говорю далѣе ¹⁾. Другія имена Варлаамовой повѣсти отличаются своимъ семитическимъ характеромъ (Варлаамъ, Абеннеръ) посредствомъ перескащика-Сирійца.

Отличія обонхъ житій объясняются главнымъ образомъ требованиями новаго приуроченія. Будда самъ доходитъ до состоянія высшаго духовнаго просвѣщенія; для Іоасафа цѣль стремленій была опредѣлена въ истинахъ христіанскаго откровенія. Здѣсь не достаточно было собственной работы мысли, а явилась необходимость руководства, наставленія. Такъ объясняли въ житіи Іоасафа выдающуюся роль Варлаама, которому въ индійской легендѣ отвѣчаетъ развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха, встрѣча съ конимъ, устроенная Девапутрой, окончательно опредѣлила призваніе Будды. Варлаамъ приготовляетъ Іоасафа къ принятію христіанства: вся учительная часть повѣсти приписана ему, онъ наставляетъ царевича притчами и апологами. Замѣтимъ, что и въ житіи Будды развитъ этотъ элементъ вставныхъ разказовъ: разказникомъ является самъ Будда, и какъ повѣствованія Варлаама приурочены къ цѣлямъ христіанскаго наставленія, такъ въ устахъ Будды народная сказка, апологъ, новелла преобразуются въ разказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ житіи. Этотъ особый характеръ вставныхъ повѣстей житія объясняетъ, почему онѣ не могли быть удержаны въ христіанской егѣ передѣлкѣ: дѣйствительно, апологи Варлаама не стоятъ съ ними ни въ какой связи. Самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерцаніе, она должна была исчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ неясный слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Вар-

¹⁾ Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 160, съ ссылкой на статью *И. П. Минаева*.

лаама о его возрастѣ. „Мнѣ около 45 лѣтъ“, сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видѣ тебѣ болѣе семидесяти!“ . „Лѣта моей жизни на землѣ ты опредѣлилъ довольно вѣрно“, отвѣчаетъ Варлаамъ;— „но время, проведенное мною въ лживомъ мірѣ, я за жизнь не считаю“ .
Такого рода взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уровнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая фраза Варлаама различаетъ какъ бы два отдѣльные существованія, смѣлившіихъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили Индусы.

Возвратимся къ Варлааму. Появленіе этого лица, не встрѣчающагося ни въ одной легендарной біографіи Будды, было объяснено выше изъ требованій христіанскаго пересказа, подарившаго насъ житіемъ Іоасафа. Либрехтъ также считаетъ Варлаама нововведеніемъ христіанскаго пересказчика. Относительно этого вопроса я могу высказаться опредѣленнѣе, развивая указаніе, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоромъ Минаевымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ повѣстей, вложенныхъ въ уста Будды и вставленныхъ въ его житіе, есть одна, не обратившая на себя вниманіе Либрехта: это—разказъ объ одномъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, Ясадѣ или Ясодѣ ¹⁾. Онъ интересенъ тѣмъ, что, являясь сколкомъ съ легендарной біографіи Будды (собственно, съ первой ея половиною: юность и бѣгство), онъ представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа. Выше я уже указалъ на возможность сблизить имена Ясады и Іоасафа; послѣдній рождается у отца, долго пребывавшаго бездѣтнымъ; то же разказывается о Ясадѣ, но не о Буддѣ.

Легенда о Ясадѣ, по передачѣ Вилла, вкратцѣ слѣдующая: Въ Бенаресѣ жилъ именитый человѣкъ, по имени Супрм-Будда. Онъ обладалъ несмѣтными богатствами, но у него не было дѣтей. По его молитвѣ Девашутра, спустившись съ небесъ, воплотился въ его жепу (такимъ же разказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда Будды), и у Супра-Будды родился красавецъ-сынъ, котораго назвали Ясодой по причинѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно.

¹⁾ См. *Beale*, I. c., стр. 258 и слѣд.: Yasada; въ сингалезской легендѣ у *Spence Hardy*, *A Manual of Buddhism*, стр. 187—8: Yasa, сынъ Jujata'm; въ бирманской у *Bigandet*, I. c., стр. 112 и слѣд.: Ratha; см. *Schiefner*, *Eine tibetische Lebensbeschreibung Śākyamuni's*, стр. 247; въ *Mahāvastu*: Yaçoda.

Отецъ построилъ ему три великолѣпныя дворца — одинъ для зимы, другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удовольствіями и бдительною стражей. Въ это время Будда проповѣдывалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра Раджа (то-есть, Индра, отвѣчающій Девапутрѣ легенды о Буддѣ) спускается съ неба, и войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! Пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ“. Услышавъ это, Ясада велитъ приготовить себѣ колесницу и отправляется любоваться красотами окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча — съ нищимъ монахомъ: это былъ Будда; онъ предвидитъ скорое обращеніе Ясады, который, пораженный благолѣпіемъ Будды, сойдя съ колесницы, преклоняется передъ нимъ и затѣмъ ѣдетъ далѣе. Въ садахъ — новая встрѣча: Сакра принялъ образъ дряхлой женщины, трупъ которой покрытъ былъ червями. Это зрѣлище опечалило Будду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ, и въ разказѣ о его бѣгствѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ житія Будды: точно также ворота открываются передъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Онъ переходитъ рѣку Ворану, гдѣ его ждетъ и просвѣщаетъ Будда. Между тѣмъ Ясады хитились дома его жены, мать и отецъ, который обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ ему, куда удалился его сынъ, и самъ идетъ искать его. Разказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей.

Выше я замѣтилъ, что Варлаамъ христіанскаго житія отвѣчаетъ нищенствующему монаху, съ которымъ, на канунѣ своего бѣгства, встрѣтился Будда. Изъ повѣсти о Ясадѣ мы узнаемъ, что этотъ монахъ — самъ Будда.

Разказъ Mahavastu (собрание легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенный мнѣ г. Минаевымъ, передаетъ въ болѣе краткихъ чертахъ ту же легенду о Ясадѣ, который названъ Ясодомъ, и прибавляетъ новыя подробности, приближающія насъ къ житію Іоасафа. Легенда эта начинается такимъ же разказомъ о рожденіи и юности Ясода, какъ и предыдущая. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о купцѣ, отправившемся торговать на востокъ. Когда онъ вернулся, отецъ Ясода шлетъ къ нему посланца съ словами: „Прийди и посмотри на благолѣпіе моего сына. Купецъ явился, отецъ усадилъ его, и названъ былъ молодой Ясода. Явившись, онъ не поклонился ни отцу, ни гостю, и всѣ трое возсѣли на одномъ сѣдалищѣ. Между тѣмъ царь прислалъ посланца за отцомъ Ясода съ словами: „Есть царскія

дѣла, приходи скорѣе“. „Посиди съ юношей, пока я прійду“, говоритъ, уходя, отецъ. Оставшись вдвоемъ, купецъ, пораженный благолѣпіемъ Ясоды, подумалъ, что такая жизнь ему не прилична, а прилично быть Пратьека-Буддой или великимъ Правакой (ученикомъ Будды). „Юноша“, сказалъ онъ ему, — „всякая молодость оканчивается старостью, всякое здоровье — болѣзнью, всякое великолѣпіе имѣетъ конецъ, со всѣмъ милымъ, пріятнымъ бываетъ разлука. Видѣлъ ли ты Бгагавана (господина, то-есть Будду)?“ „Кто онъ такой?“ спрашиваетъ юноша, — и купецъ описываетъ его. У Ясоды является желаніе повидать Будду — и затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный намъ разказъ о его бѣгствѣ.

Если предыдущая повѣсть позволила намъ сблизить Варлаама съ нищимъ монахомъ — Буддой, съ которымъ встрѣтился Ясада, то редакція *Mahavastu* подсказываетъ другое сближеніе — Варлаама съ купцомъ. Варлаамъ также является къ Іоасафу въ образѣ купца и направляетъ его на путь истины, какъ купецъ въ легендѣ *Mahavastu*. Драгоценный камень, который Варлаамъ сулитъ царевичу, и который толкуется иносказательно, какъ сокровище Христовой вѣры, могъ явиться самостоятельно въ христіанскомъ пересказѣ, какъ подходящая подробность, наводившая на аллегорическое толкованіе. Но въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ подобная формула была освящена: я говорю о „трехъ драгоценностяхъ“ буддизма (Будда, законъ и санга, то-есть, община духовныхъ).

Либрехтъ сравнивалъ житіе Варлаама и Іоасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣняютъ, быть можетъ, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ, одномъ изъ первыхъ учениковъ Будды. Но это не отмѣнитъ точку зрѣнія Либрехта, такъ какъ уже замѣчено было выше, что легенда о Ясодѣ, въ сущности, повторяетъ біографію Будды, съ нѣкоторыми отличіями, которыя ведутъ къ такимъ сопоставленіямъ: Ясода — это Іоасафъ; аскетъ — Будда; встрѣченный Ясодой, купецъ, являющійся къ нему съ проповѣдью буддизма, — это Варлаамъ. Я уже сказалъ, что имя послѣдняго, пока не объясненное, обличаетъ христіанскаго пересказчика-Семита: *bar* въ началѣ имени, какъ и въ имени Вареоломея (*Bartholomaeus*) означаетъ въ семитическихъ языкахъ: сынъ. Помѣчу здѣсь на всякій случай соображеніе, подсказанное мнѣ академикомъ Шифнеромъ: что Варлаамъ, можетъ быть, ничто иное, какъ апостоль Вареоломей, о которомъ древнее преданіе (Евсевій. св.

Иеронимъ и др.) гласило, что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ, по разказу Авдія, будто бы обратилъ въ Христову вѣру царя Полимія.

Гипотеза Либрехта несомнѣнно подлежитъ развитію; ближайшее знакомство съ памятниками, отношенія которыхъ она хочетъ освѣтить, сдѣлаетъ ее опредѣленнѣе; но пока еще не предвидится, чтобъ она могла быть отмѣсна повсе. Г. Кирпичниковъ задался именно этою цѣлью, которую преслѣдуетъ въ своей послѣдней главѣ. Ограничиваясь тѣмъ немногочисленнымъ матеріаломъ, на которомъ Либрехтъ основалъ свое положеніе, онъ позабываетъ, что съ той поры прошло 16 лѣтъ, и за это время въ изученіи буддизма было сдѣлано многое, что помогло бы ему посмотрѣть на спорный вопросъ при свѣтѣ новыхъ данныхъ. Теорія Либрехта заслуживала такой проверки; авторъ добровольно ограничилъ себя самъ и принужденъ выступить противъ Либрехта съ его же собственнымъ оружіемъ; онъ хочетъ побѣдить его логикой.

Либрехтъ сравнилъ рамку житія Варлаама и Іоасафа съ рамкой легендарной біографіи Будды, нашелъ въ нихъ вѣскія черты сходства и пришелъ къ заключенію, что одна изъ нихъ представляетъ сколокъ съ другой. Разбирая далѣе притчи, вставленныя въ житіе Варлаама и Іоасафа, онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ попадаютъ и въ буддійскія пересказы, и это укрѣпило его взглядъ на буддійское происхожденіе всего житія. Всякому понятно, что послѣднее доказательство является, въ сущности, лишь подспорьемъ, „что если бы факты принудили насъ признать всѣ безъ исключенія въ Варлаамѣ притчи буддійскими, черезъ это буддійское происхожденіе рамки не приобрѣло бы большей достовѣрности“ (стр. 225). Въ самомъ дѣлѣ: припомнимъ въ житіи Варлаама и Іоасафа отношеніе рамки разказа къ вставленнымъ въ нее параболамъ: оно внѣшнее, нѣсколько случайное; мы, на примѣръ, легко можемъ представить себѣ, что наставленія Варлаама могли быть еще подробнѣе, чѣмъ въ извѣстномъ намъ текстѣ, и такимъ образомъ вызвать потребность въ новыхъ иллюстраціяхъ—въ формѣ новыхъ апологовъ. Все это находитъ себѣ подтвержденіе въ исторіи тѣхъ сказочныхъ сборниковъ, которые, выйдя съ востока подобно разбираемому житію, стали достояніемъ средневѣковой Европы: они состоятъ изъ такой же повѣствовательной рамки и такихъ же, внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ нею апологовъ, число которыхъ свободно нарастало или уменьшалось, не измѣняя существенно характера всего памятника. Такъ измѣнялся послѣдовательно, въ средневѣковыхъ передѣлкахъ, старыи восточный

романъ о Семи мудрецахъ. Самъ г. Кирпичниковъ (I. с.) принужденъ сознаться, что „парабола, не связанная съ дѣйствительнымъ фактомъ(?),—*ges nullius*, которою всякій могъ пользоваться для своихъ цѣлей“. Если таково его мнѣніе, то къ чему было давать такой объемъ разбору притчъ житія со стороны ихъ источниковъ и параллелей (стр. 225—252),—если этотъ разборъ не существенъ для дѣла и не доказателенъ? Но г. Кирпичниковъ самъ себѣ противорѣчитъ: съ одной стороны, онъ призналъ параболу—*ges nullius*, а съ другой, обращаясь къ критикѣ доводовъ Либрехта, онъ распредѣляетъ ихъ на двѣ группы: одни изъ нихъ касаются рамки легенды, другіе—притчъ, разнообразящихъ ея аскетическое содержаніе (стр. 217). Такимъ образомъ, за обѣими группами признается какъ бы равная степень доказательности. Но Либрехтъ никогда не ставилъ ихъ въ одинъ уровень; указавъ на нѣкоторыя буддійскія параллели къ притчамъ Варлаама, онъ въ заключеніе не даетъ имъ особой цѣны: „Какъ бы то ни было“, говоритъ онъ,—„достаточно ясно, что основа Варлаама и Іоасафа восходитъ къ буддійскимъ источникамъ, что исторія Іоасафа ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды“. Дѣло, стало быть, въ основѣ, то-есть, въ рамѣ, въ канвѣ житія. И ее г. Кирпичниковъ подвергнулъ своей отрицательной критикѣ.

Начну съ нѣсколькихъ общихъ его положеній (стр. 226). „Чтобы доказать литературное сродство другихъ разказовъ“, говоритъ онъ,—„необходимо найдти въ нихъ, во-первыхъ, единство нѣсколькихъ моментовъ, во-вторыхъ, совпаденіе аксессуарныхъ принадлежностей, и в-третьихъ, связь основной идеи того и другаго разказа“, тенденціи. Съ первыми двумя положеніями нельзя не согласиться: они общезвѣстны. Но что разумѣется въ третьемъ? Я сопоставляю его съ другою фразой автора, въ которой выразилось его сомнѣніе: могло ли перейти въ христіанскую легенду „жизнеописаніе основателя чуждой религіи, которое было противно христіанину по самому содержанію“ (стр. 225)? Если мое толкованіе вѣрно, то автору придется отрицать возможность всякой литературной перелицовки, которой всякое новое поколѣніе подвергаетъ умственный матеріалъ, завѣщанный прошлымъ, вводя въ него свои собственныя идеи и радикально измѣняя міросозерцаніе. Припомнимъ факты. Восточная сказка о кольцахъ или драгоцѣнныхъ камняхъ (символизирующихъ различныя религіи) получаетъ скептическій колоритъ въ эпоху нарождавшагося религіознаго скепсиса, затѣмъ приобрѣтаетъ христіанскую окраску въ редакціи

Римскихъ Дѣяній и снова, отвѣчая идеямъ времени, возвращается къ прежней точкѣ зрѣнія въ Натанѣ Мудромъ Лессинга. Что общаго въ міросозерцаніи италіанской рыцарской поэмы и французскихъ chansons de geste, давшихъ ей лица и сюжеты, однимъ словомъ, весь эпическій матеріалъ? Никто не станетъ отрицать связи между народною нѣмецкою сагой о докторѣ Фаустѣ и Фаустомъ Гёте, и никому не прійдетъ въ голову отождествлять ихъ со стороны тенденціи, содержанія идей.

Но обратимся къ двумъ первымъ положеніямъ г. Кирпичникова. Онъ не скрываетъ отъ насъ, что сходство житія и буддійской легенды поразило и его, но онъ отрицаетъ, чтобъ основаніемъ тому были историческія связи заимствованія. Онъ ищетъ и находитъ другія причины; вмѣсто многоаго, приведу одинъ его отзывъ (стр. 218—219): Планъ Варлаама отчасти *по сходству основной темы*, отчасти *случайно* сходится въ нѣкоторыхъ моментахъ съ легендарнымъ житіемъ Будды. О случайности авторъ говоритъ не разъ; это таковой ненаучный критерій, что я ограничусь лишь „случайнымъ“ его упоминаніемъ. Другое дѣло: сходство основной темы, единство идеи (стр. 224), сходство направленій (стр. 229) и т. п. Идею г. Кирпичникова лучше всего пояснять слѣдующія двѣ выписки: онъ говоритъ, что какъ въ буддійской Индіи, такъ и на христіанскомъ востокѣ аскетизмъ, добровольное отрѣшеніе отъ благъ жизни пользовалось высокимъ уваженіемъ и возбуждало поэтическое творчество грамотниковъ и народа (стр. 217); удивительно ли послѣ того, что буддисты и христіанскій аскетъ сошлись въ осязательномъ изображеніи одной и той же мысли? (стр. 225). Что единство культурныхъ условій, одинаковая степень умственного развитія могутъ приводить различныя народныя среды къ одинаковымъ или сходнымъ выраженіямъ мысли въ формѣ міѳа, обряда, эпической пѣсни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и остается только пожелать, чтобы, напримѣръ, наука сравнительной міѳологіи болѣе обращала вниманія на это теоретическое положеніе. Но нельзя не замѣтить, что такому объясненію сходства — вслѣдствіе общности культурныхъ условій—подлежатъ лишь первичные факты: первичныя міѳы, простѣйшіе эпическіе сюжеты; къ фактамъ сложнымъ, представляющимъ цѣлую послѣдовательность моментовъ, это объясненіе едва ли приложимо. Этого не взялъ въ соображеніе г. Кирпичниковъ, и потому, принимаясь доказывать христіанскую самостоятельность Варлаама и Іоасафа, поступаетъ такимъ образомъ: онъ обращается къ литературѣ легендъ и находитъ въ житіяхъ христіанскихъ подвиж-

никовъ всѣ тѣ черты, которыя въ Варлаамѣ и Іоасафѣ толкуются какъ перенесенныя изъ буддійскаго оригинала. Іоасафъ, на примѣръ, рано начинаетъ помышлять о вопросахъ духовной жизни—то же разказывается и о другихъ святыхъ; Варлаамъ приходитъ къ Іоасафу въ образѣ купца—Оригенъ посылаетъ къ св. Варварѣ своего ученика, который выдаетъ себя за медика. Преніямъ съ язычниками въ житіи Іоасафа отвѣчаютъ подобныя же въ Клементинахъ. Отецъ искушаетъ Іоасафа женскою красотою: но то же разказывается о св. Витѣ, св. Крестанѣ; въ житіяхъ угодниковъ также сыновья нерѣдко обращаютъ своихъ отцовъ и т. д.

Заключеніе г. Кирпичникова читатель предвидитъ, но онъ же противопоставитъ ему его собственное положеніе: что о сродствѣ разказовъ слѣдуетъ говорить лишь тогда, когда тамъ и здѣсь является единство нѣсколькихъ моментовъ. Такихъ и притомъ весьма опредѣленныхъ моментовъ въ житіи Варлаама и Іоасафа является нѣсколько: рожденіе, особое воспитаніе, искусственное заключеніе, знаменательныя встрѣчи, обращеніе, бѣгство и т. п. Г. Кирпичниковъ беретъ одинъ изъ этихъ моментовъ и находитъ ему параллель въ той или другой легендѣ; затѣмъ беретъ другой и подыскиваетъ ему другую аналогію и т. д. Еслибъ я могъ увѣрять въ состоятельность его приѣма, я готовъ былъ бы принять такой, на примѣръ, вызовъ: пусть дадутъ мнѣ переводъ какого-нибудь французскаго романа, въ которомъ одни лишь имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстностей были бы замѣнены русскими, и я берусь доказать, что этотъ переводъ—вещь совершенно самостоятельная, что сходство съ предполагаемымъ подлинникомъ—только культурное, и для каждаго эпизода подыщу соответствующую аналогію изъ русскихъ романовъ.

Дѣло въ томъ, что житіе Варлаама и Іоасафа представляетъ *нѣсколько эпическихъ моментовъ, расположенныхъ въ известной послѣдовательности*. Вотъ для этой послѣдовательности и надо было подыскать подходящую христіанскую параллель. Таковой нашлась въ легендарной біографіи Будды и до сихъ поръ не найдена въ области христіанскихъ легендъ. Мы ожидали такого открытія отъ г. Кирпичникова, основываясь на первыхъ строкахъ его четвертой главы: „Съ 1860 года“, говоритъ онъ, — „то-есть, со времени появленія статьи Либрехта, буддійское происхожденіе повѣсти считается многими несомнѣннымъ; издатели французскаго текста полагаютъ даже, что въ новыхъ доказательствахъ нѣтъ нужды. Надѣмся доказать противное“. Доказательствъ мы не видѣли и тѣмъ подозрительнѣе отно-

симся къ доводамъ г. Кирпичникова, что они исходятъ изъ предва-
таго рѣшенія, что-де вліяніе буддійской легенды на христіанскую до-
пустить не возможно. Я не даромъ говорю о предвзятости: авторъ
готовъ допустить заимствованіе, лишь бы не въ томъ направленіи,
въ которое всё вѣрятъ, а въ обратномъ. Схвативъ фразу профессо-
ра Васильева, что буддизмъ развивался не столько изъ собственныхъ
началъ, сколько подъ постороннимъ вліяніемъ, перенимая у другихъ,
вводя или передѣлывая ихъ идеи у себя, г. Кирпичниковъ спраши-
ваетъ: возможно ли предположить, что авторъ буддійской легенды
заимствовалъ эпизодъ изъ греческаго житія? (стр. 224). Но житіе въ
настоящемъ своемъ видѣ отнесено самимъ г. Кирпичниковымъ къ
половинѣ VIII вѣка по Р. Х., а біографія Будды извѣстна была уже
въ 70-хъ годахъ нашей эры, стало быть восемь столѣтіями ранѣе.
Возможно ли говорить о такомъ обратномъ заимствованіи?

Выбирая изъ книги г. Кирпичникова болѣе живыя стороны, я на-
хожу ихъ въ тѣхъ страницахъ, которыя онъ посвятилъ изученію рус-
скихъ рукописей Варлаама и Іоасафа. Работа его представляетъ не-
достатки; но онъ болѣе другихъ подготовленъ къ тому, чтобы, вер-
нувшись къ ней съ новыми силами, добыть болѣе точные результаты.
Можетъ быть, ему и удастся упрочить свое положеніе о различіи ре-
дакцій житія и такимъ образомъ выполнить хотя часть своихъ нѣ-
сколько щедрыхъ обѣщаній.

Александръ Веселовскій.
